

Издание для сильных и жестких мужчин
СОЛДАТ УДАЧИ
№ 4 (175)
апрель 2009
Под крылом «Беркута»
Израиль: народ и оружие
Морской спецназ страны
ISSN 0201-7121
04
9 770201 712002

Главный редактор Михаил ЕФИМОВ
Зам. главного редактора Игорь МИХАЙЛОВ
Ответственный секретарь Олег ЗИНОВЬЕВ
Специальный корреспондент Олег КОЛОМИЕЦ
Эксперт-консультант Дмитрий ШИРЯЕВ
Экономический отдел Нона ЧЕРНЫШОВА
Отдел распространения Николай ДАРИНСКИЙ

Телефон/факс редакции:
(495) 958-1699,
(495) 237-6270
Адрес редакции:
115162 Москва, ул. Люсиновская, 68.
E-mail: info@soldat-udachi.com
www.soldat-udachi.com
По вопросам рекламы и распространения звонить:
958-1699, 237-6270.

Приглашаем к сотрудничеству рекламных агентов и частных распространителей.

Учредитель и издатель:
ООО «Интернет-Медиа»

Подписано в печать 18.03.09

Издание зарегистрировано в Министерстве печати и информации РФ, свидетельство ПИ № ФС 77 - 21960 от 15.09.2005

Цена свободная

Подписные индексы:
71223 по каталогу Роспечати,
99268 по каталогу российской прессы «Почта России»
(адресная подписка)

Допечатный процесс:
дизайн и верстка Петр КОЛОТИЛОВ

Отпечатано в типографии
ОАО «Кострома»
Заказ № 182
Тираж – 21.500

Точка зрения редакции не обязательно совпадает с мнением авторов

К сведению авторов!
Редакция не имеет возможности рецензировать получаемые материалы.
Рукописи и иллюстрации не возвращаются, кроме уникальных, если это оговорено владельцем. Тексты принимаются в форматах Word.

Михаил ЕФИМОВ

«Армия меня не колышет...»

Недавно встретился со старым товарищем. В прошлом он боевой офицер, теперь в запасе. И тем не менее прежде всегда интересовался, как обстоят дела в нынешней армии. Тут разговорились, я начал «сворачивать» на армейскую тему, а он неожиданно заявил: «Знаешь, меня теперь армия не колышет...» «Это как?» – удивился я. «Да так, – отвечает товарищ, – смотрю по телеку, читаю иногда в газетах. Все нормально. В конце концов ее действительно пора по-настоящему реформировать». И когда я пытался что-то объяснить, лишь замахал руками: мол, и слушать не хочу.

Долго я думал потом над странным поведением моего товарища. Если уж он, офицер запаса, большую часть жизни отдавший армии, заявляет, что это его не колышет, то кого же тогда колышет? Только тех, кто сегодня в строю, кого эта бесконечная реформа достала до самой печенки? Но армия не может существовать только для себя самой, вариться в собственном соку и захлебываться собственными проблемами. Помните, как в советское время пели военные ансамбли: «Мы армия страны, мы армия народа». Ну а если ни страну, ни народ не волнуют армейские проблемы?

Вот это уж вряд ли. Иное дело, что армейская реформа, которая идет беспрерывно почти двадцать лет, навязла у всех на зубах, порядком надоела. Вспомните и назовите хоть одного российского министра обороны, который не реформировал бы армию. Не вспомните. И не потому, что у вас плохая память. Все реформировали, перестраивали, оптимизировали. Но армия от этого не становилась лучше. Ну никак не получалось сделать ее ни боеспособнее, ни мобильнее, ни современнее. Помнится, «либерал-демократы» воем выли, что армии нужен гражданский министр, иначе ничего не получится. У нас уже второй гражданский министр. И что, получилось?

А может, и беспокоиться не надо? Ну какая есть армия, такая и есть. Кто против нас воевать-то будет? Кому мы нужны? А ведь подобное безумное мнение превалировало в 1990-е годы и среди многих политиков, журналистов, экспертов. Оказалось, что все наоборот. Как только мы ослабли, так только ленивый не предъявил нам, к примеру, территориальные претензии. А уж недавние события на Кавказе и вовсе показали, что из малой искры может возгореться пламя большой войны.

Все время думаю, неужто трудно понять: без сильной армии с нами сделают то, что сделали с Югославией или с Ираком. Не верится? Вот Саддаму Хусейну тоже не верилось, да и руководителям в Белграде не могло и в страшном сне присниться, что их нещадно будет бомбить натовская авиация.

Так в конце концов для того и ведется реформа Вооруженных Сил, чтобы не постигла нас участь Югославии и Ирака, скажет возмущенный читатель.

А что ты знаешь, дорогой читатель, о нынешней реформе? О том, что количество частей и соединений в Сухопутных войсках сократится в десять раз, а из офицерского строя каждый второй станет запасником. Говорят, что уйдут только те, кто выслужил свой срок, да офицеры-двухгодичники. Увы, это далеко не так. Недавно у нас в редакции были выпускники факультета журналистики Военного университета. Откровенно говоря, таких подавленных выпускников военного вуза я давно не видел. Обычно это люди уверенные, с хорошим настроем. Ведь позади пять лет учебы, впереди – офицерские погоны, служба, вся жизнь. Себя помню молодым выпускником, потом лейтенантом. Да счастливее этих дней не было в моей жизни.

А у этих ребят на горизонте туман. «Знаете, – сказали они с горечью, – нам вообще никто и ничего не может сказать о нашем будущем. Мы никому не нужны».

Недавно встречался с молодыми офицерами одной из частей, что дислоцируется в Подмосковье. Они тоже толком ничего не знают о будущем своей части, а главное – о собственном будущем. Каково настроение у этих офицеров? Очень тревожное настроение. Боюсь, что чувство тревоги охватило все Вооруженные Силы. Но сдается, что подобное чувство не лучшая основа для реформ.

Журнал тех, чья работа – защищать

Издается с октября 1994 года

№ 4 (175)
апрель 2009

Фото Виталия АНЬКОВА

ЗАРИСОВКИ С НАТУРЫ

стр. 30

«Партизаны» сегодня: взгляд изнутри

Один из сидящих за импровизированным столом, услышав свою фамилию, пытается допить стакан с водкой.
– Да не последняя это твоя бутылка! Становись в строй! – делает ему замечание офицер, и он прав.
В автобусе сидящий позади меня молодой мужчина ведет беседу по мобильному телефону: «Понимаешь, дружище, ведь я присягал!

Анатолий ОБУХОВ

стр. 35

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Израиль: народ и оружие

Особенно не укладывается в голове то, что, приехав домой из армии и переодевшись в гражданское, парень или девушка всюду носят свое оружие, нигде с ним не расставаясь! Часто можно видеть на пляжах, в кафе и парках компании молодежи в штатском, среди которой два-три человека непременно таскают с собой американские винтовки М-16 или М-6 с пристегнутыми магазинами.

Михаил ГОЛЬДРЕЕР

СТАРЫЙ ДНЕВНИК

стр. 38

Морское путешествие на перекладных

...Третий по счету лоцман поднимается на борт ночью. Пристально осматривает предназначенную ему каюту и для начала (подчеркивая «для начала») требует вареных яиц, сыру и кофе, а также водки или, на худой конец, шампанского. Разговаривая с ним, явственно ощущаю запах перегара. Говорю об этом командиру. Тот дает указание обеспечить лоцмана всем необходимым, исключив спиртное.

Михаил СЛИНКИН

стр. 46

ОРУЖИЕ РОССИИ

Под крылом «Беркута»

В 1950 году постановлением Правительства СССР была задана разработка системы ПВО г. Москвы, получившая обозначение «Беркут», позже названная С-25. Создание московской системы ПВО наряду с созданием атомного оружия и средств его доставки – баллистических ракет стало одной из важнейших государственных оборонных задач. Для ее решения были приняты особые меры.

Евгений КЛИМОВИЧ

ИСТОРИЯ ВЕЛИКАЯ И СЛАВНАЯ

стр. 50

Морской спецназ страны

Большую часть снаряжения роновцы изготавливали сами в своих мастерских: шили гидрокомбинезоны и надувные лодки, совершенствовали и переделывали дыхательные аппараты, изобрели и изготовили герметичные контейнеры для оружия и вооружения, а также мешок-устройство для длительного и скрытного наблюдения (длительного нахождения в одном месте) в разведке и многое другое.

Сергей ДМИТРИЕВ

В номере использованы фотографии Михаила Гольдреера, Сергея Сидорова, Владимира Веленгурина, Виталия Анькова, Сергея Плотникова, Михаила Слинкина, Сергея Александрова, из каталога «Оружие России», а также иллюстрации с профильных интернет-сайтов.

КНИГА БОЕВОГО ОПЫТА

Андрей МАРКИН

ПОДЗЕМНАЯ ВОЙНА

Тактика наземно-подземной обороны пехоты

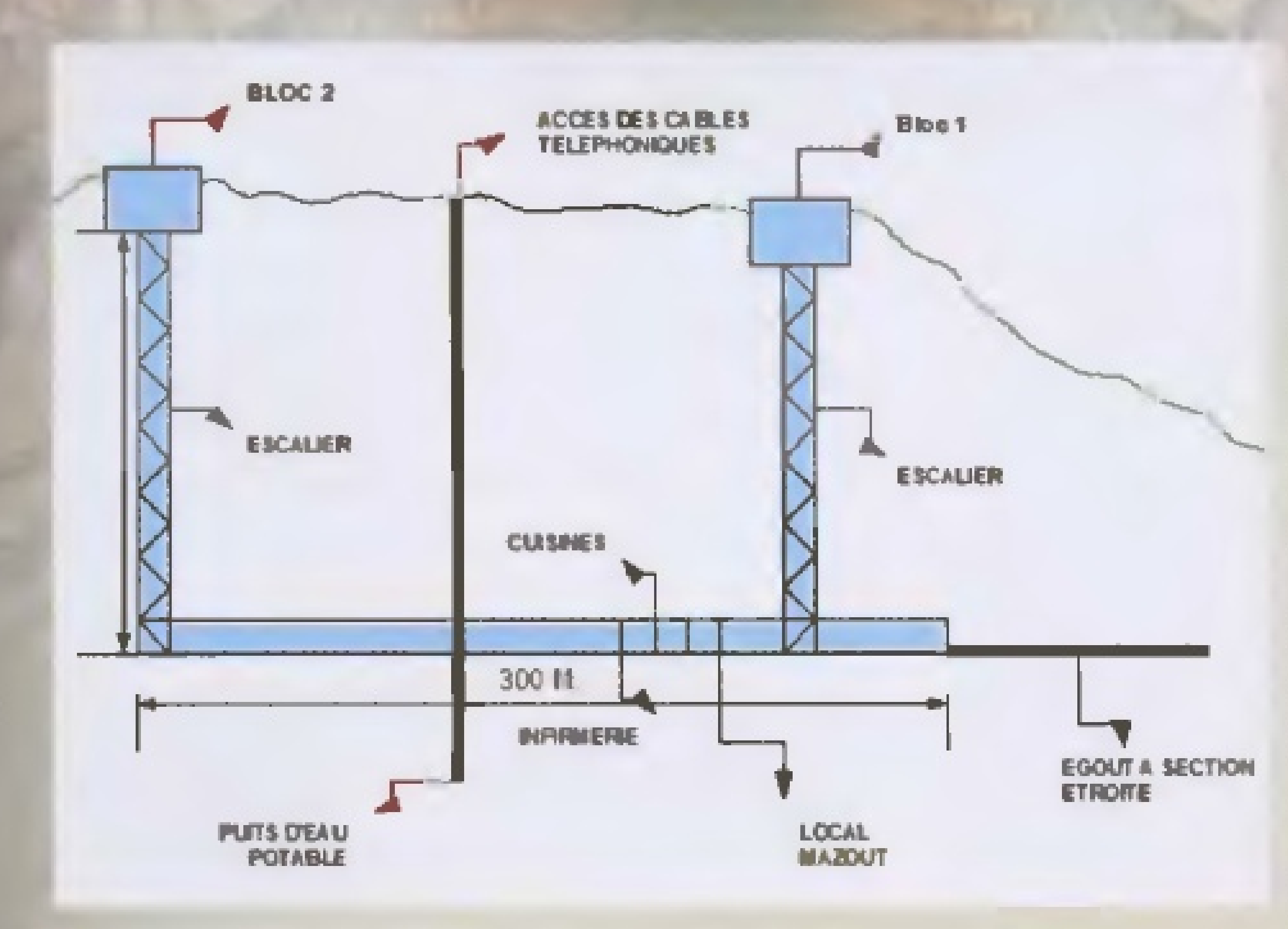
(Продолжение. Начало в № 3)

«ЛИНИЯ МАЖИНО»

Беспомощность прочных убежищ против обычных наземных атак была подтверждена боями на Западном фронте в 1940 году. Примером тому может служить захват французского укрепления Ферте (ouvrage de la Fert) на «линии Мажино» немецкими войсками 18–19 мая 1940 года. Форт состоял из нескольких мощных бетонных укреплений, соединенных 270-метровой подземной галереей, находившейся на глубине примерно 24 метра.

На расстоянии 70 метров от укреплений находилось несколько рядов колючей проволоки. Гарнизон форта состоял из 107 человек. Форт был подвергнут артобстрелу в течение 40 минут из 259 орудий калибров 88, 100, 105, 150, 210 мм, который хотя и нанес ему некоторые повреждения, но они были несущественными. Однако местность перед фортом была превращена в лунный пейзаж с огромным количеством воронок.

После этого последовал 10-минутный обстрел амбразур и башен форта из 88-мм орудий прямой наводкой, одной из целей которого было выбить углубления в бетоне для последующей закладки в них взрывчатых веществ. Под прикрытием дымов, передвигаясь от воронки к воронке, немецкие саперы добрались до амбразур форта и приступили к их уничтожению. В образовавшиеся отверстия были закинуты дымовые шашки. Гарнизон форта задохнулся в подземной галерее. Инженерные сооружения, вели-

Общая схема форта Ферте. Виден подземный туннель, ставший ловушкой для гарнизона

Одно из сооружений форта Ферте. 1980-е годы. На фотографии различимы остатки проволочных заграждений

колепно зашишающие от артобстрела, пали жертвой достаточно стандартной пехотной тактики.

Кстати, немцы сами станут жертвой подобной тактики при высадке союзников в Нормандии в 1944 году при захвате позиций в районе Пон-дю-Хок (Pont du Hoc). Союзники «окопают» немецкие укрепления воронками от бомб и снарядов, что позволит американским солдатам, передвигаясь от воронки к воронке, минимизировать потери от огня немецких пулеметов. К тому же немецкие пулеметы были установлены практически на уровне земли, и выброшенная разрывами земля во многом закрыла их сектора обстрела.

Небольшой нюанс — при атаке по воронкам от разрывов следует учитывать, что в них некоторое время может оставаться угарный газ, образовавшийся после разрыва. Требуется немного подождать, пока газ не будет унесен ветром.

Конечно, можно сказать, что французов подвело отсутствие пехоты, находившейся на поверхности. Однако вряд ли ее наличие изменило бы результат боя. Концентрированным огнем находившаяся на поверхности пехота была бы выбита или отсечена и подавлена. Вопрос с укрытием пехоты от концентрированного огня противника и быстрого вывода ее в окопы для отражения наземной атаки после прекращения вражеского обстрела французами решен не был. Это довольно типичная ошибка для стороны, использовавшей доты: защищая гарнизон огневой точки метрами бетона, земли, бревен, почему-то полагают, что для пехоты, которая должна защищать огневое сооружение из открытых окопов, обычных блиндажей, и подбрустверных ниш будет достаточно.

ОКИНАВА

Несмотря на плохие результаты применения подземных убежищ в Европе, японцам в войне с американцами на тихоокеанском театре военных действий пришлось прибегнуть к их использованию. В боях за острова им нечем было парировать превосходство американцев в воздухе и в артиллерии (в том числе корабельной) — пришлось зарываться под землю.

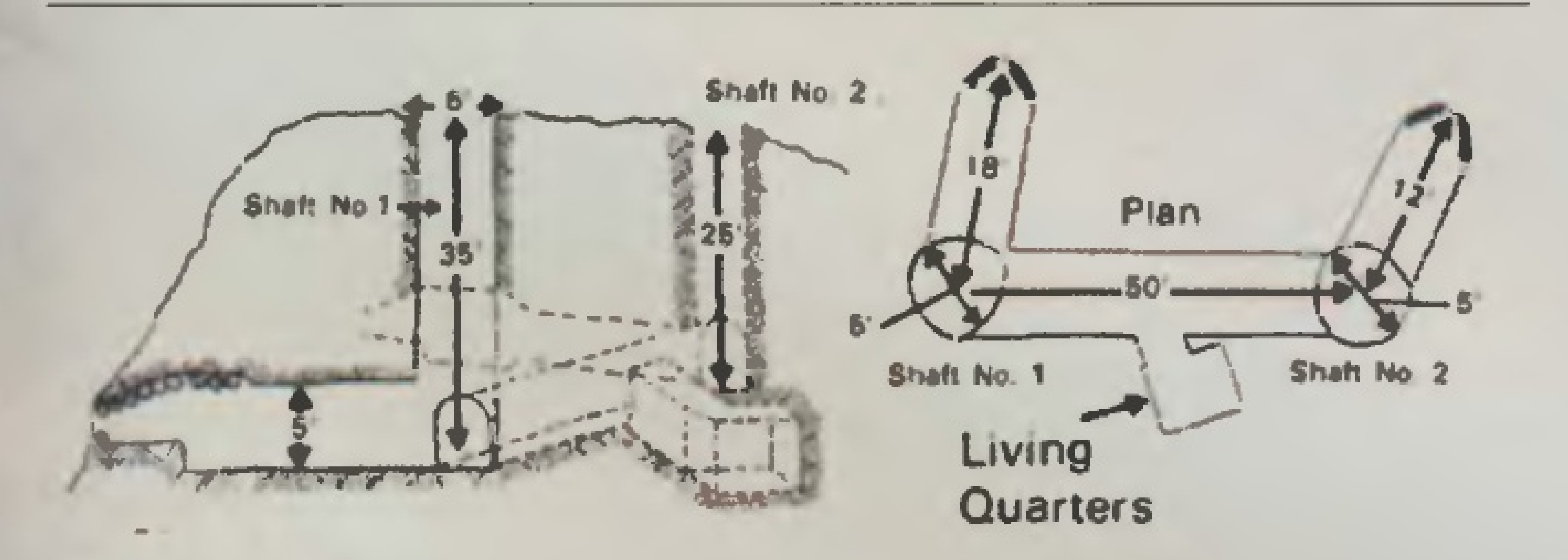
Подземные сооружения японцев принципиально отличались от европейских убежищ Первой мировой войны тем, что вторые предназначались исключительно для укрытия личного состава от артобстрела и были лишь дополнением к обычной наземной полевой обороне, а первые — для непосредственного ведения огня по противнику через амбразуры и составляли основу обороны. Многие позиции на отделение или даже на два-три солдата были своего рода дотами, где вместо бетона от бомб и снарядов защищал известняк, из которого состоят холмы и горы Окинавы. Многие (хотя далеко не все) подземные позиции на уровне до батальона были соединены между собой подземными туннелями, что позволяло перемещать боеприпасы, выносить раненых, передавать команды, не выходя из-под земли. Командование японцев решило, что наземная оборона бесперспективна — американцы все равно все сооружения полевой обороны разрушат с воздуха или артиллерией. Наземные окопы, конечно, были, но основу обороны составляли не они, а подземные сооружения.

Первые атаки американцев на японскую оборону, проводившиеся по обычной схеме — пехотные цепи поднимались в атаку после массированного артобстрела позиций противника, — потерпели неудачу. Однако американцы вскоре перестроили тактику атак на японские позиции. После артобстрела, который отгонял японцев от амбразур, загоняя их поглубже под землю, небольшие группы американских солдат броском сближались с японскими подземными позициями на близкое расстояние от их амбразур и выходов. В качестве варианта действий американцы использовали скрытное просачивание через участки местности, закрытые от обстрела из амбразур японских подземных сооружений. Использовалось также ночное просачивание. К тому времени, когда японцы понимали, что артобстрел закончился, и возврашались к амбразурам, группы американских солдат находились уже недалеко от них в зоне, недоступной для обстрела из японских укрытий. Дальше схема действий была такой: пока одни с близкого расстояния вели огонь по амбразурам и выходам из подземных укрытий, не давая японцам ни стрелять, ни выйти на поверхность для контратаки, другие пробирались как можно ближе к атакуемой амбразуре.

Любимым приемом американцев было забраться чуть выше по склону и приближаться к амбразуре сверху вниз, будучи гарантированно защищенными от фронтального и косоприцельного огня из амбразуры. Сначала в проем бросали ручную гранату, чтобы заставить японских солдат отшатнуться от амбразуры, а вслед за ее разрывом американский солдат броском сближался с отверстием подземного сооружения и забрасывал как можно дальше внутрь подрывной заряд. При наличии ранцевого огнемета в амбразуру проводилось огнеметание. Иногда использовались бутылки с зажигательной смесью. Таким образом, будучи практически неуязвимыми для американской артиллерии и авиации, подземные сооружения японцев уничтожались наземными атаками накоротке.

■ **Схематичное изображение туннельной обороны японцев. Обратите внимание, что основа обороны – отдельные укрепленные точки. «Классических» наземных траншей мало**

■ **Окинава. Схема японской позиции на две амбразуры, не имеющей выхода на обратный скат. Вход осуществляется через вертикальные колодцы**

■ **Окинава. Схема японской позиции с одной амбразурой на двух-трех солдат, пронизывающей возвышенность насквозь. Слева – укрепление амбразуры, в центре – вид сверху, справа – вид обоих входов на обратном скате**

Японцам во что бы то ни стало нужно было уничтожать американских пехотинцев, атакующих подземные сооружения. Для этого они стали оставлять на поверхности (в одиночных окопах) небольшие группы солдат, которые не имели права укрыться в подземных сооружениях даже во время жесточайших обстрелов. Их целью было замедлить приближение американских пехотинцев и дать время укрывшимся под землей занять огневые позиции у амбразур и выйти на поверхность для контратаки.

В конечном счете бои превратились в ожесточенные стычки между группами американской и японской пехоты за те клочки земли, которые были или стали в ходе обстрелов укрыты от огня из амбразур японских подземных сооружений и которые американцы могли использовать для сближения с японскими укрытиями. И здесь начали сказываться ошибки, допущенные японцами при планировании оборонительных действий и устройстве позиций.

Во-первых, намереваясь вести оборону в основном из-под земли, японцы не планировали выделять большое количество пехотинцев для наземных боев. В среднем только одна треть солдат участвовала в наземном противоборстве. Остальные две трети должны были занимать свои огневые позиции у амбразур подземных сооружений, чтобы поддерживать единую систему огня обороны. За рядом исключений в подземных сооружениях не было сделано никаких приготовлений для выхода контратакующих на поверхность: не были готовы помещения, где солдаты могли накапливаться для контратаки – они вынуждены были запруживать туннели, затрудняя поднос боеприпасов, вынос раненых и т.п. Не были также подготовлены безопасные и удобные выходы на поверхность. Вылезать зачастую приходилось по веревочным лестницам через вертикальные шахты, что не позволяло ввести в бой в короткие сроки большое количество солдат и быстро спрятаться в укрытие при отходе американской пехоты и возобновлении американцами артобстрела.

Во-вторых, отсутствовали подземные соединительные ходы в тыл и для связи с соседними подразделениями. Это позволяло американцам изолировать артогнем атакуемую позицию, не позволяя японцам подводить к ней резервы.

В результате на атакуемом участке американских пехотинцев всегда было значительно больше, чем японских солдат, что вело к постоянным проигрышам японцами боев на поверхности.

Наконец, японцы не наладили систему связи пехоты с артиллерией. В передовых пехотных подразделениях не только не было радиосвязи с артиллерией, но и даже более примитивные способы связи (посыльные, условные световые сигналы и т.п.) не планировались к применению. Все, что могла сделать довольно многочисленная японская артиллерия для защиты передовых подземных сооружений японцев, – открыть огонь по заранее запланированному рубежу безотносительно к тому, где находятся атакующие американцы. Защитить атакуемые американской пехотой подземные сооружения, обстреляв район их расположения, японская артиллерия не могла, несмотря на то, что эта тактика применялась японцами еще в 1943 году в боях на Новой Гвинее.

Для уничтожения американских танков, которые сильно облегчали атакующим задачу по разгрому обороны, японцам было необходимо обеспечить подход пехотинцев – истребителей танков в непосредственную близость к бронированным машинам. Однако

для этого требовалось отсечь танки от сопровождающей их пехоты. Японцы отмечали, что обстрел американских танков из минометов, безвредный для самих танков, как правило, заставлял их отступить — американские танкисты не хотели оставаться без пехотного прикрытия. Однако эффективно отсекать сопровождающую танки пехоту японцам по указанным выше причинам не удавалось.

Отметим, что еще один способ уничтожения амбразур подземных сооружений — стрельба прямой наводкой артиллерийскими орудиями с близкого расстояния — не получил на Окинаве большого распространения, хотя упоминания о применении этого способа американцами в боях за другие острова Тихого океана имеются.

Судьба подземных сооружений решалась в боях на поверхности. Как только американцам удавалось оседлать входы в подземные сооружения, судьба гарнизона была решена. Весьма нехитрыми методами — огнеметанием, закидыванием дымовых шашек, взрывных зарядов, заливанием бензина в воздуховоды и его поджиганием, заваливанием входов навесным бульдозерным оборудованием — подземный гарнизон обрекался на смерть.

Безусловно, случаи, когда отдельные участки японской обороны работали как часы, имели место. Огнем из подземных убежищ американская пехота сковывалась и отсекалась от путей отхода, интенсивным обстрелом из минометов зона в непосредственной близости от амбразур и выходов из подземных сооружений очищалась от американской пехоты, и большое количество японской пехоты выходило (в основном через выходы на обратном скате) из подземных убежищ и контратакой с близкого расстояния уничтожало американцев, после чего сразу укрывалось под землей.

Однако в целом система подземной обороны на Окинаве не смогла остановить американцев. Бои показали, что подземные сооружения выключают из боя большое количество солдат и сравнительно легко превращаются в смертельные ловушки для укрывшихся в них людей.

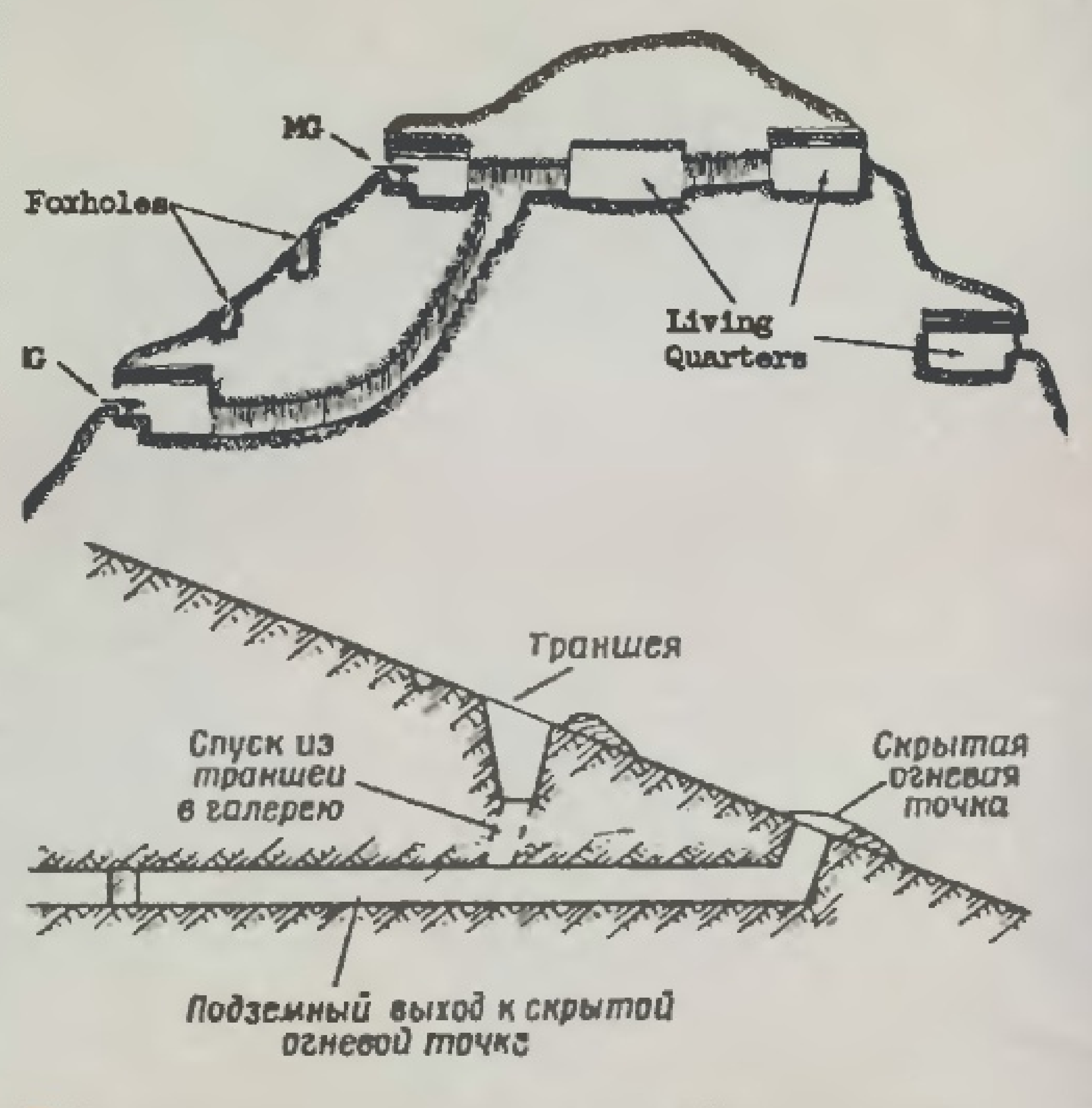
ВОЙНА В КОРЕЕ: И ВСЕ-ТАКИ ОНА РАБОТАЕТ

Почему же подземная оборона, имеющая многочисленные недостатки, выявленные в ходе двух мировых войн, «вдруг» стала удачно работать в Корее? Причем против американской армии, которая довела до совершенства приемы уничтожения подземной обороны японцев в ходе боев за острова в Тихом океане.

Сначала укажем, что, по большому счету, никаких принципиальных новшеств в устройстве подземных галерей в Корее, по сравнению с японскими подземными галереями, не было.

СКРЫТАЯ ОГНЕВАЯ ТОЧКА

Из интересных моментов можно разве что отметить использование выносных (скрытых) огневых точек. В сторону от основных траншей и галерей (в том числе вперед от траншей первой линии) делался подземный ход, который заканчивался амбразурой. За счет того, что позиция находилась в стороне и была незаметна, она прицельно не обстреливалась артогнем и не подвергалась бомбардировке атакующих. Это позволяло вести сдерживающий огонь по приближающейся американской пехоте, в то время как на основных оборонительных позициях еще рвались американские бомбы и снаряды. Вынесенная вперед скрытая огневая точка могла открывать огонь неожиданно, нередко во фланг или даже в тыл атакующим, успевшим перейти ее и сблизиться с основными оборонительными позициями. В любом случае информация о приближении пехоты противника своевременно передавалась основным силам обороняющихся, что не позволяло противнику захватить позиции врасплох, не давая выйти на поверхность. Вынесенная огневая точка выполняла функцию перископа, который зачастую устанавливался на сооружениях долговременной фортификации, позволяя вести наблюдение за вражеской пехотой, несмотря на артподготовку противника.

Два варианта прокладки подземной галереи к выносной (скрытой) огневой точке

ТАКТИКА

Главное — северокорейцам и китайцам удалось соединить подземный тип оборонительных сооружений с правильной тактикой их использования, избежав многих ранее допущенных ошибок.

Первоначально использовать подземные сооружения не предполагалось. Оборона планировалась обычная, наземная. Однако господство противника в воздухе и превосходство в артиллерии вынудило начать закапываться в землю и прокладывать подземные туннели. Вследствие того, что первоначально оборона строилась как исключительно наземная, подземные туннели рассматривались лишь средством усиления наземной обороны, а не ее заменителями. Сами туннели сначала возникли для того, чтобы соединить оборонительные позиции на переднем скате с обратным скатом, где войска могли пережидать артподготовку противника, вместо того чтобы для той же цели вести ход сообщения через гребень возвышенности.

Читая американские источники, можно сделать вывод, что в Корее во многих случаях дальше подземных ходов сообщения туннельная система развития вообще не получала.

Кстати, такая разновидность обороны на обратном скате возвышенности (для ведения оборонительного боя пехота после артподготовки противника переходит на передний скат, а не остается на обратном) применялась в Европе, с той разницей, что позиции соединялись не туннелями, а назем-

ными траншеями, пусть даже перекрытыми.

Имеются данные, что в Корее в некоторых случаях применялась также оборона на обратном скате в чистом виде, то есть на переднем скате оборонительные позиции отсутствовали, на гребне располагались наблюдатели и корректировщики. Туннели же прокапывались до переднего ската тоже исключительно для скрытого наблюдения и корректировки огня, а гребень удерживался контратаками.

Впоследствии, когда китайские и северокорейские войска смогли массировать артогонь по американским позициям на передних скатах, американцы сами стали рекомендовать своим войскам использовать туннели для контроля переднего ската при обороне на обратном скате в чистом виде. А также прятать артиллерийские орудия под крышу дерево-земляных укреплений.

Впрочем, сведений о широком использовании американцами туннелей и подземных позиций для артиллерии не имеется.

К концу войны наземная оборона китайцев и северокорейцев обычно включала в себя две-три линии (яруса) наземных траншей на скатах высот и усиливалась оборонительными сооружениями, располагавшимися непосредственно на их вершинах.

Наземные траншеи по возможности укреплялись, многие ходы сообщения делались с перекрытиями из крупного хвороста, засыпанного сверху землей, что вместе с нагорными канавами защищало от напалма, между участками перекрытий оставлялись промежутки в 35—40 метров.

Устраивалось большое количество дзотов с перекрытиями из связанных бревен, земли и камней — до двух метров толщиной. Причем дзоты устраивались в складках местности, укрывавших их от фронтального обстрела, для ведения флангового и косоприцельного огня. Американцы признавались, что артиллерия могла уничтожить такой дзот только прямым попаданием 8-дюймовой гаубицы (203 мм), причем вероятность прямого попадания была крайне мала — 1 к 1.000.

В любом варианте ведения обороны, и это нужно подчеркнуть особо, северокорейцами и китайцами основная масса солдат выводилась для ведения боя с пехотой противника в траншеи на поверхность, во время же бомбардировок и артобстрелов китайцы и корейцы находились под землей.

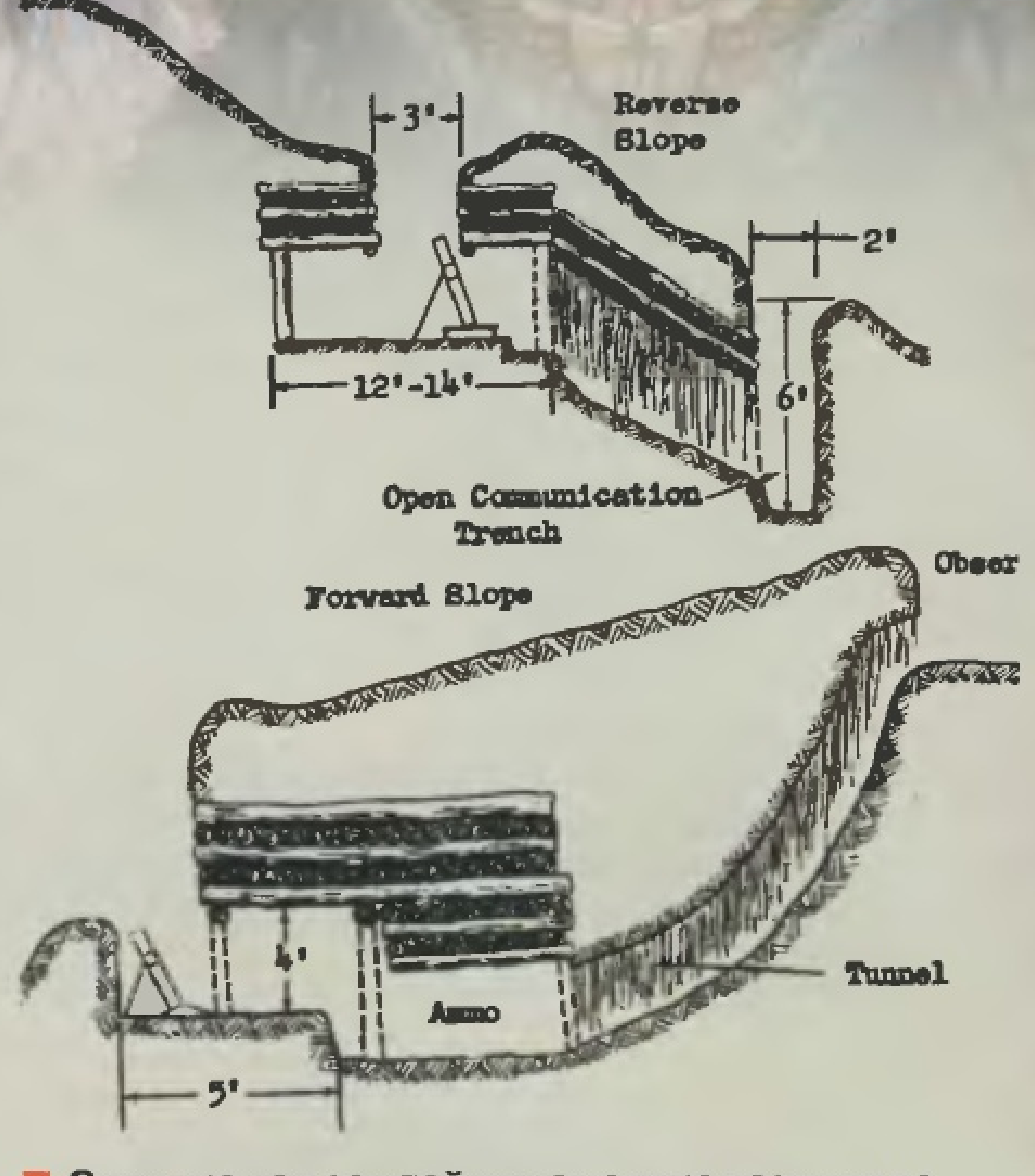
Главная роль туннелей — даже не укрытие для солдат, а возможность осуществлять сообщение внутри позиции и с тылом, несмотря на обстрел. Рыть для этого приходилось очень много, но у войск появлялась «подземная мобильность» и, что, может быть, даже более важно, устойчивая связь с поддерживающими подразделениями. Нитка телефонного провода, проложенная в туннеле, не повреждалась в результате бомбардировок и артобстрелов. Но даже в ее отсутствие посыльные могли свободно перемещаться по туннелям, или можно было передавать сообщения свистками (горнами), или просто криком от одного солдата к другому.

Важным моментом было то, что выходы из туннелей вели в перекрытые сверху участки траншей, поэтому определить местоположение выходов для их обстрела американцам было сложно.

Американские бомбардировки и артобстрелы, безусловно, наносили многочисленные повреждения наземным инженерным сооружениям, но для отражения наземных атак их хватало. По возможности эти сооружения восстанавливали в перерывах между боями. Объем работ был колоссальным, но это неизбежная плата за превосходство противника в огневых средствах.

Огонь из пулеметов и легкого пехотного оружия китайцами и северокорейцами открывался в основном с близкого расстояния, когда близость американской пехоты мешала американской артиллерии и авиации обрабатывать огнем оборонительные позиции; даже артиллерия обороняющихся воздерживалась от открытия огня по противнику до тех пор, пока он не подходил на 400 метров к оборонительной позиции, чтобы избежать раннего обнаружения и контрбатарейного огня. Если американским пехотинцам удавалось приблизиться к дзотам на дистанцию одного рывка (около 20 метров), атака на оборонительные сооружения нередко останавливалась непрекращавшимся ливнем ручных гранат из наземных окопов, примыкавших к дзоту.

Справедливости ради следует отметить, что успешной обороне сильно способствовал гористый характер местности. Атака американцев шла вверх по склону, что очень замедляло продвижение и мешало американской пехоте вести огонь.

Скрытые под землей минометные позиции на обратном и на переднем скатах высот

ОБСТРЕЛ СОБСТВЕННЫХ ПОЗИЦИЙ

Если американцам удавалось оседлать выходы или амбразуры подземных сооружений или захватить наземные траншеи, то следовал немедленный обстрел северокорейцами прилегающей местности из заранее пристрелянных орудий.

В основном это был огонь из минометов — их позиции были скрыты под землей. Подземная позиция для миномета требует не очень больших затрат времени на ее устройство, она малозаметна, таких позиций можно сделать много (в том числе запасных и ложных), подавить их противнику крайне сложно. Позднее, в ходе афганской войны, душманы будут устанавливать минометы в ямы, поливая землю водой и покрывая позицию мешковиной с продольной прорезью — так избегали поднятия пыли и скрывали сноп пламени при выстреле.

Минометы также устанавливали на обычных открытых позициях и просто разбирали и уносили под землю после отстрела запланированного количества мин, или как только начинался контрбатарейный огонь или бомбардировка противника.

Опорную плиту миномета бывало оставляли на поверхности, риск ее повреждения от артобстрела минимален — носить в укрытие и из укрытия нужно было только минометный ствол.

Отметим, что немцы в ходе осады Ленинграда с аналогичными целями выкапывали ровик на минометной позиции, куда прятали минометный ствол, а сами укрывались в блиндаже.

Под землю также зарывали и большие артиллерийские орудия. Так, известен пример, когда под землю на переднем скате была зарыта 4-орудийная батарея 76-мм пушек — размер укрытия на орудие составлял 6,5 м на 10 м, глубина от поверхности — 5,4 метра.

Огонь мог вестись как изнутри подземного укрытия, так и путем выкатывания орудий на поверхность на время ведения огня. Американские отчеты показывали, что требовалось порядка 50 прицельных выстрелов артиллерии, чтобы уничтожить такое «подземное» орудие.

Сделаем отступление и укажем, что нечто похожее использовалось нашими войсками в ходе подготовки к оборонительным боям на Курской дуге летом 1943 года. Тогда для каждого орудия противотанковой обороны оборудовался «карман», в который оно закатывалось до боя с танками. Все «карманы» перекрывались двумя-тремя накатами из бревен и были покрыты толстым слоем земли...

Впрочем, вернемся в Корею. Часть артиллерийских орудий находилась в убежищах практически на предельных от обороняемых позиций дальностях, так что сколь-нибудь эффективный обстрел мог вестись только непосредственно перед передним краем собственной обороны. Таким образом, позиции максимально «отодвигались» от американской артиллерии, делая контрбатарейный огонь даже тяжелой американской артиллерии, включая 8-дюймовые (203-мм) гаубицы, неэффективным.

Американцы также отмечают, что им было крайне тяжело установить, какие артиллерийские позиции были физически заняты орудиями противника, а какие оставались пусты, с учетом постоянного перемещения противником орудий с позиции на позицию.

В тех случаях, когда американцам удавалось оседлать амбразуры подземных сооружений или они начинали прицельно их обстреливать артиллерией, установленное в нем вооружение зачастую просто переносилось в другое место.

Местность была «перенасыщена» потенциальными целями, каждая из которых требовала для своего уничтожения изрядного расхода боеприпасов. Временно подавлять позиции удавалось, но их уничтожение было крайне затруднительным.

Заранее подготовленный огонь по собственным позициям, захваченным противником, был одним из ключевых элементов обороны. Он требовал своевременного оповещения пехотой артиллеристов о том, какой участок местности необходимо обстрелять. Пехота же должна была получить своевременную информацию о том, когда артогонь прекратится, с тем чтобы сразу после последнего разрыва, пока противник еще прижат к земле, рывком выйти на поверхность и завязать наземный бой.

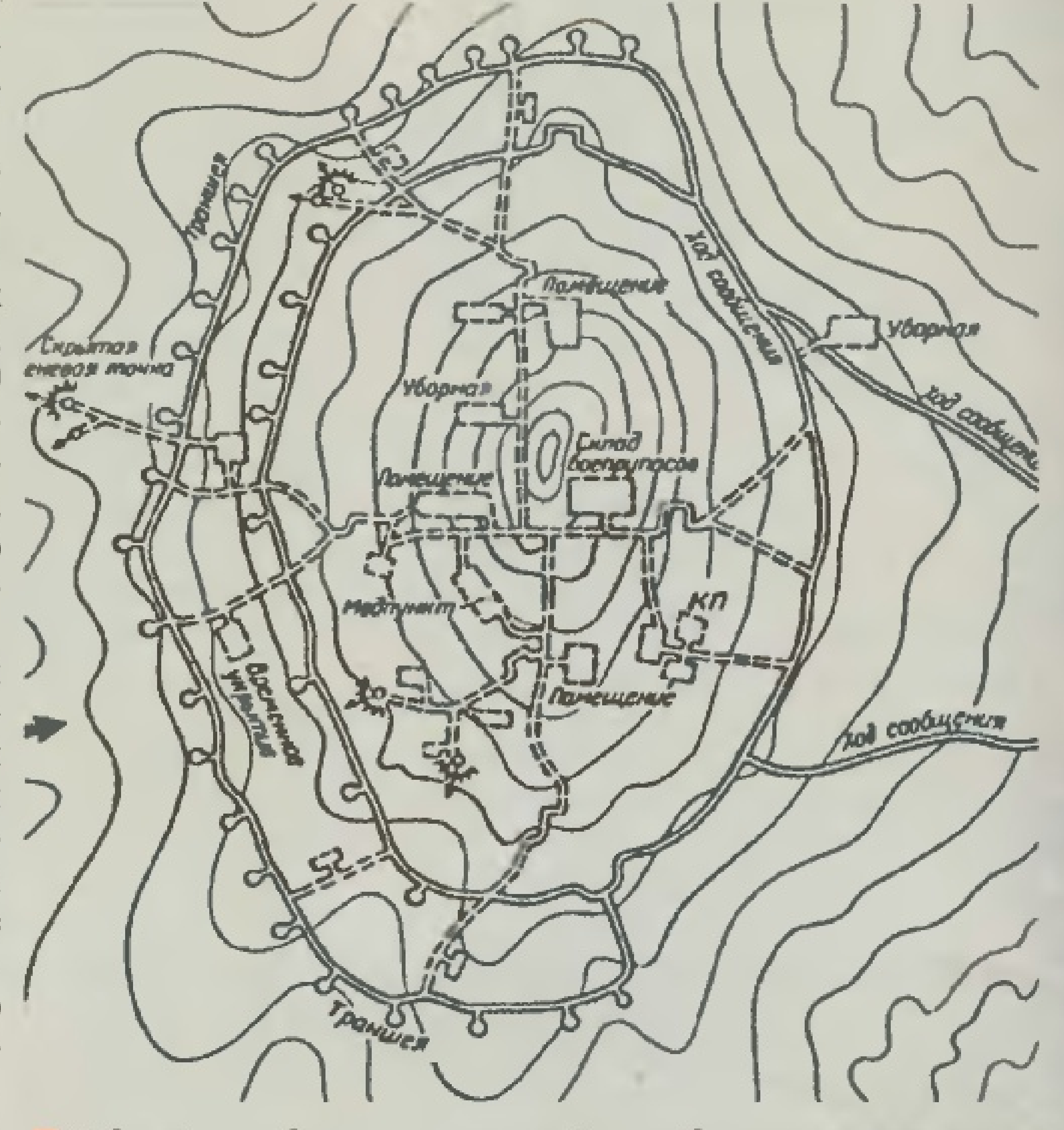
КОНТРАТАКА ПЕХОТЫ

После артиллерийского обстрела следовала наземная контратака пехоты, причем подвод и накапливание подкреплений для контратаки и развертывание их на поверхности производились с использованием туннелей. Даже если американцы изолировали артогнем занятый участок, то подземные галереи позволяли завести солдат под рубежами заградительного огня в непосредственную близость от захваченной позиции для контратаки.

Наземные позиции для накапливания подразделений, предназначенных для контратаки, находились в 45–70 метрах от передовой оборонительной позиции, с которой нужно было выбить американцев.

В другом варианте действий контратаки на захваченный участок оборонительной позиции немедленно не осуществлялись. В течение всего светового дня продолжался изматывающий атакующих бой за очистку наземных позиций. Обороняющиеся дожидались ночи и только тогда контратаковали, причем атака начиналась практически сразу, как устанавливалась темнота. Ночные контратаки осуществлялись значительным количеством небольших подразделений — отделениями и взводами, действовавшими самостоятельно. Обычная тактика — скрытно сблизиться с противником на минимально возможную дистанцию, а затем броском достигнуть его позиций. Цель — выбить американцев с только что захваченных позиций до полуночи, чтобы за остаток ночи успеть восстановить инженерное оборудование. С утра американцам нужно было повторно штурмовать те же позиции. И так день за днем.

Из изложенного выше не следует делать вывод, что американцам не удавалось захватывать позиции китайцев и северокорейцев. Туннельная система обороны переводит борьбу на пехотный уровень, во многом снимая проблему технического превосходства противника, но не гарантирует победу пехоты обороняющихся над атакующей пехотой. Далеко не всегда обороняющиеся действовали тактически правильно. Американская пехота неоднократно захватывала оборонительные позиции противника, но, как правило, только после упорных и изматывающих боев, неся значительные потери.

Общий вид батальонного района обороны на важном направлении. Сплошной линией показаны наземные окопы, прерывистой — подземные туннели

ТАКТИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ПОДЗЕМНЫХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ПОЗИЦИЙ

Завершая краткий обзор использования подземной системы обороны в «больших» войнах, попробуем сфор-

мулировать требования, которым она должна отвечать, для того чтобы быть успешной в современных условиях.

Сначала отметим, что при примерном равновесии сил в воздухе туннели вряд ли будут востребованы. Войска могут психологически «прирастать» к позициям, в обустройство которых они вложили много сил. При наличии относительной свободы маневрирования это нежелательно. Лучшая защита от бомб для обороняющихся — эффективное взаимодействие со своей авиацией. Однако если авиация противника, имеющая достаточный арсенал как обычного, так и высокоточного оружия, полностью господствует в воздухе, то на участке сосредоточения атакующим противником основных усилий она сделает практически невозможным снабжение и подвод резервов обороняющимся и какой-либо маневр силами и средствами. Предвидя ведение обороны при таком соотношении сил, целесообразно прибегнуть к устройству подземных галерей.

Также потребуется адаптировать тактику использования бронетехники. Впрочем, действия танков и БМП (БТР) при полном господстве противника в воздухе — это тема для отдельного исследования, выходящего за рамки этой статьи.

Перечислим основные требования к туннельной обороне.

1. Подземные позиции должны являться способом укрепления наземной обороны и не рассматриваться в качестве основных, хотя затраты времени и материалов на их подготовку во много раз превосходят затраты на оборудование наземных позиций.

Наземные позиции оборудуются обычным для данной тактической ситуации способом. В частности, принимаются все возможные меры, чтобы атака бронетехники противника не могла пробить оборону без введения в бой пехотинцев и саперов, действующих в пешем порядке, а не под броней. Если местность стала танконедоступной из-за действий обороняющихся, то, пока саперы не снимут мины, не уберут иные противотанковые препятствия, а пехотинцы не разделаются с расчетами противотанковых средств и саперами обороняющихся, которые будут стараться закрыть проделанные проходы в противотанковых препятствиях, атакующие танковые подразделения никуда не продвинутся. Бой перейдет на пехотный уровень, и здесь обороняющиеся за счет свободы маневра, предоставляемого туннелями, могут получить значительные преимущества.

Отметим, что при оборудовании наземных позиций их нужно хорошо замаскировать. Причем маскировка должна быть способной пережить артобстрел и бомбардировки, а также применение зажигательных материалов. Маскировочные сети, кустарник и ветки деревьев нельзя считать надежной маскировкой, поскольку такая маскировка уничтожается. Сооружения надежно маскируются обсыпкой, похожей на естественную, камнями и дерном.

2. Обороняющаяся пехота каждый раз при подходе атакующей пехоты противника на расстояние, исключающее продолжение обстрела с воздуха и артиллерией из-за боязни противника зацепить своих, должна выходить для ведения борьбы на поверхность, а при отходе противника дальше этого расстояния — укрываться под землей, сколько бы раз это ни требовалось сделать. Пехотный бой в основном ведется накоротке, а не на максимальных эффективных дальностях огня из стрелкового оружия.

Существенно может повлиять на применяемую тактику использование высокоточного оружия. И хотя это оружие в первую очередь предназначается для поражения бронированных целей и очень дорогое, опыт последних конфликтов показывает, что оно применяется и против менее важных целей, вплоть до одиночных солдат противника. Весьма вероятно, что атакующие попробуют его использовать для того, чтобы подобраться ближе к обороняемым окопам.

Возникают два противоречащих друг другу требования: с одной стороны, для защиты от тяжелого оружия атакующих требуется, чтобы выход на поверхность осуществлялся только после сближения его пехоты с обороняемыми позициями на довольно близкое расстояние, с другой стороны, нужно начинать бой на поверхности так, чтобы не допустить сближения пехоты противника с обороняемыми позициями слишком близко, стремясь остановить атаку вражеской пехоты перед передним краем обороны.

Решения этой проблемы существуют.

Обороняющиеся могут сначала выпускать в наземные окопы отдельные небольшие группы солдат либо открывать огонь немного из глубины обороны из скрытых (выносных) огневых точек. Только после того, как в ходе огневого боя пехота противника приблизится настолько, чтобы «прикрыть собой» обороняющихся от действия своего же тяжелого оружия, в наземных окопах занимают места остальные. Также противодействуют тактике ложных переносов артогня. Вывод пехоты на поверхность осуществляется в две-три очереди. Например, первая очередь — это отдельные расчеты ПТУР, снайперы, минометчики, гранатометчики, которые появляются на поверхности на короткое время, наносят удар с дальнего расстояния и прячутся обратно в подземные галереи. Вторая очередь — относительно небольшие группы солдат, цель которых завязать огневой бой с пехотой противника на дистанциях 100–200 метров, замедлить ее приближение, заставить перейти на переползание и на короткие перебежки, а при подходе противника на 50–60 метров подать об этом сигнал в подземные галереи. И только после этого на поверхность выводится основная масса обороняющихся солдат для ведения боя накоротке. Третьей очереди солдат нужно быть готовой к осуществлению контратак как с силовым выходом из-под земли на поверхность, так и из небольшой глубины обороны (40–60 метров от линии передних окопов).

3. Подземные туннели должны обеспечить возможность подземного маневра силами и средствами, выход во многих местах на поверхность, связь между подразделениями, а также взаимодействие с поддерживающей артиллерией.

Необходимо помнить, что никакие оборонительные позиции не смогут устоять против хорошо спланированной и скоординированной атаки при поддержке атакующих артиллерией и с воздуха, если к месту боя обороняющиеся не смогут подводить резервы. Обеспечить возможность подвода помощи к атакованному участку – самая главная задача туннельной системы.

Нужно отчетливо понимать, что содействуют успеху в оборонительном бою не туннели сами по себе, а правильная тактика их использования, без которой подземные позиции с большой степенью вероятности будут помогать не обороняющимся, а атакующим.

И последний момент. Усилия, прилагаемые для удержания обороняемой позиции, определяются ее тактической ценностью, а не временем и силами, потраченными на ее обустройство. Если противник захватил наземные позиции и выбить его оттуда никак не получается, то сидение под землей только в редких случаях может иметь какой-либо тактический смысл. Все очень быстро может свестись к

«охране» самих себя. Войска должны быть готовы к тому, что построенные с большими усилиями позиции придется бросать и на новом месте начинать все строить заново.

БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ

Рассказ о тактике туннельной обороны не был бы полон, если не осветить вопросы живучести подземного гарнизона.

Первый фактор, который необходимо учитывать при постройке туннеля, — усиление эффекта взрывной волны в замкнутом пространстве из-за того, что она, двигаясь по туннелю, гораздо меньше ослабевает, чем при поверхностном взрыве, так как не рассеивается в пространстве. Взрывная волна, попав в туннель, может пройтись по всей его длине, убивая и контузя находящихся там солдат. В связи с наличием высокоточного оружия вероятность того, что противник сможет произвести взрыв в непосредственной близости от входа в туннель (снаружи или даже внутри туннеля), в настоящее время многократно возросла по сравнению с войнами прошлого. Поэтому прямое заимствование планов устройств туннелей, которые ранее применялись, недопустимо. При прокладке туннелей требуется прибегнуть к некоторым, впрочем, весьма несложным, фортификационным приемам.

Во-первых, для ослабления ударной волны от близкого взрыва и для препятствования попаданию высокоточных ракет внутрь туннеля вход в него должен осуществляться через П-образный коридор, имеющий два выхода в траншею «по основаниям буквы». Дальше вглубь туннель отходит от центра «соединительной перекладины буквы». В плане вход напоминает вилку с двумя зубцами. Это так называемый «коленчатый сквозник». В результате взрывная волна в значительной части идет не внутрь туннеля, а, пройдя коридор насквозь, через второй вход наружу.

Если выход осуществляется не в траншею, то близко перед ним необходимо соорудить защитную стенку, чтобы не допустить прямого попадания высокоточной ракеты внутрь туннеля и уменьшить возможность попадания взрывной волны от близкого разрыва в туннель. Разумеется, нужно принимать во внимание возможное ухудшение такой стенкой маскировки входа.

Во-вторых, внутри туннель должен иметь своего рода «траверсы», то есть П-образные отклонения от прямой линии туннеля, чтобы взрывная волна на одном таком «траверсе» должна была 4 раза сделать поворот на 90 градусов, ослабляясь с каждым поворотом. Можно устроить два П-образных колена рядом — одно вправо, другое влево, чтобы в плане получался квадрат или прямоугольник. Тогда на выходе часть взрывной волны, ушедшая вправо, может столкнуться с той, что ушла влево, и они частично погасят друг друга. Также нужно устраивать тупики с ответвлением хода вбок за несколько метров до тупиковой стены, с тем чтобы взрывная волна, отразившись от нее, сама себя частично погасила.

Важно, чтобы препятствия к распространению взрывной волны были не только на входах, но и на протяжении туннеля. У саперов имеются свои приемы, как «доставить» взрывную волну внутрь туннеля. Они могут опустить на веревках в вертикальные вентиляционные шахты и входы связки гранат или одноразовые гранатометы/огнеметы и привести их в действие внутри туннеля с помощью другой веревки. В туннель могут запустить животное, обвешанное взрывчаткой. Возможно использование двойного подрыва: две мины, соединенные друг с другом детонационным шнуром, опускаются вниз одна чуть ниже другой и подрываются так, чтобы первой взорвалась верхняя мина. Тогда взрывная волна второй мины отразится от взрывной волны первой и полностью уйдет вниз в туннель. Эффект усиливается, если одновременно производится несколько таких подрывов в соседних шахтах, наибольший эффект — во всех шахтах туннельной системы. В этом случае ударные волны взаимно препятствуют друг другу выйти из туннеля через другой выход, увеличивая эффективность воздействия на подземный гарнизон. Бывает, что веревки заменяют на шесты и на тех же принципах осуществляют подрывы горизонтальных выходов из туннельных систем.

В-третьих, личный состав должен по возможности находиться не на проходе, а в помещениях, выкопанных как ответвления туннеля, которые отходят от него под прямым углом (по крайней мере, по ходу туннеля должны быть сооружены ниши).

Наконец, следует перед входами в эти подземные помещения, в сам туннель и на протяжении туннеля устраивать прочные деревянные двери так, как это предписывают инженерные наставления для входов в подземные укрытия.

При устройстве траверсов и дверей нужно помнить, что при этом происходит увеличение объема работ и возрастают затраты времени на устройство подземных галерей.

Следует обратить внимание на такой фактор: звуки близких взрывов в туннелях оглушительны, даже если взрывная волна будет в значительной степени погашена. Поэтому при нахождении в туннеле во время бомбежек и обстрелов целесообразно затыкать уши.

Еще один фактор, о котором необходимо упомянуть, — это боеприпасы объемного взрыва, точнее ряд особенностей их действия. Как известно, принцип действия таких боеприпасов состоит в создании облака топливно-воздушной газовой смеси, которое с небольшой задержкой после своего создания подрывается. Взрыв происходит не в одной точке, а везде, куда проникло это облако. Соответственно при падении такого боеприпаса в непосредственной близости от входа в туннель часть топливно-воздушной газовой смеси может залететь в него и подорваться внутри.

(Продолжение следует)

Андрей КИРИЛЛОВ

«ЧТОБЫ СВОИ НЕ ДОЛБАНУЛИ...»

ПОЧЕМУ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ПОДГОТОВКИ АВИАНАВОДЧИКОВ ОПЯТЬ СТАВИТСЯ ПОД СОМНЕНИЕ

В СОТЫЙ РАЗ НА СВОИ ЖЕ ГРАБЛИ, ИЛИ МЫ САМИ С УСАМИ...

...Осенью этого года я встретился со своим товарищем, однополчанином. Он был участником боевых действий в Южной Осетии. На вопрос, как оно все там было, он, выпустив едкие клубы сигаретного дыма, коротко и как-то грустно ответил:

— Бардак. Но все равно — мы победили... Теперь я стал внятно понимать твое желание должным образом организовать подготовку авианаводчиков. До меня это все раньше как-то не доходило, потому что сам с этими вопросами вообще не сталкивался. И вот столкнулся: эти спецы просто необходимы на войне! И еще там позарез нужны артиллерийские корректировщики. Без них ни шагу не ступишь. Иначе артиллерия и авиация будут долбить по своим, а пехота в ответку станет сбивать свои самолеты и вертолеты...

Как-то между прочим вспомнился эпизод из книги Дмитрия Хазанова «Битва за небо. 1941. От Днепра до Финского залива», описывающий боевые действия Красной Армии в Великой Отечественной войне: *«Особенно критически оценивало действия авиации общевойсковое командование, по мнению которого на неудовлетворительном уровне оказалось ее взаимодействие с наземными войсками. И это действительно так: ведь между их командирами и работниками штабов не имелось даже личного контакта... Так, полковник Слюсарев, едва вступив в должность, вынужден был напрямую руководить отдельными полками, понимая, что сложная, многоступенчатая система управления не обеспечивала надежности и оперативности. Иногда в течение дня авиачасти получали от разных инстанций противоречащие друг другу приказы, что создавало неразбериху. Ни разу не удалось вызвать авиацию для удара по конкретным целям и тем более навести свои бомбардировщики на неприятельские танки на поле боя. Принятые условные сигналы для обозначения своих войск (запуск серии красных ракет для танкистов и выкладывание вдвое сложенных белых простыней для пехотинцев) летчики не наблюдали, а покачивание с крыла на крыло (определяло принадлежность к ВВС Красной Армии) было трудно выполнить в бою. Все это усложнило взаимное опознавание. Получилось, что и красноармейцы обстреливали, а бывало, сбивали самолеты с красными звездами на борту, и бомбы падали в расположение своих войск...»*

А ведь задолго до конфликта в Южной Осетии уже «гремели колокола» — неоднократно писалось и рекомендовалось командирам: *«Одним из важнейших направлений деятельности в рамках организации боевой подготовки является подготовка нештатных передовых авиационных наводчиков (далее — ПАН) и корректировщиков артиллерийского огня (далее — КАО). Наличие в подразделениях специального назначения указанных специалистов позволит повысить эффективность боевой работы и снизить уровень потерь личного состава.*

Причинами низких результатов при организации обучения военнослужащих по программе нештатных ПАН и КАО ранее являлось:

— отсутствие плановости, последовательности при построении учебного процесса;

— непродуманное, случайное привлечение военнослужащих на сборы ПАН и КАО, задействованных уже по другим специализациям;

— сроки в два–четыре дня для квалифицированной подготовки данных специалистов крайне недостаточны и не позволяют качественно отработать

все учебные вопросы тем обучения по программам подготовки;

— свой высококвалифицированный преподавательский состав и своя современная учебно-материальная база для полноценного проведения занятий по данным специализациям отсутствуют.

Вывод: необходимо организовывать плановое и систематическое обучение авиационных наводчиков и корректировщиков артиллерийского огня для подразделений специального назначения в профильных высших военных учебных заведениях, учебных центрах ВВС и РВиА. Игнорирование качественной подготовки нештатных ПАН и КАО при проведении боевых мероприятий может привести:

— к нанесению ударов авиации и артиллерии по своим войскам;

— к авариям и катастрофам вертолетов при эвакуации групп специального назначения (далее — ГСпН) и раненых...»

А как же проводились сборы авианаводчиков и арткорректировщиков ранее? Скажем прямо: обучение ПАН и КАО ограничивалось формальными занятиями в течение двух-трех дней для «галочки» в плане ответственного руководителя. И на этом все! Такой «подход» к столь важному делу уже сегодня приносит свои плоды и приводит к плачевным последствиям. Все мнят себя крупными спецами в этих областях, как говорится, «пальцы веером» и «мы сами с усами», дескать «все знаем и могем». Но в горах Северного Кавказа все меняется с точностью до наоборот: оценить метеоусловия в интересах авиации никто не умеет. Борт заводят на площадку по ветру, да и как выбрать площадку, пригодную для «вертушки», как по размерам, уклону ее, так и с гидрометеорологической ее оценкой, не знают. А на «базе» то и дело ведутся разговоры о ненужности метеорологической подготовки в программе обучения авианаводчика ГСпН: зачем, дескать, это метео? Между тем о необходимости метеоподготовки приходится вспоминать разведчикам, спецназовцам, партизанам в самые неподходящие моменты и в основном уже на войне. Хорошо показан такой пример в статье Михаила Болтунова «Военная миссия майора Скрипки», опубликованной в сентябрьском номере журнала «Солдат удачи» за прошлый год: *«В полночь пришла новая радиограмма: «Просим утром и вечером сообщать в штаб фронта состояние погоды в центральной Словакии для нашей авиации», «...теперь предстоит поработать метеорологом» и «стали думать, прикидывать с Геннадием Стальным, как определить состояние погоды. Метеорологических познаний было явно маловато. Дождь от ясной погоды они, конечно, могли отличить, но направление ветра, его силу, высоту нижней кромки облачности — это вряд ли...»*

Приведу здесь еще пару исторических примеров из документальной литературы, свидетельствующих, насколько жизненно важны метеорологические условия для авиации. Вот что писал, в частности, В. Петров в своей книге «Пикирующий бомбардировщик Ju-87 Stuka»: *«В преддверии нападения на Польшу руководство люфтваффе решило лично убедиться в достоинствах пикировщиков «юнкерса», поэтому срочно были организованы показательные полеты. Пасмурным утром 15 августа 1939 года на полигоне Нойхаммер пилоты новеньких Ju-87 B-1 должны были продемонстрировать свое летное мастерство. В небо поднялись три эскадрильи из состава I/StG 76. Поначалу ничто не предвещало беды — прогноз, несмотря на облачность, обещал, что у летчиков будет приличный запас по высоте. Это было особенно важно, потому что нижний предел выхода из пикирования у Ju-87 B-1 составлял 500 метров. На деле все оказалось иначе. Предводимые капитаном Вальтером Зигелем пикировщики нырнули в пелену облаков и, пробив ее, с ужасом обнаружили себя рядом с землей... Командир попытался по рации предупредить своих подчиненных об опасности, но было поздно — с ужасающим ревом «берты» одна за другой вываливались из облачной мути и буквально вонзались в землю. Всего разбилось 13 машин, в том числе вторая эскадрилья в полном составе...» И далее: «Когда пришла пора перевооружать эскадры пикировщиков новыми Ju-87 D, не обошлось без нелепостей. В январе 1942 года на Восточный фронт перегоняли очередную партию пикировщиков. Пять самолетов так и не долетели до места назначения. Попав в снежную бурю, их экипажи разбились вместе со своими «дорами»...*

Мифы о «всепогодности» авиации еще долго будут оставаться всего лишь мифами. Многочисленные жизненные примеры тому подтверждение. Метеорологические условия — важный элемент воздушной обстановки, оказывающий огромное влияние не только на взлет, посадку и полеты воздушных судов, но и на боевое применение ими авиационных средств поражения, а также на состояние аэродромов (взлетных площадок). Нелишне здесь вспомнить, что за прошедшие пять лет в Российской Федерации вследствие летных происшествий погибло около 1,5 тысячи человек. Общий ущерб от летных происшествий только за один год составил более 6 млрд. рублей. Каждый год в нашей стране происходит более 15 авиационных катастроф и аварий. За последние десятилетия сложные метеорологические условия были признаны причиной 20 процентов авиационных происшествий, а в 35 процентах случаев они явились косвенной или сопутствующей причиной таких ЧП...

Ситуация сейчас такова, что вызвать и навести вертолет для эвакуации подорвавшегося на самодельном взрывном устройстве бойца ГСпН едва ли кто из группы сможет. Сигнальные ракеты они запускают чуть ли не в «брюхо» Ми-8, подвергая излишнему риску экипаж вертолета и саму винтокрылую машину. Сигнальный дым зажигают так, что его просто невозможно заметить не только из кабины пилотов, но и в иллюминаторы грузопассажирского отсека «восьмерки». Эти ошибки накладываются одна на другую. А время уходит безвозвратно. И доходит до того, что тяжелораненый боец умирает. В свое оправдание «спецам» остается лишь говорить, что, дескать, «летчики во всем виноваты — ничего не видели, даже дым не заметили».

Вот и получается, что актуальность подготовки авианаводчиков и арткорректировщиков до сих пор, по прошествии уже стольких войн и локальных конфликтов, понимают лишь летчики, артиллеристы и боевые командиры ГСпН, которые сами непосредственно сталкиваются с этими вопросами на войне. А другие ответственные лица, сидящие в теплых кабинетах, которые обязаны принимать важные решения, по-прежнему тупо выводят на бумагах свою резолюцию: «Подготовка ПАН и КАО для подразделений нецелесообразна...», перечеркивая тем самым все перспективные и передовые идеи ведения боевых действий ГСпН в современных условиях... Наверное, военнослужащим подразделения, в котором служил упоминавшийся в начале материала мой приятель-офицер, просто повезло, что они не попали в серьезную заваруху в Южной Осетии, а то бы без наличия подготовленных специалистов (ПАН и КАО) в боевом строю наверняка угодили бы под огонь своей авиации или артиллерии. Почему же никого из руководителей ничему не учит история войн, свой огромный опыт боевых действий, ведь земля уже и так обильно полита кровью наших солдат и офицеров?! Война в Южной Осетии предоставила отсрочку на глу-

бокий анализ произошедшего там, судьба даст нам шанс сделать правильные выводы и возможность основательно подготовиться к очень даже возможным грядущим войнам...

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОСТ

«Чтобы за нас не пили третий...» Это — четвертый тост спецназовцев. Но в отдельных подразделениях разведки, произнося эти слова, тихо добавляют: «И чтобы свои не долбанули...»

Во время чеченских кампаний взаимодействие между федеральными войсками было налажено неплохо, о чем свидетельствуют материалы различных источников. В одном из них читаем: *«Взаимодействие между фронтовой авиацией, авиацией Сухопутных войск и авиацией МВД организовывалось в ЦБУ, где присутствовали представители ВС РФ и ВВ МВД. На первом этапе при планировании огневых задач проводилось целераспределение между фронтовой авиацией и авиацией Сухопутных войск. Авиация МВД в основном выполняла транспортно-десантные задачи. Далее согласовывались вопросы по времени нанесения ударов, по направлениям и высотам захода на цель, уточнялись время работы артиллерии и объекты ее удара. Отрабатывались взаимные меры безопасности. На втором этапе перед непосредственным выполнением боевой задачи через ГБУ и ПАН отрабатывалось взаимодействие с командирами общевойсковых частей и подразделений. В подразделения войск МВД направлялись офицеры авиации Сухопутных войск для отработки вопросов взаимодействия... В некоторых случаях сами командиры авиационных частей встречались с командирами частей Сухопутных войск и МВД. Отрабатывалось также взаимодействие с наземными войсками по обозначению переднего края, чтобы исключить нанесение удара по своим войскам...»*

Хотя взаимодействие между федеральными войсками и было налажено неплохо, но все же и тогда случались досадные ошибки из-за чьих-то недоработок и просчетов в боевой подготовке, из-за отсутствия авианаводчиков в наземных частях, отдельных подразделениях разведки и спецназа. При более тесном взаимодействии командования федеральных сил с командованием авиации можно было бы выполнить боевые задачи эффективнее и без неоправданных потерь.

Удары по своим войскам стали возможными из-за того, что в подразделениях наземных войск отсутствовали авиационные наводчики, корректировщики артиллерийского огня и сами руководители проводимых боевых мероприятий порой понятия не имели об элементарных основах взаимодействия между ведомствами, родами войск, о вопросах наведения авиации, корректирования огня артиллерии, необходимости обозначения своих войск при действиях боевых групп вертолетов и штурмовиков. А самое печальное и непонятное, что людей своих эти руководители полноценно обучать этим специализациям тоже не хотели. Результат такого головотяпства как всегда один — катастрофический, и он явно, со всеми изъянами, проявляется только на войне...

Зимой 1994—1995 годов в боях за город Грозный авиация порой наносила бомбово-штурмовые удары не только по дудаевским боевикам. Бывало, доставалось и нашим. Тяжело пришлось штурмовой группе мотострелков, удерживавшей здание совмина. После налета нашей авиации группа понесла потери и, не выполнив задачу, была выведена из боя. Один из командиров с горечью тогда констатировал: «Неоднократно имели место случаи нанесения огневых ударов своей авиацией и артиллерией, что приводило к неоправданным потерям и страху перед выполнением боевых задач».

В сентябре 1999 года в Новолакском районе Республики Дагестан шел бой. Нашему подразделению была поставлена задача ночью овладеть господствующей высотой. Боевой приказ был выполнен, но утром авиация нанесла бомбово-штурмовой удар по своим войскам. Потерь прибавила и неожиданная атака бандформирований. Результат плачевный: 37 «двухсотых», 19 «трехсотых»...

В боях под Комсомольским сложилась напряженная ситуация, когда наше разведывательное подразделение оказалось в затруднительном положении, окруженное многочисленными отрядами ваххабитов. Позже ситуацию разрядили дополнительные силы спецназа и боевые вертолеты Ми-24. Прямой связи с экипажами не было, и наведение производилось нештатным авианаводчиком ГСпН через ретранслятор. На подлете к району применения авиации дежурный офицер по авиации ГБУ сообщил старшему ударной группы «крокодилов» только координаты цели, позабыв про координаты группы и не передав команду для обозначения своих войск. В результате этого «испорченного телефона» «полосатые» нанесли удар в непосредственной близости от группы. Благо погибших не было, но контузии получила вся группа, в которой и находился авианаводчик...

Из-за несогласованности и отсутствия взаимодействия между ведомствами в 2002 году под Итум-Кале авиация нанесла удар по своим войскам. Были потери, несколько «двухсотых»...

Автор этих строк тоже не раз оказывался под огнем своих. Летом 2002 года в Веденском районе Чечни в результате «шпиономании» (опасались утечки секретов) в Ханкалу не была передана информация о действиях ГСпН в данном районе. В результате «Ночной охотник» произвел пуск управляемых ракет класса «воз-

дух—земля» по группе. Спасла случайность: отказ авиационного вооружения — несход ракет с направляющих. Экипаж сразу же оперативно передал целеуказание по ГСпН артиллерии. «Боги войны» отработали из-под н.п. Шали, но с небольшим недолетом из-за предельной дальности стрельбы. В ту ночь нам повезло дважды...

Ситуация эта не нова. В вооруженных силах иностранных государств при ведении боевых действий тоже не обходилось без потерь от собственного огня.

Много примеров дает история Второй мировой войны. Иногда самолеты Ju-87 в пылу борьбы допускали досадные ляпы вроде бомбежки своих войск или уничтожения мостов перед наступающими частями вермахта, как это случилось 8 сентября 1939 года с немецкой 1-й танковой дивизией, преследовавшей отступающих поляков.

В конце мая 1944 года на один из островов Адриатики был высажен отряд британских коммандос с подразделениями огневой поддержки. Британцам совместно с партизанами предстояло штурмовать немецкие позиции в неприступных скалах ключевого острова. После успешного десантирования коммандос выдвинулись на исходные позиции для атак противника с флангов. Прозвучал сигнал на атаку. В это время британцев стали «утюжить» свои тактические истребители. Коммандос рассредоточились по укрытиям, но на отходе вновь были атакованы «спитфайрами». После этого коммандос вновь бросились на позиции врага, но уже в лобовую атаку. В тот день отряд понес большие потери: 66 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести...

7 ноября 1944 года знаменитый советский летчик-ас Герой Советского Союза А. Колдунов (46 сбитых самолетов) уничтожил американский истребитель Р-38 «Лайтнинг», штурмовавший по ошибке колонну советских войск.

Перед проведением операции «Кобра» за закрепление нормандского плацдарма 2.500 самолетов двух воздушных армий провели массированные бомбардировки, сбросив около 3.300 тонн бомб. Затем войска союзников вырвались вперед. Координация между «землей» и «воздухом» была отвратительной, поэтому от «дружественного огня» погибло тогда около ста американских военнослужащих, в том числе и командир наземных сил США генерал Лезли Макнейр.

Во время вьетнамской войны под ковровые бомбардировки стратегических бомбардировщиков В-52 и опыление авиацией дефолиантами «Эйджент оранж» массивов джунглей зачастую попадали и военнослужащие подразделений специального назначения ВС США.

Во время проведения операции «Буря в пустыне» число ударов по своим войскам сильно возросло. Так, американский штурмовик А-10А «Тандерболт-II» дважды нанес бомбово-штурмовые удары по войскам союзников — британцам. В Ираке в апреле 1994 года истребителями F-15 «Игл» ВВС США по ошибке были сбиты два транспортно-десантных вертолета UH-60 «Блэк Хоук». В результате этой катастрофы погибли 26 человек из числа членов экипажа и инспекции коалиционных войск, летевших этими бортами. Во время проводившихся в Кувейте учений американский истребитель F-18 «Хорнет» произвел бомбометание по своим войскам, в результате шесть человек погибли и более десяти получили ранения различной степени тяжести.

И сейчас положение с «дружественным огнем» не улучшилось, достаточно посмотреть на статистику. Только за последний год ВВС США неоднократно наносили ошибочные бомбово-штурмовые удары и в Афганистане, и в Ираке, как по силам союзников, так и по мирным жителям, с тяжелыми последствиями и многочисленными жертвами...

Как стало известно из различных источников, у американцев причинами ударов по своим войскам в процентном соотношении стали: 45 процентов — плохое взаимодействие: 10 процентов — иные причины; 26 процентов — неточное опознавание цели (плохая видимость вследствие сложных погодных условий). В ходе операции «Буря в пустыне» было допущено уже 39 процентов ошибок, связанных с неточным опознаванием цели...

Чтобы авиация и артиллерия не наносили ударов по своим войскам, чтобы не произошло катастрофы с гибелью наших военнослужащих, и должны проводиться полноценные сборы авианаводчиков и корректировщиков артиллерийского огня, на которых обучают специалистов необходимым мерам по координации действий и взаимодействию между ведомствами и родами войск, рассказывают о допустимых рубежах безопасного удаления своих войск от разрывов ракет, снарядов и бомб и так далее. Если эти догмы, многократно написанные кровью, до сих пор кому-то непонятны, то печальная статистика ударов по своим войскам приумножится и продолжится далее...

АВИАНАВОДЧИКИ ДЛЯ СПЕЦНАЗА, ИЛИ РАВНЯЙСЯ НА СИБИРЬ!

Осенью прошлого года в Сибирском федеральном округе прошли сборы подразделений специального назначения России, апогеем которых явились тактико-специальные учения с боевой стрельбой и наведением авиации «Сибирь-2008».

Руководителем сборов и учений был назначен заместитель командира подразделения спецназа подполковник Д. К участию в них были привлечены подразделения специального назначения округа и авиационное подразделение. Спецназовцы прошли суровую обкатку в горно-лесистой местности по комплексу дисциплин боевой подготовки: огневой, тактико-специальной, разведывательной, горной и промышленного альпиниз-

ма, военной топографии и наведению авиации. Командиры подразделений получили огромную практику в управлении своими подчиненными в условиях, приближенных к боевым, при проведении контртеррористических и специальных операций: ведении разведки, поисков, налетов и засад. В ходе сборов учитывался опыт боевых действий на Северном Кавказе, в других войнах и локальных конфликтах. Ряд спецназовцев прошел обучение по программе нештатных авиационных наводчиков с практической отработкой наведения вертолетов на цель и для эвакуации группы специального назначения. Авиационный наводчик ГСпН – это элита, «белая кость» спецназа, избранный из избранных, профессионал. В настояшее время авиация стала одной из важнейших боевых составляющих и способна решать боевые задачи как самостоятельно, так и во взаимодействии с группами специального назначения. Боевые действия авиации характеризуются высокой активностью, стремительностью атак и ударов, большой эффективностью. Поэтому особое значение приобретает точный по месту и времени выход на наземные цели каждого вертолета. Именно от точности выхода на цель во многом зависит успешное решение задач по огневому поражению объектов, живой силы и техники противника. Целеуказание и наведение при выполнении боевых задач в тылу противника, как правило, выполняются нештатными авианаводчиками ГСпН, однако нередки случаи, когда в силу обстоятельств эти задачи приходится выполнять лично командирам ГСпН. Всем предельно понятно, что нештатный авианаводчик подразделения специального назначения – это профессионал своего дела, «волшебная палочка» и «козырь» ГСпН и может понадобиться в любую минуту. Поэтому столь велико внимание к этой теме боевой подготовки руководителей подразделений специального назначения Сибирского федерального округа.

Нештатные авианаводчики под руководством инструкторов, прошедших обучение в Центре боевого применения и переучивания летного состава армейской авиации и в других военных авиационных вузах ВВС РФ, прошли необходимую теоретическую наземную подготовку, изучили способы наведения авиации, научились работать на средствах связи, вести метеорологические наблюдения и измерения в интересах экипажей, по топографической карте и на местности научились выбирать посадочные площадки и заводить на них вертолеты. В процессе обучения активно использовалась современная учебно-материальная база: компьютерное обеспечение, учебные фильмы по тематике обучения, слайд-шоу, авиационные радиостанции, средства навигации, штурманское обеспечение. Перед боевым наведением с авианаводчиками была проведена тщательная теоретическая и штурманская подготовка по району применения авиации. Каждый день теоретической подготовки авианаводчики допоздна, склонившись над топографическими картами, наносили кодировку, парольные группы, сигналы опознавания и управления, изучали район применения авиации, контрольные ориентиры, самостоятельно выбирали безопасные посадочные площадки для вертолетов. Сначала погода не позволяла полноценно отработать тему авианаведения (шел снег, и видимость упала до минимума), ведь из-за низкой облачности и малой горизонтальной дальности видимости этот горный район был вообше закрыт для полетов авиации. Но это время не прошло даром – полным ходом шла теоретическая подготовка авианаводчиков. В эти часы непогоды ПАНы изучали авиационные радиостанции, метеорологические и навигационные приборы. Учились оформлять кодировку на рабочих картах ПАНа, выбирали по карте пригодные посадочные площадки для вертолетов. Отрабатывали схемы метеорологической дальности видимости ориентиров. Учились определять метеорологическую дальность видимости и нижнюю границу облачности по местности и с помощью лазерных дальномеров. Отрабатывали авианаведение и на земле популярным у летчиков способом «пеший по-летному», одновременно работая и на авиационных радиостанциях. Изучили порядок работы с сигнальными средствами обозначения на площадке. Авианаводчикам ГСпН сильно помогло и живое обшение с экипажами вертолетов, ведь здесь оттачивались нюансы будущих авианаведений, разрешались все спорные вопросы и проблемы. Спустя несколько суток и погода пошла на улучшение, сквозь облачность стало пробиваться солнце. А вскоре открылись и перевалы гор. После необходимой теоретической подготовки ПАНы под руководством инструкторов стали работать практически.

Вот авианаводчик спецназа с помощью компактного метеорологического прибора и визуально по схеме метеорологической дальности видимости ориентиров провел измерения и наблюдения, пометил изменения погоды в журнале авианаведений своего камуфлированного планшета. Борт вышел на связь с ПАНом. Авианаводчик, поприветствовав экипаж, быстро доложил командиру «Ласточки» необходимые метеорологические условия по району применения авиации: облачность в баллах, нижнюю границу облаков, горизонтальную видимость в горах и на перевалах, ветер, давление и температуру. И боевая учеба пошла полным ходом!

– «Ласточка», я – «Егерь», даю целеуказание: лагерь боевиков на восточном скате белой высоты, четыре разрушенных дома, квадрат 45–63 по улитке 7, работай в два захода: первый – «гвоздями», второй – «трещоткой». От 52-го контрольного ориентира боевой магнитный курс 195 градусов, дальность – 4 километра 300 метров. Уничтожить! Как понял, «Ласточка»? – Команда авианаводчика вылетела в эфир, перекрывая все временные нормативы.

– «Егерь», я – «Ласточка», тебя понял! Разрешите работу?

– «Ласточка», работу разрешаю!

Вертолет, войдя в пикирование, точно отработал по цели и ушел «левой коробочкой» на разворот.

– «Ласточка», я – «Егерь». По первому заходу: два северных строения уничтожены. Работай на втором заходе «трещоткой» по южным домикам! Как понял?

– «Егерь», я – «Ласточка», тебя понял! Работаю по южным домикам!

– «Ласточка», работу разрешаю!

Вертолет, словно ювелир, вылетает точно на цель на бреющем, чуть ли не подстригая лопастями основного винта верхушки кедров и лиственниц. Снайперский второй заход не оставляет никаких шансов «бандитам и террористам лагеря НВФ».

– «Ласточка», я – «Егерь», цель поражена! Спасибо за работу! Ожидайте в 25-й зоне дежурства!

Эти одобрительные слова команды авианаводчика явились лучшей оценкой работы пилотов.

Авианаводчики на пункте управления наведением авиации (далее – ПУНА) сменяли друг друга, приобретая бесценный практический опыт работы с авиацией, надежно наводя ее разными способами на все выявленные цели: «базы НВФ», «группы НВФ», «склады ПЗРК», «минометы НВФ», «автомобили боевиков». В ходе проводимых сборов и учений активно учитывались опыт боевых действий и тактика НВФ на Северном Кавказе. Ведь произошли существенные изменения и в так-

тике действий боевиков. Новшеством явилось появление у бандитов самодельных установок с неуправляемыми авиационными ракетами (далее – НАР) С-5, С-8, приспособленных для применения их по летательным аппаратам, а также специально подготовленных групп снайперов, действующих по экипажам вертолетов в воздухе. Отмечались отдельные пуски ПЗРК по штурмовикам Су-25. Действия боевиков в горах все больше напоминают тактику моджахедов в Афганистане: мелкие группы работают по принципу: «ужалил – убежал», осуществляются засадные действия и так далее. С учетом этих изменений и давались вводные в действия спецназовцев и авиации в ходе проводимых сборов и учений.

Кроме работы непосредственно с ПУНА все авианаводчики прошли реальную обкатку при действиях в составе ГСпН, как оно и будет «на войне». После десантирования с борта вертолета в сложном горном районе группа двигалась по заданному инструкторами маршруту. Группам предстояло совершить длительный переход в сложной горно-лесистой местности, провести разведку поиском, обнаружить «базу НВФ» и совершить на нее налет или отработать по ней силами и средствами старших начальников – авиацией или артиллерией. Впрочем, у каждой из групп было свое задание, и порой инструкторы умышленно «пересекали» их маршруты, дабы увидеть действия спецназовцев при внезапной встрече с «противником», выявить ошибки и недочеты при действиях обучаемых. После выполнения задания разведчикам предстояло выбрать посадочную площадку и вызвать вертолет эвакуации. А в процессе передвижения каждой ГСпН «в тылу противника» давались различные вводные и учебные цели. Нештатным ПАНам групп спецназа предстояло наводить авиацию как на цели «противника», так и для эвакуации «раненого». Причем эвакуация «раненого» проводилась с неподготовленных посадочных площадок и порой без посадки вертолета, а с зависания над кронами деревьев, когда посадить вертолет просто невозможно. «Раненых» поднимали на лебедке либо на веревках, как это обычно бывает на войне – в боевых командировках в случае подрыва на самодельных взрывных устройствах. Многие из ПАНов уже работали с авиацией на настоящей войне: кто-то был в Кодорской зоне, кто-то – под Комсомольским, Ведено и Харсеноем, кто-то неоднократно сопровождал «ленточки» (колонны) по Чечне. Но практика никому не помеха, даже им – опаленным войной легендарным авианаводчикам подразделений спецназа.

Большое мастерство в реальной отработке вопросов взаимодействия со спецназом приобрели и авиаторы. Пилоты, прибывшие на сборы, имеют огромный боевой опыт, на их счету участие в боевых действиях в Таджикистане, Дагестане и Чечне, на их мундирах заслуженные и почетные награды, но от дополнительной боевой учебы вертолетчики никогда не отказывались. Тем более – боевой учебы со спецназом. Показал экстра-класс мастерства при высадке групп спецназовцев на учениях и старший авиаторов командир экипажа вертолета летчик-ас орденоносец Александр Викторович. Его машина зависала и опиралась лишь одним колесом шасси на склон горы, совершала и снайперские заходы на все учебные цели. Как позже выяснилось, именно этот опытнейший пилот, проявив наивысшее летное мастерство, как ангел-хранитель пришел на выручку нам в сложнейших горных условиях в экстренной ситуации в 1999 году. Именно он спас нашу группу в Дагестане, когда один из вертолетов с ГСпН на борту потерпел аварию и упал в ущелье – на самое его дно в горную реку. Спасибо, дорогой наш Александр Викторович, от спасенных ребят и от себя лично! Старались брать пример со своего прославленного командира и другие опытные авиаторы: Василий Анатольевич, Вадим Олегович, Игорь Владимирович и Андрей Александрович. Ведь на сборы были привлечены командиры нескольких винтокрылых машин, штурманский и технический состав, а также специалисты парашютно-десантной и поисково-спасательной службы авиационного подразделения. Спецназовцы отработали десантирование с вертолетов различными способами: посадочным, беспосадочным «по-штурмовому», с зависанием и высадкой по веревкам с использованием специальных спусковых устройств, по канату – на лес, горы в полной боевой экипировке и снаряжении. Науке беспарашютного десантирования по веревкам и канату спецназовцев обучали специалисты ПДС и ПСС авиационного подразделения – Владимир Михайлович и Александр. Кроме того, Александр, выпускник 1-го гидрометеорологического факультета Воронежского ВВАИУ, провел и дополнительные занятия с ПАНами ГСпН по метеорологической подготовке. Он, опираясь на свой богатый опыт службы в Таджикистане, рассказал и показал авианаводчикам порядок практической работы ПАНа по ведению метеорологических наблюдений и измерений в горной местности. Занятие по организации связи, средствам связи с авиацией, порядку работы в эфире провел специалист инструктор Сергей. В этой напряженной боевой учебе тактико-специальных учений росло взаимодействие, крепли боевое братство и дружба летчиков и спецназовцев.

Юрий ВАСИЛЬЕВ

ШАНС, ПОДАРЕННЫЙ СУДЬБОЙ

Я думаю, что для меня эта история началась именно тогда. У нас было принято на вечерних совещаниях зачитывать присутствующим офицерам некоторые, наиболее важные телефонограммы, нескончаемым потоком шедшие к нам из вышестоящих штабов.

Так было и в этот раз. Начальник штаба монотонно читал одну телефонограмму за другой. Было видно, что ему это дело никакого удовольствия не доставляет. Именно эта телефонограмма и была зачитана среди многих других, она сразу чем-то обратила на себя внимание. Народ немного оживился и даже попытался начать ее обсуждение. Но начальник штаба резким окриком прекратил полемику на эту тему. Все опять успокоились.

А речь в ней шла о том, что нашими спецподразделениями был захвачен ближайший соратник Хаттаба, его правая рука. Была указана и фамилия этого бандита. В связи с этим сам Хаттаб отдал распоряжение о захвате в плен какого-нибудь офицера федеральных сил, званием не ниже подполковника, для того чтобы в дальнейшем попытаться организовать его обмен на захваченного ранее бандита. И дальше шло предупреждение старшего командования об усилении бдительности и соблюдении мер предосторожности во всех воинских частях.

Совещание закончилось, и офицеры разошлись по своим делам. А всей этой информации по поводу действий Хаттаба не придали особого значения и вскоре забыли о ней. Знать бы тогда, что это только начало и дело коснется лично меня самым непосредственным образом. Причем очень скоро.

Через некоторое время мне была поставлена задача, для выполнения которой требовалось проведение сварочных работ. А где взять сварщика со сварочным аппаратом? В части такого нет. Но в армии так часто бывает: задача поставлена, а как выполнять и где что брать — дело твое. Вот я и начал думать, как все это организовать.

Знающие люди подсказали, что в селе, недалеко от нашей части, в своем доме живет сварщик, чеченец. Зовут его Лом-Али. Я и не понял сразу, подумал, что зовут его Лом, а фамилия Али. Нет, это оказалось такое имя: Лом-Али.

Однажды, выяснив точно, где он живет, я отправился к нему знакомиться. Идти было совсем недалеко, всего один квартал. Проживал Лом-Али в угловом доме, который был хорошо виден с КПП нашей части. Всего-то метров двести, может, немного больше.

Возле КПП я задержался, поговорил с двумя контрактниками из числа наряда. Объяснил им, куда и зачем иду, и предупредил, чтобы присматривали за мной, страховали. Полагал, что этих мер предосторожности будет вполне достаточно. Это уже потом стал понимать, насколько безответственно подошел к такому важному вопросу, как безопасность. Но на тот момент моя служба в Чечне только начина-

лась, поэтому по неопытности порой допускал очень серьезные ошибки.

Контрактники быстро поняли, что от них требуется, вынесли за ворота стулья и уселись на них. Автоматы они положили себе на колени, всем своим видом давая понять, что готовы к выполнению поставленной задачи. А я, оценив их готовность, со спокойной душой отправился за сварщиком. Поступил настолько самонадеянно, что не только не взял никого в качестве прикрытия, но даже пренебрег автоматом: с собой имелся только пистолет Макарова. Скоро пришлось пожалеть об этом.

Я прошел уже большую часть пути, когда почувствовал опасность, хотя еще ничего особенного не произошло. Обернулся назад. Рейсовый автобус, высадив пассажиров, разворачивался на конечной остановке. Но почему-то не там, где обычно, а на той улице, по которой шел я. Сдавая вперед-назад, он развернулся поперек дороги и замер. Таким образом, теперь КПП части я уже не видел — мешал автобус. И соответственно с КПП не видели меня по той же причине и никакой помощи в случае чего оказать мне уже не могли.

Я стоял, размышляя: стоит ли вернуться, или все-таки ничего страшного не происходит. Улица была пустынна, и это показалось странным. Из какого-то переулка вырулила «копейка» малинового цвета, и проехав мимо меня, остановилась метрах в пятнадцати впереди. Из нее одновременно вышли четверо чеченцев. Один, пятый, остался в машине. Он сидел на заднем сиденье, а ноги выставил наружу через открытую дверь и был готов в любой момент выскочить из машины и прийти в случае необходимости на помощь своим.

Остальные очень быстро и умело начали окружать меня, заходя одновременно со всех сторон. Как один, рослые и сильные, всем около тридцати лет. И небритые. «Публика» очень опасная, сразу видно — настоящие бойцы. По мою душу. Это я тут же понял. Мозг начала затягивать пелена страха, мешая нормально соображать. Где-то глубоко забилась трусливая мыслишка: «А может быть, еще ничего страшного? Может, как-нибудь все обойдется?» Хотя прекрасно уже понимал: все, мне конец.

Мысли продолжали мелькать: «Что делать? Черт! Как спастись? Вот ведь влип. Может, сдаться в плен? Но ведь не факт, что таким образом спасешься. Господи, помоги!» Так очень быстро и легко из атеиста становишься верующим.

Возможно, тогда мною руководило подсознание, помогая принимать правильные решения. Мозг мне уже не подчинялся, наполнившись страхом. Я начал пятиться назад, пока не уперся спиной в стену дома. Хоть с тыла мне теперь опасность не грозила. Только утешение это было слабое.

Отступая, извлек из кобуры пистолет, теперь он у меня в руке. Девятый патрон всегда в стволе, досылать не надо. С предохранителя снят, постоянно готов к выстрелу. Большим пальцем взвожу курок, раздается приятный щелчок.

Стараюсь держать их всех в поле зрения, но не очень-то получается: они действуют очень грамотно. Пытаюсь унять дрожь в голосе. Нужно говорить твердо, но не грубо:

— Ребята, не шутите со мной, стойте, где стоите. Я вооружен.

Один из них то ли улыбнулся, то ли оскалился:

— Командир, не волнуйся, мы не сделаем тебе ничего плохого.

Они не обращают внимания на мои слова и продолжают приближаться. Снова говорю, хотя чувствую, что голос вот-вот сорвется на крик:

— Ребята, сказал ведь, стойте на месте.

— Не бойся, командир, мы ничего не сделаем. Убери ствол, — это снова тот, что улыбался. Он находится чуть позади остальных, видимо, командир всей группы.

Мысленно пытаюсь найти выход из положения и оцениваю свои шансы: «Вправо не прорваться, там двое. Да еще один чуть дальше, в машине. Слева автобус перекрыл дорогу. Если и пытаться, то только вперед, через кустарник. Боже, спаси и сохрани!» А кустарник густой, как стена, и ветки у него с длинными и острыми шипами.

Момент, когда он подал им сигнал, я упустил, не заметил. Но внезапно они одновременно бросились на меня. Все! Конец!

Из них ко мне ближе всех тот, что слева. Не поднимая оружия, стреляю ему в колено. Попадаю в стопу, чуть ниже щиколотки. Тоже неплохо. Больше на него не обращаю внимания. Некогда.

Прямо на меня быстро надвигается другой чеченец. Поднимаю пистолет и дважды стреляю в него. Между нами расстояния нет, промахнуться невозможно. Сам бросаюсь вперед, пытаюсь оттолкнуть его в сторону и пробиться к кустам.

Он хватает меня за руки и начинает выкручивать, пытаясь заломить их мне за спину и завладеть моим пистолетом. Я отчаянно сопротивляюсь. Сцепившись, мы хрипим друг другу в лицо и кружимся в каком-то диком танце. Выстрелить еще раз у меня никак не получается.

Он очень силен, несмотря на то, что ранен. У него в крови зубы, на губах пузырится кровавая пена, он хрипит, но борется, как обреченный зверь. И я с ужасом понимаю, что не могу одолеть его, он сильнее меня.

Кто-то сзади схватил меня за одежду и пытается сделать подсечку. Больно бьют справа по шиколотке. Удается удержаться на ногах благодаря чеченцу, в которого я вцепился...

С большим трудом смог освободить правую руку. Размахнувшись, резко бью его стволом пистолета в лицо. Стараюсь попасть в глаз. Потом еще раз, еще. В удары вкладываю всю свою силу. Его захват становится слабее. Сильно отталкиваю его от себя и бросаюсь к кустам.

В этот момент на меня сзади обрушивается сильный удар чем-то тяже-

лым и тупым. Он приходится по спине и правому плечу. Удар получился скользящий, но от боли в глазах пляшут звезды. Били в голову, в затылок, но промахнулись.

Продираюсь через кусты, оставляя на шипах клочья одежды и собственной шкуры. И постоянно ожидаю удара сзади в темя. Обошлось. Я уже с другой стороны кустов. Позади слышен треск веток, кто-то ломится через кусты следом за мной. Оборачиваюсь и несколько раз стреляю туда.

Потом бросаюсь бежать вдоль кустов, но не в сторону воинской части, а в другую, противоположную. Сзади раздаются хлопки выстрелов, но свиста пуль не слышу. В кого стреляют? Наверно, в меня, но не знают, где я нахожусь, поэтому стреляют наугад. Через кусты лезть боятся, опасаются попасть под мой выстрел. Таким неожиданным и простым маневром мне удалось обмануть их.

Пробежал метров двадцать. Остановился. Повернулся и присел. Дождался, когда выстрелы прекратились, и снова кинулся бежать, но на этот раз уже туда, куда мне нужно. К своим. Двести метров пролетел в одно мгновение, побив все мыслимые и немыслимые рекорды. Куда там до меня было известному спринтеру Валерию Борзову!

Галопом пронесся мимо контрактников, мирно сидящих на стульях возле КПП. У них только глаза от удивления стали большими и круглыми. Они так еще ничего и не поняли. Близкая пистолетная стрельба и стоящий поперек улицы рейсовый автобус их почему-то совсем не насторожили.

Подскочил к входной калитке, с силой дергаю ее несколько раз на себя. Не поддается. Заперто изнутри, что ли? Сзади раздается голос:

– Она же вовнутрь открывается.

Толкаю калитку от себя. Она распахивается. Забегаю во двор и останавливаюсь. Прислонился плечом к бетонному блоку. Из них сложено помещение КПП, которое представляет собой бетонный дот.

Не могу восстановить дыхание. Задыхаюсь. Проходит время, немного прихожу в себя. В правой руке пистолет. Он разряжен, затвор остановился на затворной задержке в заднем положении, магазин пустой. А в левой руке у меня другой пистолетный магазин. И он тоже порожний. Интересное дело! И когда же это я успел сменить и расстрелять второй магазин? Не припоминаю.

Откуда-то неторопливо подошел начальник штаба Володя, обратился ко мне, подозрительно оглядывая:

– Ты к Лом-Али ходил?

– Да, к нему.

– Ну и что, видел?

– Нет. Его не было дома, – сказал я первую пришедшую на ум ерунду.

Володя опять оценивающе оглядел меня: растрепанный вид, блуждающий взгляд, разряженный пистолет в руке. Покачал головой и снова сказал:

– А мне кажется, что тебе сегодня здорово повезло.

– Ага. Мне тоже так кажется. Я даже почти уверен в этом, – соглашаюсь я.

– Пойдем со мной, я знаю, что сейчас надо делать.

Мы идем через плац, поднимаемся к нему в кабинет. Он открывает сейф и достает оттуда пачку «макаровских» патронов. Коротко бросает:

– Заряди оружие.

Потом из того же сейфа извлекает початую бутылку водки и складной пластмассовый стаканчик. Откупоривает бутылку и наливает водку в стакан. До краев. Подвигает его мне:

– На, употреби.

Смотрит вокруг, потом, что-то вспомнив, начинает шарить по своим карманам. Извлекает раздавленную карамельку в рваной обертке с прилипшими к ней крошками табака. Протягивает ее мне:

– Закусишь.

Хороший все-таки мужик, этот начальник штаба.

Я опрокидываю стакан с теплой водкой, заедаю конфеткой, не освобождая ее от обертки. Вкуса не чувствую. Ставлю стакан перед ним:

– Давай еще.

– А не многовато ли будет? – с сомнением спрашивает Володя.

– Нормально будет. В самый раз.

Он наливает снова и подает мне. Я «намахнул» и его. Занюхал рукавом. Володя опять налил водки, и я подумал, что это, пожалуй, мне уже будет лишнее. Но он и не стал теперь предлагать мне, выпил сам. Потом вновь посмотрел на меня:

– Ну, давай, рассказывай по порядку: как сходил?

Пока я путано и бестолково излагал все, произошедшее со мной, он мрачно смотрел перед собой, вертя в руках пустой стакан. Потом сделал свой вывод:

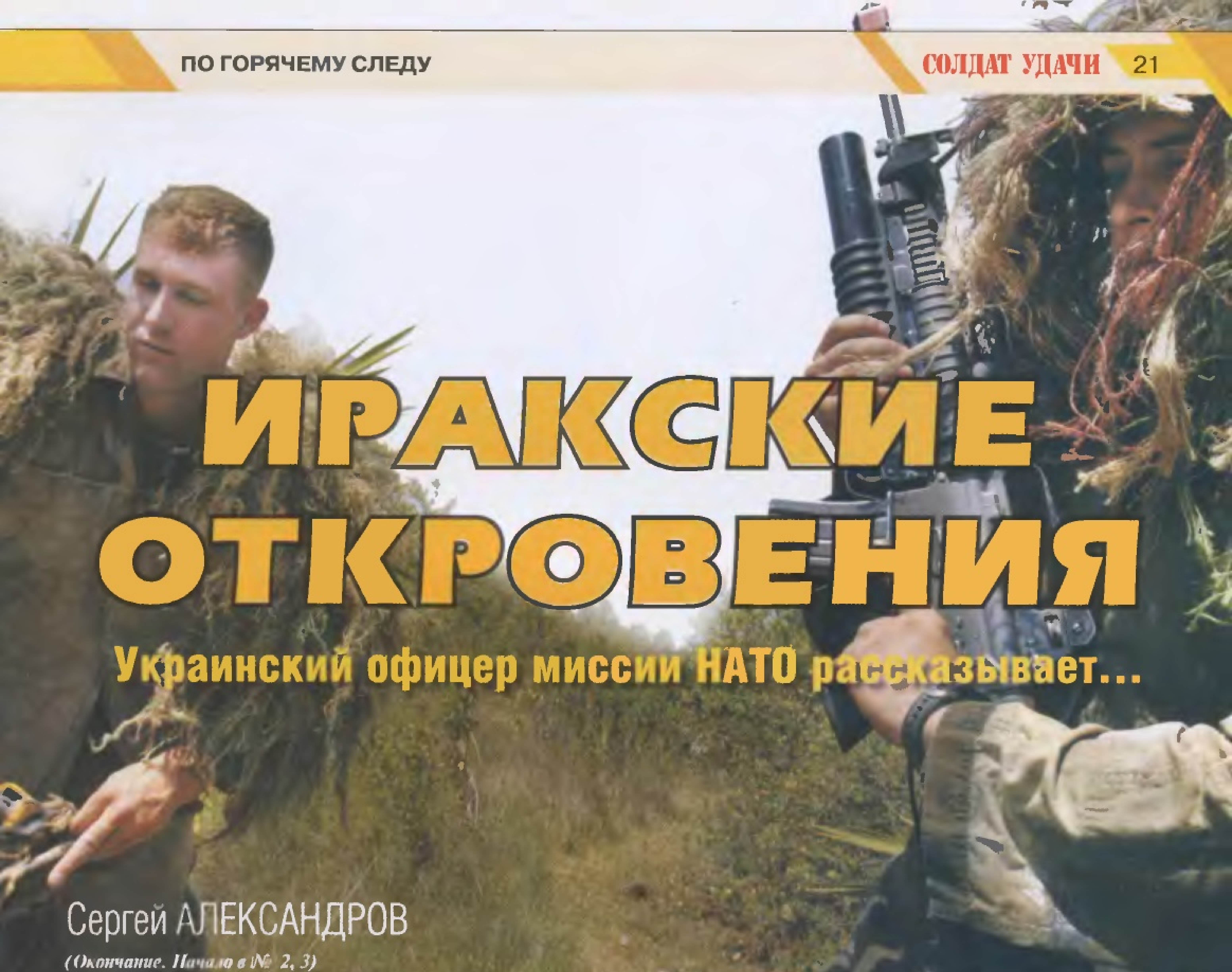
– Я полагаю, что из этой ситуации удачно выкрутиться у тебя было мало шансов. Так что считай – повезло.

– Точно. Совсем мало шансов. Примерно где-то... Всего один, – согласился я, забирая у него из рук пустой стаканчик.

В донце стаканчика встроено маленькое зеркальце. Я посмотрелся в него и увидел там отражение чужого мне человека с незнакомым взглядом. А еще обратил внимание: у того, что был в отражении, на висках появилась седина.

И кто теперь может сказать мне, что я не знаю, что такое рукопашная схватка?

ИРАКСКИЕ ОТКРОВЕНИЯ

Украинский офицер миссии НАТО рассказывает...

Сергей АЛЕКСАНДРОВ

(Окончание. Начало в № 2, 3)

Наша миссия в Ираке включала работу в качестве советников в различных иракских структурах – национальном оперативном центре при премьер-министре, объединенном оперативном центре в минобороны и национальном командном центре при МВД. Несмотря на непродолжительный срок с начала создания новых силовых структур Ирака, они реально функционируют. Все дело в том, что качество их работы еще очень далеко от требуемого. И в основе этой проблемы лежит преимущественно человеческий фактор.

На этой теме мне и хочется остановиться в заключительной части своих воспоминаний. Ну а также некоторые интересные штрихи – встречи, наблюдения, впечатления...

ПОПЫТКА «БЛИЦКРИГА» ПО-ИРАКСКИ

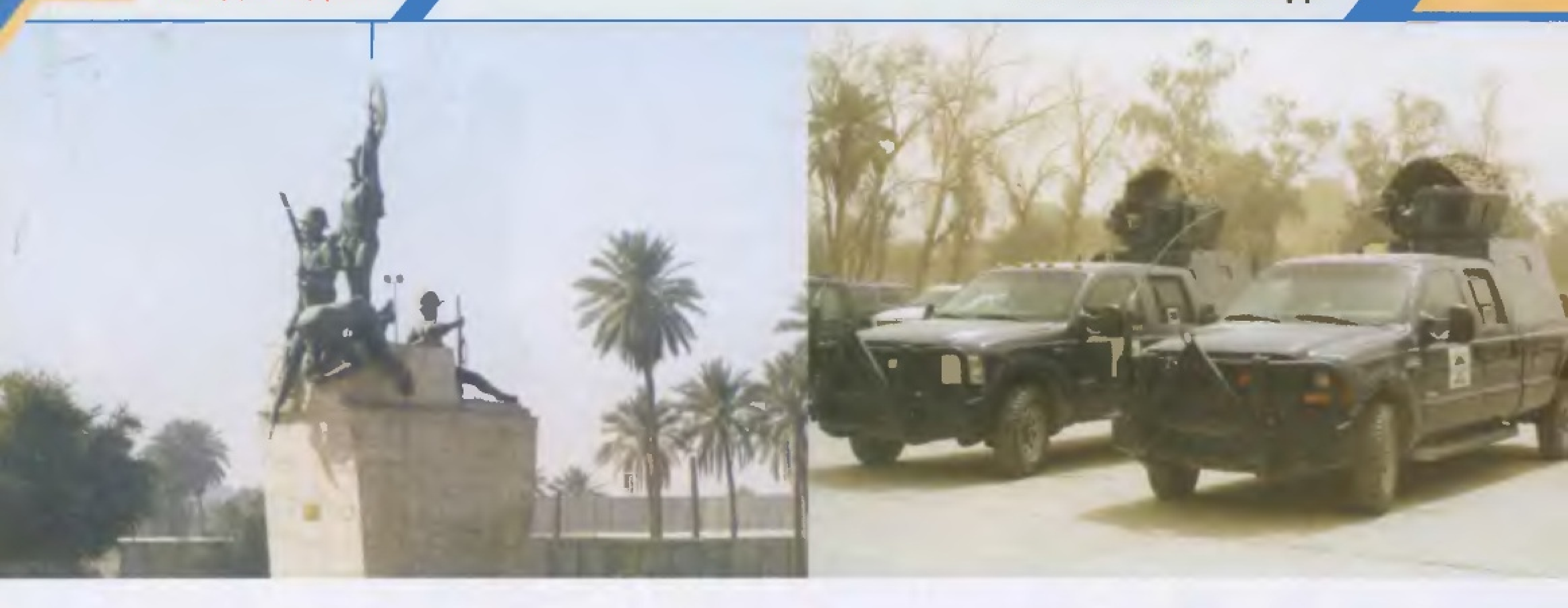
Первые месяцы моего пребывания в Ираке совпали с проведением широкомасштабной военной операции против боевиков в Басре. Она стала первым мероприятием такого уровня, проведенным вновь созданными силовыми структурами этой страны.

А теперь остановимся на хронологии событий и посмотрим, как все происходило на самом деле, не принимая во внимание победные реляции.

Итак, напомним, что в конце 2007 года войска коалиции «передали» иракским властям контроль над городом Басра. Публичным объяснением этого шага стал аргумент о якобы достигнутой способности иракских силовых структур и региональных органов власти взять на себя ответственность за безопасность в этой провинции. Скрытой же стороной вопроса явилось желание британского военного командования, в зоне ответственности которого находилась Басра, снизить риск для жизни и здоровья своих солдат, вынужденных постоянно находиться на маршрутах патрулирования, чек-поинтах и в прочих опасных районах города.

Увы, реальная ситуация сложилась таким образом, что правительственные силы смогли держать под контролем не более одной четвертой части этого города. Он был фактически разделен на части тремя шиитскими группировками: «Армией Махди» Муктады Аль-Садра, проиранскими «Бригадами Бадра» и местной группировкой, связанной с партией «Фадила». До этого все они вели кровопролитные бои друг с другом за контроль над различными районами Басры.

Поэтому премьер-министр Ирака Нури Аль-Малики предъявил шиитским боевикам в Басре ультиматум с требованием в течение трех суток сложить оружие в обмен на амнистию. Естественно, что очередей желающих сдать оружие не появилось, и было принято решение начать военную операцию. Она стартовала быстро. Разумеется, в ущерб качеству ее подготовки. Только за первые сутки боев в городе были убиты более 40 чело-

век, а 200 получили ранения. В ходе столкновений с правительственными войсками шиитские боевики захватили центр Басры, а группировка боевиков «Армии Махди» даже заняла семь ключевых кварталов города. Более того, насилие перекинулось на соседние города южного Ирака и шиитские кварталы Багдада.

Ранее правительство Малики неоднократно обещало пресечь деятельность вооруженных формирований, но это, как упоминалось, была первая крупная операция подобного рода в Басре. Совместная военная операция иракской армии и войск США в Басре была направлена, по официальной версии, на разгром шиитских радикалов и криминальных группировок, контролирующих этот второй по величине город страны.

Операция имела значительную экономическую подоплеку: Басра является одним из основных центров нефтедобычи в Ираке, а также через нее лежит выход к морю. Поскольку город оказался во власти соперничающих группировок, положение сложилось в нем крайне неустойчивое. Нефтепроводы часто страдали от взрывов и иных диверсий, большое количество нефти расхищалось, и часть ее контрабандой вывозилась из страны. Как оказалось, даже неделя боевых действий значительным образом повлияла на добычу и экспорт нефти с месторождений на юге Ирака. *«Если бои будут продолжаться, то нефтяники не смогут продолжить работу, не смогут добраться до месторождений, и это нанесет удар по нефтедобыче»*, – отметил тогда представитель иракской Южной нефтяной компании. На нефтяных полях Басры добывается около 2 млн. баррелей «черного золота» в день, 1,5 млн. из которых экспортируется, тем самым значительно пополняя бюджет страны.

Сторонники шиитского имама Муктады Аль-Садра в данном регионе являются достаточно многочисленными. Немалой силой обладает и их военная составляющая – «Армия Махди». Различные источники дают противоречивые сведения о ее численности, но можно вести речь о примерно 60 тысячах вооруженных людей. То, что у них нет тяжелого вооружения, никого не должно успокаивать, так как в городских условиях легкое пехотное оружие способно создать противнику множество проблем.

Даже в иракской столице боевики контролировали на тот момент несколько районов города, прежде всего печально известный Садр-сити, на которые распространяется только частичное влияние официальных властей. Обладая лишь ограниченным количеством минометов и пусковых установок реактивных снарядов, именуемых русским словом «катюша», боевики смогли за неделю фактически «затерроризировать» «зеленую зону» Багдада (часть города, в которой находятся основные иракские правительственные учреждения, американское и другие посольства и т.п.), традиционно считавшуюся относительно безопасным местом в столице.

Итогом обстрелов стали частичный паралич работы упомянутых выше структур, эвакуация в безопасное место наиболее высокопоставленных американских чиновников и военных, а также по меньшей мере 3 погибших и 13 раненых иностранцев, работавших в этом районе. О пострадавших иракских гражданах на территории «зеленой зоны» не сообщалось. Ситуация привела к тому, что на территории американского посольства даже возникли проблемы с уборкой и вывозом мусора, так как местные наемные рабочие из-за частых обстрелов предпочли остаться дома, а в связи с активизацией шиитских радикальных сил в городе был введен комендантский час.

И лишь через неделю было объявлено о решении Аль-Садра прекратить боевые действия, после чего он дал команду своим боевикам покинуть улицы города. Также итогом недельных боев стало подписание соглашения «о перемирии» между официальными властями страны и Аль-Садром. «Цена победы» выглядит удручающей, так как только в Багдаде, по сообщениям иракской полиции, за три дня погибли 117 человек. В самой Басре иракские силовые структуры потеряли около 290 человек. Потери шиитских боевиков оцениваются примерно в 120 погибших. Количество пострадавших среди гражданского населения города на тот момент еще только предстояло установить...

ЧТО ОСТАЛОСЬ «ЗА КАДРОМ»...

К сожалению, даже независимые информационные агентства в некоторых случаях оставили «за кадром» те или иные щепетильные вопросы проведенной операции. Прежде всего, акцент делался на то, что впервые операция такого уровня осуществлялась самостоятельно вновь созданными иракскими силовыми структурами при символической поддержке со стороны коалиционных войск. Практически все телеканалы, даже «Аль-Джазира», позволяющая себе в ряде случаев беспристрастно освещать подобные события, показывали в своих репортажах преимущественно лишь иракских военнослужащих и полицейских и только фрагментарно упоминали об ограниченном участии войск коалиции.

Более того, сообщалось, что якобы британский контингент в составе при-

мерно четырех тысяч военнослужащих не вмешивался в происходящее и оставался на своей базе на территории аэропорта Басры в 12 километрах от города. На самом деле ограниченной такую поддержку назвать нельзя. Иракские силовики до сих пор не имеют средств для непосредственной авиационной поддержки своих войск. Впрочем, как и артиллерийских подразделений с соответствующим уровнем подготовки, позволяющим им «точечно» работать по целям в городе. Поэтому они вынуждены были просить американцев и англичан о поддержке, и те пошли им навстречу.

Другим важным компонентом помощи со стороны союзников стало содействие в сборе разведывательной информации. А если учесть, что американские советники массово представлены на всех уровнях иракской военной иерархии, начиная с пехотного батальона, то можно утверждать, что войска коалиции стали серьезными участниками проведенной операции. Единственным исключением было то, что они не стали брать на себя «грязную» и опасную работу по непосредственному освобождению улиц Басры от повстанцев.

«За кадром» также остались значительные проблемы и в иракской армии. Поскольку пехотная дивизия и полицейские подразделения, дислоцированные в этом районе, были укомплектованы в основном местными жителями, то они не стали утруждать себя неблагодарным делом воевать со своими земляками. Как результат — их отказы в ряде случаев ввязываться в боевые действия, массовые случаи дезертирства и даже перехода на сторону боевиков. В итоге иракскому командованию пришлось экстренно привлекать дополнительные силы из других регионов страны.

Несмотря на победные реляции, операция вскрыла огромные пробелы в подготовке иракских органов военного управления на всех уровнях, что не позволило реализовать потенциал многотысячной группировки войск и полиции. Практически все эксперты отмечают, что операция была спланирована наспех и на очень низком уровне (это к слову о вышеупомянутом человеческом факторе, лежащем в основе проблем иракских силовиков). Даже личное присутствие премьер-министра Ирака и других высокопоставленных лиц в районе проведения операции не смогло полностью компенсировать эти недоработки. Боевые действия на юге страны сильно повлияли на обстановку в столице, в которой проживают тысячи сторонников Аль-Садра. Количество обстрелов, нападений, массовых беспорядков резко увеличилось, что частично парализовало повседневную жизнь города.

Как ни странно, в данной операции не было побежденных, а остались лишь одни победители. Ведь выиграть умудрились все стороны конфликта. У американцев и их союзников по коалиции появился хороший повод показать всему миру, что их труд по созданию новых силовых структур Ирака принес первые положительные результаты. Действующая власть также показала свою силу и способность влиять на события в стране...

Не меньше «дивидендов» получил Аль-Садр. Прежде всего, он вновь «хорошо» о себе напомнил, причем с позиции силы, что уже позволило ему приобрести дополнительный «рейтинг». В ходе боевых столкновений его силы не разгромили, то есть его нельзя назвать побежденным. Прекращение огня позволило ему сохранить свои силы от потерь, а в соглашении о так называемом перемирии радикальный шиитский лидер смог выторговать для себя ряд выгодных условий.

Вспоминая высказывание известного киногероя о том, что «Восток — дело тонкое», не стоит питать особых иллюзий по поводу прекращения боевых действий. Все стороны иракского конфликта сохранили свои силы и в то же время, получив положительные промежуточные результаты, до конца своих планов в борьбе за власть в стране не реализовали. Поэтому все существующие договоры и договоренности в любую минуту могут быть пересмотрены...

АВТОМАТ НА КОЛЕНЯХ, ПАТРОН В ПАТРОННИКЕ...

Теперь, когда читатель имеет представление о происходящих в то время событиях, их оценке «в кадре» и «за кадром», продолжу свой рассказ непосредственно о личных впечатлениях в ходе миссии.

Осложнение ситуации в Багдаде вновь заставило вернуться к теме безопасности работы и быта моих коллег. Даже внутри «зеленой зоны» вне американского посольства все перемещения стали возможны лишь в бронежилетах, шлемах, с личным оружием, не говоря уже о нас, живущих на других передовых операционных базах или работающих в «красной зоне». Весь персонал коалиционных сил и НАТО привлекался к различным упражнениям и тренировкам: действиям при обстреле базового лагеря, попадании в засаду и т.п. Перемещения же в «красной зоне» — только в составе колонн на бронированных машинах и с вооруженной охраной.

Однако процедура заказа и вызова подразделения охраны была довольно бюрократичной и не позволяла оперативно обеспечивать внезапно

возникающие поездки. В то же время работа нашей группы предполагала ежедневную работу в «красной зоне». Естественно, о перемещении в составе колонны под прикрытием американцев речь не шла. В конечном итоге мы решили работать самостоятельно, как минимум парой машин, по два-три человека в каждой. Понимая особенности задач нашей группы, руководство миссии НАТО выделило нам два бронированных внедорожника «тойота-лендкрузер». Но в любом случае в машинах индивидуальные средства бронезащиты были на нас.

Мы не старались «косить» под крутых парней, они здесь и так встречаются на каждом шагу. Но согласно предписанным процедурам – автомат на коленях, патрон в патроннике и т.п. Пока находишься за пределами передовой операционной базы – оружие не разряжается. По территории даже иракского министерства внутренних дел и других учреждений было предписано перемещаться только с напарником, избегая лифтов, поддерживая радиообмен с ребятами, оставшимися в офисе. Поэтому и ходишь целыми днями с патроном в патроннике автомата и пистолета, даже если работаешь на компьютере в рабочем кабинете.

Бывали и «приколы». Возвращается однажды мой сослуживец в свой жилой трейлер и обнаруживает в стенах несколько дырок, а из пробитого пулями холодильника капает вода. При этом все вокруг окружено железобетонными стенами и мешками с песком. Оказывается, кто-то в соседнем трейлере разряжал оружие...

ТАКИЕ РАЗНЫЕ СОВЕТНИКИ И «ПОДСОВЕТНЫЕ»...

...Во всем заправляют американцы. Они представлены во всех органах управления иракских силовых структур, при должностных лицах, более-менее имеющих влияние. Помимо нас в МВД работала группа американских советников. Ее возглавлял американский полковник-«морпех». Не знаю, что в его предыдущей службе было общего с правоохранительными органами, но до моего приезда он находился там бессменно уже в течение нескольких лет. Его подопечные «подсоветные» из-за частой смены местной власти уже успели сами несколько раз поменяться, а полковник продолжал «советовать». Он считал себя старожилом, своего рода местным «гуру».

Активно трудящимся над чем-то я его ни разу не видел. В основном полковник просто неформально общался со всеми, хотя менеджмент допускает и такой стиль работы. Даже бронежилет не всегда носил во время перемещений по «красной зоне». На его внедорожнике красовалась наклейка «I love Sadr city» (самое злачное и небезопасное место в Багдаде, куда никому не советуют соваться даже с сильной охраной на бронетехнике).

Вопрос готовности иракских силовиков воспринимать советы и следовать им – это тема отдельного разговора. Восточный менталитет, настороженность к «гостям», наличие собственного военного опыта – все это в совокупности требовало от советника находить к своим подопечным персональные ключики.

Один мой «подсоветный» – иракский бригадный генерал – при Саддаме Хусейне был летчиком. Количеству типов освоенных им самолетов и часам налета может позавидовать большинство коллег. Генерал до сих пор с теплотой вспоминает советского летчика-инструктора по имени Василий, который много лет назад учил его летать...

После вторжения американцев, когда в один миг изменилась жизнь большинства иракских семей, он также потерял многое. Несколько лет работал таксистом. Когда новая власть начала формировать силовые структуры, подал рапорт с ходатайством вернуться на службу. Поэтому я и строил отношения с ним на основе нашего прошлого, что оказалось гораздо эффективнее подходов к иракцам моих западных коллег.

Другой генерал, очень религиозный человек, начал отношения с нами с конфликта. Узнав, что в составе нашей группы советников есть по одному офицеру из Дании и Нидерландов, он тут же вспомнил о недавно вышедших мультфильмах, посвященных связи мусульманской религии и терроризма. Причем открыто и достаточно агрессивно начал подбивать на разрыв отношений с нами своих коллег. В результате пришлось просить его вышестоящее руководство принять «сдерживающие» меры, а наших коллег некоторое время подержать безвыездно на территории передовой операционной базы, пока не улеглись страсти.

Мы по работе периодически пересекались с одним очень интересным иракским полковником. Около двадцати пяти лет назад он окончил в Одессе военный вуз, где готовили иностранные военные кадры. В его жизни была встреча с советской девушкой, переросшая в сильные взаимные чувства... Дело шло к свадьбе, но сразу после окончания учебы в СССР его направили учиться в еще один зарубежный вуз. Связь потерялась. Много лет он пытался ее найти и буквально недавно нашел в России...

«ПРАВИЛА ИГРЫ»

Еще в первые дни нашей работы в Багдаде один умудренный жизненным опытом отставной американский полицейский, работающий по конт-

ракту в рамках проекта США по оказанию помощи иракским службам безопасности, очень наглядно и доступно продемонстрировал «правила игры» и отношение иракцев к нам. С целью изучения расположения объектов и отработки вариантов действий на случай, скажем так, непредвиденных ситуаций он провел для нас неофициальную экскурсию по главному офису одной из спецслужб Ирака, с которой мы тесно работали.

Как и в любом государственном учреждении, здесь есть как парадная сторона, где нас встречали улыбками, отданием чести и прочими атрибутами этикета, так и противоположная, для всякого люда рангом намного ниже, а также различные хозяйственные закоулки.

Тут встречали уже по-другому. В лучшем случае – сдержанно и официально приветствовали. Но, как правило, взгляды, выражение лиц и ухмылки, шушуканье и смех за спиной недвусмысленно давали нам понять, что они думают о нас на самом деле и что хотели бы сделать с такими «союзниками», если бы мы были без оружия и встретились в ином, менее привлекательном месте.

После таких «походов» некоторые наши иллюзии об «интернациональном долге» развеялись и все брифинги и тренировки по личной безопасности начали восприниматься иначе.

МИМОЛЕТНАЯ ВСТРЕЧА

Что касается личных приятных впечатлений, то особенно запомнился следующий, вроде бы незначительный случай.

На входе и выходе из столовой военной базы несли службу вооруженные охранники из частной военной компании, обеспечивающей безопасность нашего лагеря. Их набрали в какой-то далекой африканской стране, где условия местной жизни подтолкнули этих людей ехать на заработки в беспокойный Ирак. В нашу столовую их не пускали, и питались они где-то отдельно, а иногда прямо на «рабочем месте». Я неоднократно наблюдал, как к вышке с часовыми или к контрольно-пропускному пункту подъезжал пикап и охранникам выдавали по скромной порции пищи в одноразовой посуде.

Посетителям столовой разрешалось бесплатно брать с собой на вынос две бутылки различных напитков. Не знаю, насколько это выглядело корректным в глазах окружающих (все-таки другой менталитет), но при выходе из столовой я всегда старался презентовать охраннику бутылку какого-то охлажденного напитка. Каково же было однажды мое удивление, когда в ответ один темнокожий молодой парень сказал по-русски «спасибо». Как он мог определить мое происхождение, осталось для меня загадкой. Ведь до этого он меня видел всего пару раз, и на мне, кроме погон и эмблемы натовской миссии в Ираке, не было никаких других знаков различия и национальной принадлежности. К тому же на этой базе на тот момент я был единственным офицером с территории бывшего Советского Союза. Одним словом, до сих пор помнится это искреннее «спасибо», сказанное незнакомым мне простым африканцем...

О ЖИЗНИ НА БАЗАХ

Большинство коалиционных войск размещено на так называемых передовых операционных базах. Они представляют собой хорошо укрепленный полевой лагерь, который со временем превращается в обжитой военный городок с соответствующей инфраструктурой. Атрибутами такого лагеря обычно являются не только бетонные стены, мешки с песком и многочисленные укрытия, но и спортзал, спортивные площадки, кафе, несколько магазинчиков, включая ларьки местных торговцев. Понятное дело, что от обстрелов реактивными снарядами или огнем минометов лагерь не спасает, но переносить отрицательные стороны пребывания в зоне боевых действий, далеко от страны и семьи, помогает.

Американцы остаются верны себе, то есть привычному образу жизни, и в боевых условиях. Как только подразделение прибывает на новое место дислокации, оно его тут же начинает обживать. Что-то из нажитого (мебель, спутниковые антенны и т.п.) передается от предшественников по наследству. Остальное приходится добывать самим. Кто-то тянет интернет-линию к себе в контейнер или палатку, кто-то из подручных средств сколачивает простейшую мебель и так далее.

У ряда военных большая часть службы в Ираке проходит практически в пределах упомянутых военных баз. Нет, патрули, конвои, чек-поинты работают постоянно. Но у американцев количество подразделений обеспечения и обслуживания всегда было значительно больше, чем боевых. Поэтому по территории баз шатаются сотни военных, но за их пределы для выполнения настоящих боевых задач убывают лишь немногие из них.

Количество средств, которые выделяются коалиционным войскам на войну в Ираке, выходит за рамки здравого смысла и так же бестолково тратится. Во всяком случае, неоднократно наблюдал, как новенький пикап на базе «шевроле-субурбан», который не по карману многим военнослужащим западных армий, использовался уборщиками фирмы KBR для сбора и вывоза пакетов с мусором от жилых контейнеров.

На заправке стоят полуприцепы с топливными цистернами, которые никем не контролируются. Подъезжаешь, самостоятельно заправляешься – и никакого учета. Вот было бы раздолье для наших прапорщиков соотечественников, норовящих использовать все плохо лежащее с пользой для дела. Правда, в Ираке нефти много, поэтому топливо канистрами из-под полы продавать просто бессмысленно.

С «ЭТИМ» СТРОГО, НО...

Несколько слов о так называемых щепетильных вопросах, связанных с присутствием в зоне военных действий представительниц прекрасной половины человечества. В принципе женщин на операционных базах работает много. Часть из них – гражданский персонал, который не от хорошей жизни был вынужден завербоваться в частные военные компании и фирмы по обслуживанию войск коалиции. Другое дело – женщины-военнослужащие, которые направляются в зоны кризиса на общих основаниях с мужчинами. Не буду утверждать, что они в массовом порядке работают в составе конвоев. Но и их я встречал на должностях водителей, пулеметчиков и даже командиров бронетехники. Занятно было наблюдать в составе группы быстрого реагирования или VIP-эскорта ту или иную даму, словно сошедшую с экрана боевика, с полным «фаршем» снаряжения и оружия, манеры обращения которой с «коротким» или «длинным» стволом наводят на мысль, что она имеет соответствующий уровень продвинутой подготовки.

Не пытался специально «коллекционировать» что-то «об этом», но неоднократно видел своими глазами примеры и близких отношений обоих полов. Так, в столовой темнокожий сержант гладил под столом коленки своей симпатичной коллеги. И, несмотря на наличие телефонов доверия («горячей линии» на случай сексуальных домогательств) и страшилки о том, что у «них» с «этим» очень строго, презервативы обязательно есть в ассортименте PX даже на самой захудалой операционной базе...

НЕ ИЩИ ПСИХОТЕРАПИИ В СТАКАНЕ

Мой небольшой опыт нахождения в Ираке и поездок в другие «интересные» места подсказал мне несколько идей, которые вполне могут оказаться для кого-то полезными. Скажем так, далеко не все наши соотечественники, убывающие в «горячие точки», проходили специальную психологическую подготовку, владеют приемами саморегуляции психики. Но проблема ежедневной стрессовой ситуации и длительного отрыва от привычной среды затрагивает практически всех. Очевидно, что человек, который не способен себя контролировать и направлять в нужное русло, сам испытывает проблемы и становится проблемой для окружающих. Поэтому кто-то впадает в депрессию, кто-то «садится на стакан» или «наркоту», кто-то начинает искусственно накручивать себя и попутно своих сослуживцев...

Что я в этой связи предлагаю? Прежде всего, направить энергию в полезное русло. При любой интенсивности конфликта и прочих жизненных раскладах. На каком-то этапе пребывания в командировке начинает появляться свободное время. Самое главное при этом не начать маяться дурью, а попытаться правильно использовать это время. Можно и нужно ходить в спортзал. Если такового нет, то вполне возможно соорудить перекладину и найти пару траков танковой гусеницы вместо гантелей. Физическая нагрузка очень хорошо помогает снять стресс. По возможности очень желательно что-то регулярно читать или совершенствовать свой уровень иностранного языка, особенно если вокруг многоязычная среда. Не пожалеть небольшую сумму и купить спутниковую антенну, принимать те каналы, которые любишь.

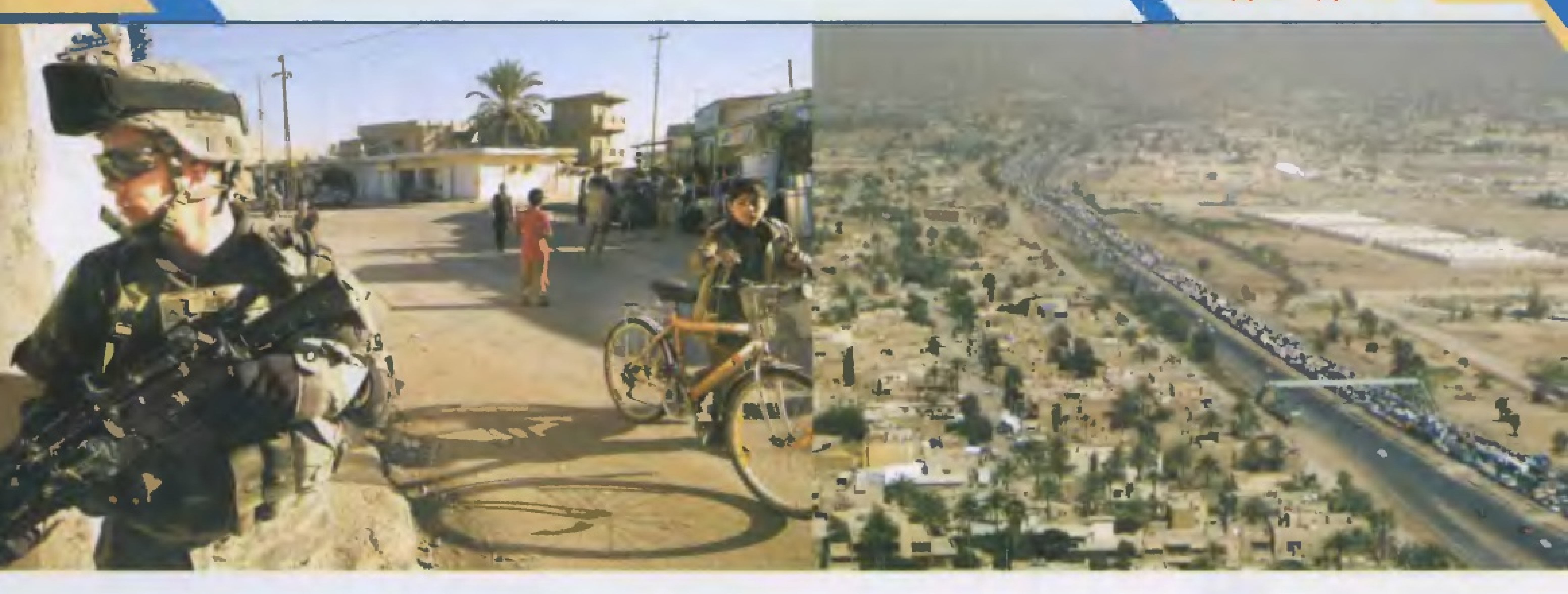
Тему можно продолжать до бесконечности, но если подойти к «саморегуляции» грамотно, то обнаруживается, что времени даже не хватает, поэтому и глупым мыслям в голову прийти некогда.

«ЧЕРНЫЕ» И «БЕЛЫЕ»

...Первый день весны был ознаменован очередным «сюрпризом». Один из сотрудников компании EOD-Tehnology, которая обеспечивала безопасность передовой операционной базы, где мы жили, ночью уснул на посту. Незадачливого охранника родом из далекой Уганды сняли с дежурства и отправили в трейлер. Утром пришел его руководитель подразделения, отобрал у нарушителя оружие, нагрудный знак, объявил о разрыве контракта и о том, что ближайшим авиарейсом его отправят домой.

Для выходца из небогатой африканской страны потеря работы и перспектива возвращения домой с позором стали шоком. Будучи в таком состоянии, он завладел оружием своего соседа по трейлеру и открыл огонь по своему командиру, смертельно его ранив. После чего застрелился сам...

Расследование трагического инцидента выявило ряд других проблем, связанных со взаимоотношениями между сотрудниками этой частной военной компании. Как и в некоторых других структурах, люди делились на «белых» и «черных», причем независимо от их цвета кожи. «Белые» – это граждане из развитых стран мира,

занимающие управленческие или обычные, но высококвалифицированные должности с неплохой зарплатой, живущие в сносных (имеется в виду для зоны конфликта) бытовых условиях, имеющие почти такие же льготы и привилегии, как и военнослужащие войск коалиции.

«Черные» – это в основном выходцы из бедных африканских стран, без особых прав и льгот. Им запрещался доступ во многие места, например в спортзал. Кормили их отдельно, а на посты привозили скромную порцию пищи в картонной коробке. По большому счету, они настоящие труженики, исправно несущие службу и демонстрирующие вежливость. Но судьба в отношении них распорядилась по-другому...

Нелепая гибель людей привела к накалу взаимоотношений между этими двумя группами. Для нас это означало очередное усиление требований по мерам безопасности уже на территории самой базы: повсеместное ношение при себе пистолета, передвижение в темное время только вдвоем и так далее.

Надо сказать, на другой базе нашу безопасность обеспечивала частная военная фирма, производящая благоприятное впечатление. Эта компания набирала персонал в основном из числа отставных гурков. Как известно, гурки многие годы исправно служат британской короне и традиционно считаются очень хорошими солдатами. Выглядят всегда аккуратно, ведут себя приветливо, а самое главное – очень тщательно выполняют свои обязанности.

НУ СЛИШКОМ «КРУТЫЕ ПАРНИ»...

Нужно также упомянуть, что в борьбе за рынок заказов в Ираке частные военные фирмы прибегают к различным формам конкурентной борьбы, в том числе к компрометации конкурента.

Вообще, ситуации с частными компаниями бывают разные. Во время моего пребывания в Ираке в эпицентре скандала оказалась фирма Black water. Согласно моим (да и не только) наблюдениям, их «фирменным» отличием можно назвать жесткий стиль работы по обеспечению безопасности клиентов. В определенной степени это можно считать оправданным, так как агрессивная демонстрация силы и готовность ее применить также являются сдерживающим фактором для «плохих парней», особенно в регионе, где силу принято уважать. Но при этом неоднократно были случаи применения оружия на упреждение без реальных на то причин и жертвы среди местного населения.

16 сентября 2007 года в Багдаде произошел инцидент с сотрудниками этой компании (а она работает по контракту с госдепартаментом США), в результате которого 8 иракцев были убиты, а 13 получили ранения. Местные власти обвинили охранников компании в неправомерном применении огнестрельного оружия и заявили о прекращении деятельности Black water на территории страны. Также было заявлено о намерении правительства проверить работу всех частных охранных компаний на предмет ее соответствия иракским законам.

Однако вскоре деятельность Black water в Багдаде была частично возобновлена. При этом было оговорено, что сотрудники компании будут выполнять лишь особо важные задачи. Власти США и Ирака также договорились о создании совместной комиссии по расследованию причастности сотрудников этой фирмы к инциденту, произошедшему 16 сентября. Но скрытой причиной скандала стало стремление конкурентов потеснить Black water на рынке.

__Для справки__.

Всего обеспечением и обслуживанием военного контингента США в Ираке занимаются примерно 180 тыс. человек гражданского персонала, представленного лицами различных национальностей и гражданства. Из них 137 тыс. работают по контрактам, заключенным с Пентагоном. Более половины этих людей – иракцы, а американцев – около 22 тысяч. Гражданский персонал задействован в обеспечении безопасности, разведке, строительстве дорог и других сооружений; он работает в армейских столовых, занимается стиркой, ремонтом, водоснабжением, канализацией и многими другими работами по обеспечению. Значительное количество гражданских работников занято обслуживанием деятельности других иностранных военных контингентов в Ираке. А сумма контрактов на охранную деятельность в этой стране, начиная с 2003 года, исчисляется в несколько миллиардов долларов...

Что хочется сказать в заключение? После 2003 года иракское «уравнение» продолжает иметь столь много неизвестных, что его решение не может быть легким и тем более быстрым. И речь идет не о том, чтобы та или иная сторона оказалась победителем. Пока лишь можно говорить о поиске максимально возможного компромисса между всеми субъектами иракской проблемы.

ГАЛЕРЕЯ

Этот карабин широко известен под наименованием «Бэби Гаранд» («Маленький Гаранд»).

Под аббревиатурой М-1 существует также американская 7,62-мм самозарядная винтовка «Гаранд», производившаяся на фирме «Спрингфильд» начиная с 1936 года. Она разработана оружейным конструктором Джоном Гарандом, который никакого отношения к разработке карабина М-1 «Бэби Гаранд» не имеет. Название «Гаранд» этот карабин получил, возможно, благодаря тому, что его затвор и часть стебля, поворачивающая затвор при запирании и отпирании канала ствола, конструктивно повторяют аналогичные элементы вышеупомянутой самозарядной винтовки.

Миниатюрный патрон к «Бэби Гаранд» появился в октябре 1940 года на конкурсных испытаниях в числе 25 представленных образцов и выиграл этот конкурс.

Достоверных источников о том, кто именно создал «Бэби Гаранд», найти не удалось. По существующей легенде, карабин разработал сотрудник инструментального производства фирмы «Винчестер» по имени Вильямс. Карабин был представлен на конкурсные испытания в числе 11 претендентов менеджером Паксли в 1941 году. Первоначально это оружие предназначалось для военнослужащих, выполняющих задачи без непосредственного огневого контакта с противником на передовой, то есть для солдат охраны штабов, водителей и т.д. Но впоследствии карабин М-1 получил распространение и в передовых частях.

Серийно карабин выпускался многими американскими фирмами в нескольких модификациях:

М-1 – исходная модификация с деревянной ложей;

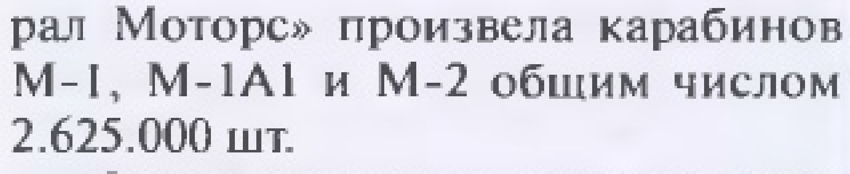
М-1А1 – вариант с пистолетной рукояткой и складывающимся на левую сторону рамочным плечевым упором, планировался для вооружения десантников-парашютистов;

М-1А3 – со складным прикладом;

М-1А4 – с выдвижным плечевым упором;

М-2 – конструктивно выполненный как М-1, но с магазином на 30 патронов и допускающий ведение автоматического огня.

Согласно приведенным в литературе данным, только фирма «Дженерал Моторс» произвела карабинов М-1, М-1А1 и М-2 общим числом 2.625.000 шт.

Фирма «Винчестер» произвела М-1 в количестве 809.451 шт.

Всего в производстве участвовало десять фирм США, выпустивших совместно около 4 млн. образцов.

По принципу действия карабин относится к оружию газоотводного типа, с жестким запиранием канала ствола поворотным затвором, имеющим два запирающих боевых упора. Особенностью оружия в этой части является газовая камора закрытого типа, расположенная в зоне высокого давления пороховых газов. Она воздействует на стебель затвора не газами, как обычно, а через стальной поршень-вкладыш, имеющий ход в газовой каморе в пределах 3–5 мм. Величина этого хода (а следовательно и характер воздействия поршня на стебель) регулируется гайкой с помощью специального ключа.

Карабин М-1 имеет деревянную ложу с рукояткой полупистолетного типа и деревянную ствольную накладку.

Ударно-спусковой механизм куркового типа допускает ведение только одиночного огня. Этот механизм имеет оригинальный способ разобщения шептала и спускового крючка без использования дополнительных деталей – за счет «плавающего» шептала, ось вращения которого образует овальную форму.

Предохранитель от несанкционированного выстрела представляет собой цилиндр, который, будучи утопленным с левой стороны, стопорит спусковой крючок.

7,62-мм автоматический карабин М-1

Основные характеристики

Калибр, мм	7,62
Вес с магазином без патр., кг	2,57
Длина оружия, мм	900
Длина ствола, мм	424
Длина прицельной линии, мм	545
Вес подвижных частей, кг	0,312
Вес затвора, г	83
Емкость магазина, патр.	15
Вес патрона, г	12,9
Вес пули, г	7,1
Начальная скорость, м/с	590

Питание патронами осуществляется из прямого коробчатого магазина на 15 патронов, располагаемых в шахматном порядке, с двухрядным выходом.

Прицел диоптрический, откидной, на два положения.

Карабин прост по устройству, несложен в уходе и имеет изящный внешний вид. Однако, по мнению некоторых отечественных специалистов, самозарядное оружие под патрон столь небольшого импульса не нуждается в жестком запирании канала ствола и могло бы быть конструктивно более простым при свободном или полусвободном затворах.

Фото Виталия Анькова

СОЛДАТ УДАЧИ

«ПАРТИЗАНЫ» СЕГОДНЯ. ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Анатолий ОБУХОВ

Для большинства военнослужащих армия начинается с повестки. С той же повестки началась она и для нескольких тысяч военнообязанных запаса Сибирского военного округа, вставших в прошлом октябре под ружье. Когда мне принесли повестку, дома находилась сестра, которой надо было вот-вот рожать. На ее вопрос: «Кто там?», за дверью бодро ответили: «Паспортный стол!» Когда дверь открылась, «работники паспортного стола», глядя на круглый живот моей сестры, спросили: «Вам есть восемнадцать? Распишитесь...» Мне предписывалось на следующий день прибыть на место сбора для призванных из Ленинского и Свердловского округов Иркутска.

КОМАНДА 91212

В месте сбора ПУ № 67 военкомы поясняют, что проводятся внеплановые военные сборы, около 900 запасников уже убыли в Читу, а около 1.500 человек направляются поездом в город Гусиноозерск Республики Бурятия, где им предстоит выдержать проверку самого командующего Сухопутными войсками.

С места сбора и начинается моя «партизанская» жизнь, я в команде 91212.

За одним из столов в фойе сидит женщина, которую все называют врачом. Очередь у нее не задерживается, все диалоги как по шаблону.

Врач:

– Жалобы на здоровье есть?

Кандидат в «партизаны»:

– Нет.

– Тогда проходите в спортзал.

В спортзале вдоль стен сидят или стоят люди. Большинство поодиночке, но кто-то, уже найдя приятелей или просто познакомившись, «отмечает» призыв. Иногда в зал заходит кто-нибудь из офицеров, зачитывает список, строит людей и уводит в автобус.

Один из сидящих за импровизированным столом, услышав свою фамилию, пытается допить стакан с водкой.

– Да не последняя это твоя бутылка! Становись в строй! – делает ему замечание офицер, и он прав.

В автобусе сидящий позади меня молодой мужчина ведет беседу по мобильному телефону: «Понимаешь, дружище, ведь я присягал! Если я откажусь, мне грозит военный трибунал!»

Вскоре нас доставляют к месту сборного пункта областного военкомата на станции Гончарово, где «партизаны» из Иркутска вливаются в огромное море таких же воинов запаса, призванных из Черемхово, поселка Белореченского, Иркутского и Аларского районов, а также из других мест области.

Большинство «партизан», вкусив «огненной воды», представляют собой жалкое подобие человекообразных существ.

Некий мужчина, выйдя на кривых заплетающихся ногах на плац, проголосив: «Черемхово!!!», снимает с себя куртку и бросает ее в сторону. Около туалета на улице несколько человек лежат на земле, как морские котики на лежбище, так как стоять они не могут физически.

Для поддержания порядка на территории сборного пункта присутствует милиция. Проходим первую проверку на наличие с собой оружия, алкоголя, наркотических или психотропных веществ.

От обильного возлияния одному из призванных стало плохо, и его увезла «неотложка» в больницу. Среди нас ходит слух, что кого-то даже подрезали в драке.

Перед посадкой в эшелон происходит повторный шмон.

«ПАРТИЗАНСКИЙ» ПОЕЗД

Вечер. В вагоны грузят по военкоматам. В сопровождении военкоматовских офицеров и бойцов отряда милиции особого назначения «партизанский» поезд трогается в дальний путь. Раздали сухпай, но, как водится в таких случаях, он достался не всем. Зато кто-то урвал по целой коробке. Из постельных принадлежностей – матрац, подушка, одеяло и наволочка.

Призванные на мобсборы, несмотря на то, что они согласно Федеральному закону «О воинской обязанности и военной службе» обрели статус военнослужащих, с особым остервенением продолжают нарушать воинскую дисциплину, став сущим кошмаром для проводников поезда. С замутненным разумом люди устраивают драки и бьют оконные стекла.

Вскоре стало плохо с сердцем одному из пассажиров поезда в первом вагоне.

В третьем вагоне, где были мы, спокойствие заканчивается вместе с выходом из «двух нулей» призванного на сборы медика. На него накидывается невысокого роста мужчина лет пятидесяти.

Медик, одним ударом отправив драчуна в коматозное состояние, гордо вышагивает в свое купе, расположенное в противоположном конце вагона. Свесив головы с верхних полок или выглядывая из-за перегородок, личный состав с интересом наблюдает, как потерявшего сознание дебошира несколько человек пытаются поставить на ноги.

Чертыхаясь, медик вернулся на место драки со словами: «Ну вот, теперь мне этого гада придется к жизни возвращать...»

Реанимация прошла успешно. Ста-

ричка за руки и за ноги выносят в четвертый вагон. Он уже очнулся и, рыча, цепляясь за поручни, мешает своей транспортировке.

В Слюдянке в поезд в нагрузку подсаживают еще несколько десятков человек, призванных на мобсборы. Кряхтя, мужики лезут на свободные полки – багажные.

Сопровождающий нас военкоматовский работник замечает незнакомую ему личность в нашем вагоне. Решив с ним поговорить, узнает, что он тоже «партизан», но уехал на сборы в Читу на сутки раньше нас. В Слюдянке он самовольно сошел с поезда и предался беспробудному пьянству. Затем, очнувшись, пришел на вокзал и сел в воинский эшелон, то есть к нам. Одним словом – ирония судьбы.

Во время пути четыре раза срывают стоп-краны. Крайний раз стоп-кран срывает «пациент» медика. Остановив состав, наш буян спрыгивает с поезда в ночную темноту, где-то за Выдрино. На нем только брюки и рубашка, не считая ботинок. Протрезвев на морозе, он выходит на автодорогу, ловит попутку и добирается до ближайшей станции, а затем и до части, куда нас везли. Но все же наш воинский эшелон раньше него прибыл на станцию Загустай, серьезно потрепанную вандалами.

ВТОРОЙ ПРИЗЫВ

Под взглядом полной луны нас выводят на перрон. На легком морозе около часа ждем своей очереди погрузки в грузовые армейские автомобили.

Нас отсчитывают по тридцать человек и рассаживают в закрытые тентом кузова. Машин всего три, поэтому процедура перевозки полутора тысяч человек личного состава затягивается. Самое интересное, что в кузов и КамАЗа, и ЗИЛа, и «шишиги» ровно по тридцать человек загоняют. В итоге где-то тесно, а где-то вольготно.

После десяти минут ухабистой дороги выгружаемся около складов вещевого имущества. Вновь досмотр на наличие запрещенных веществ, оружия и алкоголя. Нескольких человек задерживают за вызывающее поведение, определяя их «для времяпровождения» в комендатуру.

На складах в два потока мы проходим пункты приема команды 91212, где нас распределяют по подразделениям согласно записанным в военных билетах специальностям. Меня направляют водителем в инженерно-саперную роту.

Четвертый досмотр происходит во время переодевания в военную форму. Кроме нее выдают вещмешок, котелок, кружку и ложку. Все штатское сдаем на склад, засунув в белый целлофановый куль.

...Солнце осветило Гусиноозерск, высокие трубы ТЭЦ и окружающие их с двух сторон горные хребты. Дует неслабый холодный ветер. Продрогшие еще во время переодевания, на выходе из склада ищем своих офицеров, которые, приняв наши военные билеты, уводят нас по нескольку человек в казарму. По пути читаю плакаты и понимаю, что попал в гвардейский, орденов Красного Знамени и Богдана Хмельницкого 160-й танковый полк. Один из плакатов гласит: «Воин, помни, от бдительного несения тобой службы по охране восточных рубежей зависит безопасность Родины!»

ТЕПЕРЬ ТЫ СНОВА В АРМИИ

Казарма встречает нас лежащими на полу матрацами, коек нет. Из постельных принадлежностей подушка, одеяло, одна простыня и наволочка – негусто. С нами квартирует комендантская рота. В таких же условиях. Вновь началась самая реальная военная служба, со строгой воинской дисциплиной, с боевой подготовкой и нарядами, с подшитыми подворотничками, со знаками различия на погонах и тусклой звездой на шапке.

Перед обедом строимся на плацу. Одетые в одинаковую форму, мы заново пытаемся узнать друг друга. Льет холодный дождь, противно стекая по лицу. Хорошо, что у бушлатов есть капюшоны, натягиваем их на головы. Но вскоре все равно промокаем. На ближайших горах уже лежит снег. Нам объясняют, что призвали нас ненадолго, но инспектировать часть прибудет сам главком Сухопутных войск. По сценарию учений наш полк стоит на прикрытии границы и должен отразить нападение противника, находящегося в некотором удалении от нее. Кто наш противник, не говорят. Мое воображение рисует китайскую военную угрозу нашей Родине, так как монголы пока вроде не в состоянии угрожать на наушкинском направлении.

ПРИПАДОЧНЫЕ

Вечерняя поверка. Темно, лишь светят звезды в ночи да огни Гусиноозерска. Только все построились на плацу, как в соседнем подразделении с «партизаном» происходит эпилептический приступ. Кто-то кричит: «Позовите врача! Врача скорее!» Вскоре санитарный автомобиль увозит припадочного в санчасть.

Командир роты кадровый майор Владимир Жигулев (сразу прозванный нами Жигой) подошел к «партизанскому» комроты из «пиджаков», то есть из тех, кто окончил только военную кафедру гражданского вуза:

– Ты, как свой, поспрашивай, есть ли у нас такие, кто после резкого прекращения пьянки. А то тоже припадок может случиться...

Второе утро в части. Теперь припадок случился в столовой во время приема пищи с еще одним «партизаном». Его тоже быстренько увозят в санчасть.

РАВНЕНИЕ НА ЗНАМЯ!

После завтрака – строевой смотр. Всем выдают автоматы, правда, без магазинов. Проверяющий нашу роту подполковник очень удивлен наличием у многих военнослужащих синяков под глазами. На его вопрос, откуда эти «украшения», у всех один ответ: «Упал в поезде с полки». После смотра под марши оркестра перед замерзшим по стойке смирно полком знаменный взвод проносит боевой алый стяг, украшенный орденскими лентами. Через несколько минут уже все роты и дивизионы проходят строевым шагом мимо трибуны, отдавая воинское приветствие начальнику базы хранения.

После торжественного марша он произносит речь:

— Радостно видеть, как вы прошли в ногу ровными шеренгами. У многих блеск в глазах — бальзам на истосковавшееся командирское сердце.

После обеда мы сдаем оружие. На ужине — вновь случай эпилепсии в соседнем подразделении.

89-й – ЛИШНИЙ

На вечерней поверке офицеры, пересчитав нас по головам, приходят к выводу, что кто-то из нас лишний. В армии, наоборот, всегда кто-то где-то теряется, сбегает в самоволку, находится в наряде, отлеживается в санчасти. Но тут явно перебор, поставивший командиров в неловкое положение.

Поименную перекличку делать уже поздно, всей роте задают вопрос: «Тут все саперы? Может, кто-то из другого подразделения?» Молчание усиливает интригу.

Вскоре нас становится вновь 88, так как в третьем артдивизионе обнаружили потерю бойца и мы, проведя математический вычет, отправили к ним лишнюю боевую единицу.

ПОЛИГОН

Прошла еще одна ночь в армии. Позавтракав, мы на заре выдвигаемся на полигон. Каждое подразделение – на свое место занятий. Полигон расположен между Гусиным озером и горами, на узкой полоске земли размером почти в один километр. От озера его отделяет железная дорога.

На танковой директрисе занимаются танкисты, рядом с ними – самоходчики, зенитчики учатся поближе к ТЭЦ, связисты ушли к железной дороге, рота разведки бегает между связистами и медиками, а учебный пункт саперной роты рядом с медиками.

До своего учебного места рота шагает час, неудобные укороченные сапоги натирают на ногах мозоли. Если в начале марша всем было холодно, то к концу пути со всех пот катится градом.

На занятиях нам демонстрируют инженерно-саперную технику, дают поработать на экскаваторе. Один из офицеров читает лекцию о минах, их использовании и способах разминирования.

К всеобщему сожалению, стрельбы отменили, объясняя, что по традиции в части по воскресеньям не стреляют. Пообещали, что завтра будет интереснее и нас, наверное, даже примут в саперы.

Вечер завершается очередным приступом эпилепсии у соседей во время вечерней поверки. По команде наступает отбой в части.

ВКУС ТРОТИЛА

Утро мы вновь встречаем в походе на полигон, где нам предстоит, по словам офицеров, стать настоящими саперами. На параллельной дороге, за пригорком, слышны рев двигателей и лязг гусениц Т-72, держащих курс на танковое стрельбище.

Через час полигон «оживает» автоматными очередями, перекрываемыми «голосами» танковых пулеметов Калашникова и «Утесов». Все с нетерпением ждем, когда вступят в дело танковые пушки и самоходная артиллерия, но они продолжают молчать. Тогда подтверждать звание самой громкой профессии приходится саперам. Каждый из нас, пройдя инструктаж и расписавшись в журнале выдачи взрывчатых веществ, получает по 200-граммовой шашке тротила, кусок огнепроводного шнура с запалом и взрывателем.

Так как установленные в боевое положение современные мины уже в 99 процентах случаев не подлежат разминированию, их уничтожают на месте путем подрыва наложенного заряда. Этому нас и спешат обучить. Напутственные слова командира: «Главное – не торопиться! Делать все спокойно, по команде». Чтобы избежать ЧП, взрыватель приказывают положить в карман, а тротил и огнепроводный шнур держать в руках.

Роту делят на четыре группы. Наша первая группа выдвинулась на поле, где, развернувшись лицом к офицерам, мы расступаемся с интервалом пять шагов. По команде садимся на правое колено, достаем взрывчатку и подручными средствами: кто камешком, кто куском проволоки или веточки, протыкаем обертку на ней, освобождая отверстие для взрывателя.

— Поднять руку, кто готов! — не спускают с нас глаз офицеры.

Вытянутая вверх правая рука мерзнет на холодном ветру, но не все успели победить злосчастную оберточную бумагу. Когда все поднимают руки, нам командуют вставить взрыватель с огнепроводным шнуром в тротил и поднять левую руку, держа в ней запал.

— А теперь — взвести запал!

С запалом следует провести следующую операцию: указательным и средним пальцами зацепить его чеку, оттянуть и повернуть на девяносто градусов, чтобы можно было ее выдернуть. Пока замерзшими пальцами, положив тротил на землю, мы пытаемся совладать с запалом, на правом фланге раздается резкий сухой щелчок сработавшего запала — и тут же зловещее шипение. Оно подсказывает, что пламя пошло по огнепроводному шнуру к детонатору. Подсознание шепчет: «Все, амба! Бикфордов шнур горит! Еще немного — и будет взрыв!» В голове нарисовалась картинка взрыва: разлетающиеся в разные стороны тела саперов в камуфляжном обмундировании, грустные лица родных, получивших похоронки. Умирать в такой хмурый день у подножия бурятских гор не хочется.

Все повернули головы на звук сработавшего запала. Наблюдаем, как сидевший самым крайним в нашей шеренге младший лейтенант с глазами по пять советских копеек смотрит на дымящийся в его левой руке огнепроводный шнур. Вдруг его вечно сутулая спина распрямляется, рука выпускает шнур. Он вскакивает и, не отводя взгляда от «адской машинки», быстро пятится назад, оправдываясь:

— Я ничего не дергал, она сама сработала!!!

Вслед за лейтенантом поочередно вскакивают со своих мест, подальше от лиха, все те, кто сидел недалеко от него. Волну паники предотвращает майор Жига, подбежавший к дымящемуся шнуру. Выдернул его, отбросил подальше. Жесткая команда «Сидеть» заставляет убегающих вернуться к своим «адским машинкам».

– Взять запал в руки! Огонь!!!

Изо всех сил дергаю кольцо, выдергивая чеку. Над степью раздаются щелчки сработавших запалов. Кто не впал в панику, забирает кольцо с чекой себе на память.

– Никто никуда не убегает! – не дает поддаться эмоциям отец-командир.

Офицеры дожидаются, когда все выдернут чеки:

– Встать! Теперь спокойно отходим, никто никуда не бежит.

Последним уходит майор, показывая своим неспешным шагом, что 150 секунд горения огнепроводного шнура – это целых две с половиной минуты, а не раз, два, три и бабах!

У не служивших до этого в саперных подразделениях выражения лиц такие, словно они собственноручно взрывают «ядреную» бомбу. Нервы не выдерживают, и они переходят с шага на бег.

Построившись около места выдачи взрывчатки, с нетерпением ждем взрывов. Кто-то снимает происходящее на мобильные телефоны. Первым срабатывает взрыватель младшего лейтенанта, а затем, через 15–20 секунд, начинают грохотать настоящие взрывы. Внимательно считаем их количество, взорваться должны все заряды.

Затем повторяем подрывы. Пока сослуживцы затаривались взрывчаткой, пробую на вкус тротил – горький и крошится, как застывшая смола. Теперь могу называться сапером.

Затем Жига, построив всю роту, спрашивает: «Ну что, покажем всем, кто такие саперы?!» Теперь взрывает тротил вся рота сразу. Одновременно обучают подрывному делу разведроту. Разведчикам предстояло впервые самим взорвать тротил. Саперы, уже попривыкшие к зажженным фитилям, поднимали на смех убегающих прочь разведчиков, после того как они выполнили команду «Огонь». На этот раз взрывчатки не пожалели. Взрывы были настолько сильными, что на удалении 300 метров чувствовались толчки земли под ногами.

Теперь, кроме фотографирования взрывов, «партизаны» звонят друзьям и близким, произнося одну и ту же фразу: «Слышишь?! Это мы взрываем!!!»

ВОЙНА ВОЙНОЙ, А ОБЕД ПО РАСПИСАНИЮ

Пока взрывали, начался мелкий редкий снег. К обеду он усиливается, скрыв горы из виду. Обедаем на полигоне под открытым небом, рядом с танковой ротой. Танки под снегопадом похожи на застывшие постаменты. Спасаясь от ветра и осадков, поднимаем воротники и натягиваем на головы капюшоны.

На обеде разбиваемся на группы по пять человек. Так как именно на такое количество раздают литровый пакет сока.

На первое в котелок льют жидкость, именуемую супом. По мере выпадения осадков на дно он становится все прозрачнее и прозрачнее. Хлеб впитал влагу и размок. Рисовая каша с тушенкой тоже не является кулинарным шедевром. Некоторые решают разнообразить меню горчицей, лежащей в крышке солдатского котелка, называя ее профсоюзным маслом. Привыкнув к тому, что в общепите она редко бывает сильнодействующей, попробовавшие ее сейчас напоминают выброшенных на сушу рыб. Рот открывают, глаза круглые, ничего сказать не могут. Соку каждому досталось чуть больше половины кружки. Это и понятно: как литровый пакет поровну на пятерых ни разливай, больше, чем положено, никому не достанется. Так всегда. Хотя даже чай в столовой умудряются недоливать, а ведь уж с чем с чем, а с водой у нас проблем быть не может. Постоянно хочется пить. Разбавленный снегом, сок кислит, и от холода ломит зубы.

Непогода усиливается, и мы уходим с полигона. Кто-то навсегда, кто-то, возможно, вновь «партизаном» вернется сюда спустя три года. Обратно идем, укрываясь за спинами товарищей от снежных зарядов. За полчаса пути никто не обронил ни слова, пока не утих ветер. Впереди предстоит самая медленно тянущаяся ночь в армии – дембельская. Перед отбоем, да и после, перекидываем друг другу на мобильники фотографии и видеозаписи взрывов.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ В АРМИИ

Вновь будят ни свет ни заря. Неспешно идем на завтрак. Эти несколько дней армейской жизни кажутся нескончаемыми. Завтрак монотонный и безвкусный. Многим невтерпеж снять с себя армейскую робу. Но еще надо отстоять длинную очередь, чтобы сдать постельное белье. По темноте люди идут к складу. Толпятся там, ругаются, говорят, доходит и до стычек. Мы решаем не ломиться со всеми, а обождать, когда схлынет основной поток. К 11 часам дня неспешно и без сутолоки сдаем на складе матрац, подушку, одеяло, наволочку и простыню. Около полудня рота выходит строиться для убытия на вещевые склады. Настроение, несмотря на ветер, у многих приподнятое. Ведь вечером поезд увезет нас домой. Мы отслужили без происшествий.

Проводить нас выходит майор, и в этот момент раздается крик: «Упал! Упал!!!» Все оборачиваются: возле каменного ограждения круглой клумбы в эпилептическом припадке бьется сапер, с посиневшим лицом и пеной изо рта.

ПРОЩАНИЕ С АРМИЕЙ

Добравшись до складов по сильному встречному ветру, несколько минут стоим перед решетчатыми воротами, ждем, когда нас начнут разбирать по военкоматам.

Затем вместе с несколькими саперами вливаемся на территории складов в небольшую группу призванных из моего военкомата. Спасаемся от пронизывающего ветра, греясь у костра из подобранных вокруг досок и ящиков из-под боеприпасов. В обед подвозят крепкий чай и хлеб, которые дополняют сохранившиеся запасы из дома.

Когда толпа уже неизвестно где успевших напиться спирта «партизан» врывается в склад, в котором хранится гражданская одежда, меня людским потоком приносит к стеллажам, где нам согласно распискам должны выдать наше имущество. Но его там нет! Нет и тех, кто должен его выдавать. В таком же положении оказываются и все мои товарищи — наших мешков с одеждой нет. В замешательстве лазим по полкам стеллажей и осматриваем углы склада, среди разбросанных мешков мы не находим бирок ленинского и свердловского военкоматов. Наконец присутствовавшая на складе женщина прапорщик говорит, что наши мешки стоят на улице. Теперь мы ломимся обратно сквозь людской поток — наружу. Находим каждый свой мешок и опять продираемся внутрь, чтобы, стоя на холодном бетонном полу, переодеться в штатское.

На удивление, у всех в мешках все в наличии. Правда, один из бывших «партизан» утверждает, что кто-то спер у него печенье и что-то еще из еды. На складе повсюду валяются белые большие целлофановые кули, в которых хранилась гражданская одежда, чьи-то вещи, форма и амуниция. Люди пытаются как можно скорее выбраться из мира армии. В гражданском обличье все спешат на станцию.

НАЗАД НА «ГРАЖДАНКУ»

В поезд нас рассаживают по разным вагонам, лишь бы запихнуть. Сказывается несогласованность действий военных и представителей ставшей акционерной железной дороги. Тем, кому не досталось места, приходится лезть на багажные полки. Вагоны нам предоставляют отремонтированные, но с поредевшим числом проводников. Полноватая, с обесцвеченными волосами, проводница жалуется:

— Чтоб я еще раз согласилась на такую авантюру?! Да ни за что!!! Нам сказали, что призывников повезем, а тут такое!!! У нас сразу несколько человек с поезда сошли и наотрез отказались обслуживать...

Хоть и трудно достать «огненную воду», ее находят, спекулянты есть даже в поезде, загоняя страждущим бутылку водки аж за 300 рублей.

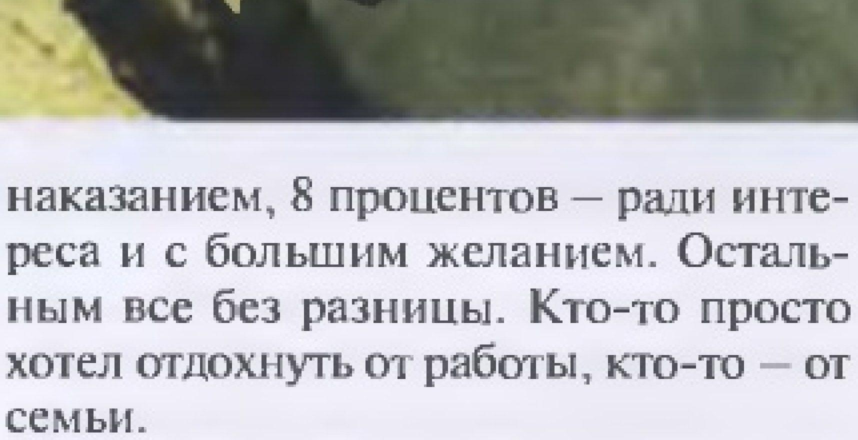
Спасает поезд от повторного разгрома только то, что часть «партизан» устала и не проявляет активных действий, спит на полках. Да и ОМОН не дремлет, поддерживает порядок в вагонах.

Весь вечер и всю ночь группами ходим в штабной вагон за денежным довольствием. У офицеров-финансистов в тусклом свете купейного освещения явно болят глаза, свои фамилии в многочисленных списках военнослужащих ищем сами. Деньги выдают медленно. Потратить их на спиртное теперь проблематично.

В Слюдянке сошли призванные местным военкоматом. В вагоне стало просторнее, если не совсем пусто, для оставшихся восьми человек. Рассвело. Поезд осилил перевал. За окном серебрятся инеем деревья, снег одеялом укрыл горы. Уезжали осенью, возвращаемся зимой.

В вагон забредает подвыпивший мужик: явно ищет, где нальют. Вру ему с три короба, что мы едем с военных сборов из Читы и нас, мол, подцепили в Верхнеудинске к их составу. Мы — ракетчики, а в последнем вагоне — пьяные десантники, поэтому лучше туда не ходить.

Мужик с важным видом стал рассказывать, что он, дескать, тоже едет с военных сборов из Гусиноозерска. Артиллеристом служил.

Один из наших спросил:

— На «катюшах»?

— Нет, не на «катюшах», на «саушках».

— И чем занимались-то на сборах?

— Да стреляли по сопкам! Все сопки сровняли! Каждый день марш-броски по 15 километров! К нам сам главком Сухопутных войск на вертолете прилетал! Вертолет прямо в части садился.

Еле сдерживая смех, выпроваживаем врунишку:

— Слышь, брат, тут с нами фээсбэшники едут, ты сильно не трепись, что у вас было — военная тайна! — говорю ему шепотом, кивая головой на купе проводников.

Когда мужик ушел, смеемся от души, представляя, что он насочиняет про сборы в своей деревне.

ПОРТРЕТ «ПАРТИЗАНА»

На сборах мне удалось провести некоторые социологические подсчеты. Вот что я выяснил:

1. 50 процентов поехали на сборы только из-за страха перед уголовным наказанием, 8 процентов — ради интереса и с большим желанием. Остальным все без разницы. Кто-то просто хотел отдохнуть от работы, кто-то — от семьи.

2. Многих призвали на военные должности, далекие от их гражданских профессий. Потенциал призванных на сборы, их профессиональный и жизненный опыт не используются.

3. Здоровьем особо никто не интересуется. Призывали и тех, у кого оно было явно подпорчено. В нашей роте у мужчины в возрасте около пятидесяти лет болела нога. На нее невозможно было натянуть сапог.

4. И все-таки мобилизационные сборы наглядно показали, что есть в стране люди, готовые по первому призыву Родины стать на ее защиту.

ИЗРАИЛЬ: НАРОД И ОРУЖИЕ

«Бог создал людей. Револьвер Кольта сделал их равными».
Американская поговорка.

Совсем недавно судьба забросила меня в Израиль. В этой стране я оказался впервые. И хочу рассказать о поразившем меня явлении, которое невозможно встретить ни в одной другой стране мира.

Михаил ГОЛЬДРЕЕР

Для начала придется повторить несколько известных истин. Израиль – страна, воюющая с момента своего возникновения и все 60 лет существования. Было несколько полномасштабных войн, а в перерывах между ними идут беспрерывные диверсионно-террористические атаки. В связи с этим в стране установлена всеобщая воинская повинность как для мужчин, так и для женщин. Юноши служат в армии три года, девушки – два, а потом постоянно призываются на короткие сроки в качестве резервистов. В течение службы солдат регулярно отпускают домой на субботу, если они не заняты в карауле или патрулировании, а также в краткосрочные отпуска. В этой армии почему-то нет орденов и даже за героизм в бою поощряют в основном отпусками и деньгами. На улицах городов и поселков всегда полно ребят в военной форме, причем если парень или девушка имеют при себе винтовку или автомат, то это как раз и есть отпускники! Во время же службы солдаты с оружием появляются на улицах только группами под командованием офицеров в качестве патрулей или по пути на боевое задание. Если же солдат в форме и с винтовкой, но один, то это однозначно отпускник, который едет домой или возвращается в свою часть. А если он в форме, но без оружия, значит, послан по служебным надобностям ненадолго из своего подразделения, расположенного где-то поблизости... Винтовки и автоматы отпускников снабжены запасом патронов и заряжены. Особенно не укладывается в голове то, что, приехав домой из армии и переодевшись в гражданское, парень или девушка всюду носят свое оружие, нигде с ним не расставаясь! Часто можно видеть на пляжах, в кафе и парках компании молодежи в штатском, среди которой два-три человека непременно таскают с собой американские винтовки М-16 или М-6 с пристегнутыми магазинами. В одном парке, в укромном месте, случайно увидел, как парень буквально накинулся на свою подружку с объятиями и поцелуями, а у нее на плече висела винтовка... Бедняжке было так неудобно в первую минуту!

А все дело в том, что по израильским законам, оказывается, солдат обязан быть в увольнении со своим личным оружием, которое должно находиться все время у него на глазах, если в доме нет условий для его хранения. Зачем установлено такое правило, я расскажу ниже...

Отслужив в армии, гражданин Израиля получает право на покупку и владение личным оружием. Приобрести можно любое оружие и в любом количестве, особенно если объявишь себя коллекционером и докажешь, что имеешь необходимые условия для надежного и безопасного хранения коллекции. По израильскому закону можно свободно и открыто приобретать любые виды холодного оружия, но запрещено его носить с собой на улице и в общественных местах. Если нарушишь, то сначала кинжал конфискуют и тебя крупно оштрафуют, а во второй раз будет уже тюрьма. Примерно такие же правила и для огнестрельного оружия, но покупать и хранить его гораздо хлопотнее. Чтобы приобрести, к примеру, пистолет, надо сначала запастись разрешением от полиции, которая проверит твое личное дело на криминал. Затем получить справку от психиатра, что не имеешь отклонений. Следующий этап – курсы по стрельбе и умению владеть пистолетом в одном из лицензированных тиров под руководством инструктора, после чего выдается справка о сдаче необходимых зачетов. Все это тоже, между прочим, стоит денег и времени! И только собрав все необходимые бумаги, идешь в магазин и покупаешь приглянувшийся тебе пистолет, пистолет-пулемет или ружье. А затем раз в три года обязательно приходишь в тир, чтобы сдать зачет по стрельбе из купленного оружия и получить там справку-подтверждение для полиции, что ты способен и достоин продолжать владеть собственным «стволом».

Формально частное оружие должно находиться только дома у своего хозяина. Но если хозяин – профессиональный охранник, полицейский, офицер армии, инкассатор, владелец ювелирного магазинчика, то он имеет право носить пистолет с собой. Даже если ты просто хозяин мелкой лавки и сидишь за ее кассой, то можешь держать свой пистолет при себе, принося его на работу. А еще есть поголовное мужское ополчение в поселках, расположенных на спорных территориях. Там все мужчи-

ны имеют пистолеты, с которыми ходят везде и всегда, а дома хранят винтовки и автоматы, которые выдаются им армией в обязательном порядке на случай массового нападения боевиков.

А еще в Израиле есть такие формирования, которые в нашей стране можно было бы назвать «народными дружинами», но слишком уж велики отличия! Состоят в таких «дружинах» только местные мужчины, в особенности недавно прибывшие репатрианты из других стран. Раз в две недели они приходят в полицейский участок, часто со своим личным пистолетом. Там «дружинника» переодевают в полицейскую форму, выдают рацию, армейский карабин, автомобиль, придают такого же напарника-добровольца, и они патрулируют, как обычные полицейские, с теми же правами, только значки у них другого образца. Таких полицейских-добровольцев в Израиле во много раз больше, чем профессионалов! А льгот они практически никаких не имеют, разве что в форме их бесплатно пускают в музеи и зоопарки, а без формы, по удостоверению — за полцены. Мой же приятель пошел в такие добровольцы потому, что, переехав в Израиль с Украины, не подлежал по возрасту призыву в армию, но, пробыв год полицейским добровольцем, получил право на покупку оружия и приобрел чешский пистолет марки «Чизет».

Еще раз вернусь к вопросу о солдатах-отпускниках с личным оружием. Их наличие в Израиле — это элемент политики внутренней безопасности страны, который заключается в том, чтобы везде иметь сильную концентрацию вооруженных подготовленных людей на случай террористических атак. Лет пятнадцать назад в Израиле произошел случай, о котором там не любят вспоминать... Это можно назвать тамошним «Буденновском». Прямо в столицу, город Тель-Авив, с моря подкралась и высадилась большая группа вооруженных фанатиков-террористов, которые стали расстреливать людей на улицах, но мгновенно получили огневой ответ от всех, кто имел при себе оружие. Несколько бандитов были сразу уничтожены, не успев даже выстрелить. Остальные, отстреливаясь от солдат-отпускников, полицейских, дружинников, частных охранников и просто людей с пистолетами, засели в ближайшем здании, которое оказалось отелем. Оттуда они попытались вести снайперский огонь из окон, но вооруженные граждане уже сумели сорганизоваться, обложили отель со всех сторон и немедленно отвечали огнем на каждый выстрел террористов. Когда прибыли штурмовые группы, их командиры, видя, что бандиты прочно блокированы в здании, посчитали, что они деморализованы. Поэтому было принято решение начать штурм с ходу, без подготовки. Так и поступили. Террористов уничтожили, но в отеле оказалось много служащих и постояльцев, которых бандиты безжалостно убивали во время боя. Потери среди заложников оказались неоправданно высокими... С тех пор противники Израиля больше не пытались действовать на его территории большими группами, посылая только смертников-одиночек, большая часть которых тоже погибает, не успев совершить теракты.

Лично я люблю оружие и думаю, что в этом меня поддержат многие мужчины. Поэтому и обратился к своим израильским друзьям с просьбой найти возможность, чтобы я смог поближе ознакомиться с тамошними образцами. Друзья постарались и выполнили мое пожелание, я бы сказал, на двести процентов!

Сначала тот человек, в доме которого я прожил большую часть времени своего пребывания в Израиле, показал мне свою коллекцию ножей и кинжалов, которую приобрел на разных «блошиных рынках» Тель-Авива и Иерусалима. В этой коллекции были арабские парадные кинжалы и бедуинские ножи, финские кинжалы «пукка», которые у нас называются просто финками и замечательно приспособлены для метания. А еще имелись малайские крисы и непальский нож-тесак солдата гуркха. С такими тесаками до сих пор уходят на службу по контракту в английскую армию непальские горцы гуркхи. Части непальцев считаются ударными у англичан, их используют в самых тяжелых и опасных боях. Когда гуркх погибает, солдаты англичане часто берут его национальный нож в качестве талисмана.

В один прекрасный день два выходца с Украины: Юрий, полицейский-доброволец, и его приятель Сергей, который когда-то служил в Советской Армии в Хабаровском крае, посадили меня в автомобиль и доставили в обычный израильский частный тир в подвальном помещении жилой многоэтажки. Сергей захватил свою видеокамеру, и мы снимали на нее все, чем занимались в этом тире. Прежде всего, мы его осмотрели. Там имелся крошечный бар, в котором можно было заказать чай или кофе со сладостями и бутербродами. Имелся также магазинчик, на его витринах лежали бинокли, полицейские дубинки, различные ножи и кинжалы, оптические прицелы и тому подобные вещи. Далее находилась стойка, за которой служащий тира выдавал посетителям оружие, патроны, защитные очки и наушники. Но сначала посетитель должен был предъявить удостоверение личности, и его данные заносились в журнал. Тут же, наряду с платой за пользование оружием и боеприпасами, оплачивалась страховка от несчастного случая на время нахождения в тире. После этого в сопровождении инструктора стрелки проходили в стрельбищный зал, который находился за стенкой из прозрачного бронепластика.

Надо отметить, что иностранным гражданам не позволено посещать такие тиры. Меня пустили только потому, что хозяин тира — старый друг Юрия, поэтому все было сугубо «по блату». Стойка, у которой выдавали оружие и патроны, представляла собой большую витрину из пуленепробиваемого стекла, а под ним были разложены пистолеты, пистолеты-пулеметы и револьверы на любой вкус, разного калибра и размера. Там имелись как израильские пистолеты «Иерихон», так и американские кольты, смиты и вессоны, глоки, итальянские беретты, английские браунинги, короткоствольные бульдоги, длинноствольные магнумы под патроны пулеметного калибра! Лежали пистолеты-пулеметы «скорпион» и «ингрэм», которые так любят показывать в американских кинобоевиках. Были еще чешские и болгарские образцы, это оружие самое дешевое как в магазинах, так и в тирах.

Мы выбрали пистолеты «Иерихон»,

получили патроны к нему, защитные очки и наушники. Инструктор провел нас в зал для стрельбы, поставил против мишеней. Юрий и Сергей были здесь постоянными посетителями, поэтому отстрелялись быстро, метко и кучно. А вот мне пришлось немного трудно. Пистолет был для меня непривычно тяжел, к тому же инструктор строго требовал, чтобы при стрельбе я держал его двумя руками, как это делают в Америке. В Советской Армии, где я проходил когда-то службу, стреляют с одной руки. Но, послав пуль пять в «молоко», я все-таки освоился и остальные семь положил вполне сносно на мишень, лист которой мне потом подарили.

А вот затем началось самое интересное! По специальному указанию хозяина инструктор провел нас в комнату при складе и показал совсем уже сокровенные вещи... Оказалось, что основные доходы такие частные тиры получают в Израиле за счет того, что к офицерам армии и полиции здесь предъявляются очень суровые требования по меткости стрельбы из личного оружия. Регулярно проводятся проверки, и если офицер или контрактник не укладывается в нормативы, то его тут же лишают ощутимой части зарплаты до следующей проверки, а могут и в должности понизить. А бесплатных патронов для тренировок выдают недостаточно, как и во всех армиях мира. Вот и ходят в личное время за собственные деньги офицеры и контрактники в гражданские тиры, чтобы поддерживать стрелковые навыки, благо личные пистолеты и винтовки у них всегда с собой. Рядом с нами, например, тренировались два уоррен-офицера, по-нашему — старшие прапорщики. Один из них, выходец из Санкт-Петербурга, и рассказал мне, почему они здесь стреляют.

В комнате при складе инструктор показал нам абсолютно эксклюзивные образцы. Оказалось, что иногда тир закрывается на «спецобслуживание»! Туда приходят группами офицеры частей специального назначения. Для их тренировок в арсенале тира мы увидели пистолет-пулемет микро «Узи» с глушителем и прицелом-коллиматором, наши российские «калашниковы» самой последней модели, но уже с израильскими прицелами и складными пулеметными ножками на конце ствола. А еще показали новейший израильский автомат «Тавор». Он очень легок, почти весь сделан из композита, компоновка «буллпап». На «Таворе» установлен новейший коллиматорный прицел, через который видно мишень при любом освещении и в полной темноте, его лазерный дальномер показывает расстояние до цели и очень точно ловит ее. Такой автомат надо осваивать почти как компьютер, но если уж освоил, то противнику точно не поздоровится.

К вышесказанному добавлю, что для туристов и экскурсантов в Израиле почти в каждом городе есть свободный доступ к частным, хорошо оборудованным стрельбищам, где за умеренную плату можно пострелять из различных ружей и автоматов. Я был и стрелял на таком стрельбище в городе Ашдод, его еще называют столицей «русского» Израиля. Там мне предложили на выбор охотничьи и помповые ружья, автоматы «Узи», винтовки М-16, в том числе последних модификаций, кольтовскую укороченную и навороченную винтовку М-6 с раздвигающимся прикладом. Мне она не очень понравилась, слишком сложная в освоении и капризная в эксплуатации. Особенно удивило наличие раритетных образцов, таких как карабин М-1, с ним американцы вроде еще против Гитлера воевали... А также немецкая снайперская винтовка «Штайер», тоже чуть ли не со сталинградских времен! Из этих раритетов пострелять было весьма недешево, поэтому я выбрал новейший израильский укороченный автомат «Галил».

Интересна история этого автомата. В войне 1973 года израильская армия захватила у Египта огромное количество новеньких советских автоматов Калашникова. Израильские инженеры их тщательно изучили и восхитились простотой и надежностью. Поэтому было решено создать нечто похожее. Такой автомат сделали и назвали «Галил». Но была допущена одна принципиальная ошибка. «Калаш» обычно чистят при минимальной разборке. А у израильтян принято, как и у американцев, чистить при разборке максимальной. В этом случае на «Галиле» приходилось снимать и деталь с прицельной рамкой, затем каждый раз по новой пристреливать его. А это неприемлемо в боевой обстановке. Поэтому первый образец достаточно быстро сняли с вооружения, хотя он был очень практичен как личное оружие танковых экипажей из-за своей неприхотливости и выносливости. Недавно «Галил» доработали и снова приняли на вооружение. Вот такой автомат я и выбрал, чтобы пострелять. Патроны к нему те же, что и к М-16. Прицельная рамка с круглой прорезью, как у мелкашки. В рожке тридцать патронов, но мне заправили пятнадцать. Первые три пули я послал в «молоко», пока не привык... Стрелял с дистанции 30 м в мишень-силуэт солдата в полный рост, с квадратом на груди, в который надо было целиться. Постепенно мои пули легли возле и в середине квадрата, а под конец я уже ловил в прицел голову. Когда подошли к мишени, инструктор отметил как попадания девять отверстий. Но в голове мишени было еще три, причем очень кучно! Однако инструктор — бывший сержант-спецназовец заявил, что это идет как промах. Потому что я в голову целил специально, а это в реальном бою приводит чаще всего к промахам и большой трате боеприпасов. Вот есть квадрат, в него и целься, нечего выпендриваться...

В заключение я хотел бы выразить свое сожаление, что у нас в России какое-то странное отношение к возможности иметь в личном пользовании граждан нормальное оружие, хотя бы пистолеты. Я тоже резко против бесконтрольного приобретения оружия, которое практикуется в США. Но почему нельзя сделать так, как в Израиле, Германии или во Франции? В Швейцарии армейские винтовки и автоматы вообще имеются в каждом доме, они выдаются в армии резервистам практически до самого преклонного возраста, с ними они должны являться на учебные сборы и по мобилизации. Более того, если швейцарец видит на улице нападение, угрожающее чьему-то здоровью или жизни, то он имеет право сразу открывать огонь. Вот поэтому и страна тишайшая... Короче говоря, возможность иметь настоящее боевое оружие для защиты своего дома и личного достоинства просто обязана быть привилегией и выгодой совершеннолетнего, законопослушного, психически здорового гражданина любой свободной страны!

МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПЕРЕКЛАДНЫХ

Михаил СЛИНКИН

В жизни каждого офицера, которого служба изрядно помотала по разным местам, есть немало незабываемых моментов. Жаль только, что не каждый находит время, возможности и желание о них рассказать. Много интересного так и остается неизвестным. Зато у Михаила Слинкина, нашего старого доброго автора, это получается хорошо – постоянные читатели журнала должны помнить его имя по увлекательным материалам о службе в Афганистане, где он, как и его отец (он тоже нам писал), служил в качестве военного переводчика. Впрочем, если представить себе, как много Михаилу довелось поскитаться по разным краям, нет ничего удивительного в том, что у него еще есть вдохновение, и надеемся, его надолго хватит, чего ему от всей души и пожелаем. А сегодня мы представляем читателю его воспоминания о морском походе, которые, на наш взгляд, изложены столь же непринужденно и интересно.

ВЫХОД ИЗ «БАМУТСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА»

В начале 1984 года я служил хотя и во флотской части, но на берегу. Более того, за сотни километров от ближайшего моря – в северных предгорьях Кавказа, где наш гарнизон и его окрестности величали по названию ближайшего чеченского села «бамутским треугольником», сродни созвучному Бермудскому, пожалуй, только по дурной славе, ходившей о нем. Прервать монотонную череду будней в забытом богом, но отнюдь не дотошными начальниками отдаленном гарнизоне, помимо ежегодного отпуска, могла лишь длительная командировка на корабли, решавшие задачи боевой службы. Когда такие походы еще только планировались, от желающих участвовать в них уже не было отбоя, а назначение в группу, убывающую в море, воспринималось как самое желанное поощрение. В 1984 году подошла и моя очередь быть отмеченным командованием поощрительной командировкой в Индийский океан.

Состав нашей группы определили в десять человек: два офицера и восемь матросов. Старшим назначили Андрея К., такого же младшего офицера, как и я, но из другой части гарнизона. С ним мы и отбирали необходимых специалистов, готовили аппаратуру, проходили всяческие комиссии.

В начале марта прибыли в Севастополь. Сдав на хранение упакованную в девять ящиков аппаратуру, пристроив на временное довольствие наших матросов, направились к начальникам получать ценные указания. Получили: «В Индийский океан идете на эсминце проекта 56-А, корабль стоит в Севастопольской бухте на бочке, посадка завтра баркасом, быть на Минной стенке в 8.00 с документами, аппаратурой и личными вещами...»

НЕМАЯ СЦЕНА В КАЮТ-КОМПАНИИ

Недоразумения с этим эсминцем начались еще до попадания на него – несколько часов пришлось сидеть на причале в ожидании, пока нас заберут. Наконец, грузимся на катер и идем на внутренний рейд Севастопольской бухты (ходу-то всего пять минут). На эсминец поднимаемся по шаткому трапу, спущенному по правому борту, и ясно осознаем, что девять наших громоздких ящиков, каждый из которых матросы таскают вчетвером, поднять по нему нет никакой возможности. Встречающий нас старший лейтенант из радиотехнической службы корабля зовет боцмана, и указывая на загруженный баркас, спрашивает:

– Что скажешь?

– Да поднимем сейчас вместе с ящиками, а разгрузим после обеда, – отвечает боцман.

– Валяй, а я покажу гостям корабль и отведу в кают-компанию, – говорит старлей.

В кают-компании маленькая заминка – нет командира корабля и старпома. Ждем некоторое время, потом офице-

ры все же рассаживаются за столом. Садимся и мы. Минут через пять вестовые разносят первое, кто-то желает приятного аппетита, и присутствующие начинают есть. Следую их примеру, хотя и не понимаю, почему здесь дозволяются такие вольности. Еще одна странность – отчетливо ощущается работа машин, кажется, корабль дал ход, но достоверно убедиться в этом не могу, так как иллюминаторы расположены высоко и в них ничего, кроме неба, не видно. Появляется офицер в звании капитана 2 ранга и уверенно усаживается в командирское кресло во главе стола.

Еще раз кидаю взгляд на иллюминатор и с нарастающим беспокойством наблюдаю, как за ним в направлении снизу вверх сначала появляются наши зеленые ящики, затем баркас, с бортов которого стекают серебряные струйки, заметно отклоняясь в сторону кормы. Идем, значит. Неожиданно один из тросов подъемного устройства проскальзывает, мерное движение баркаса вверх приостанавливается, а сам он, скособочившись, повисает неподвижно, так и не дотянув до того положения, когда шлюпбалки можно заваливать. Вилка чуть было не выпадает у меня из руки. Если ящики ухнут в воду, наш поход закончится, так и не начавшись: без аппаратуры нам в Индийском океане делать нечего. Командир перехватывает мой оцепенелый взгляд и тоже смотрит в иллюминатор. В полной тишине на тарелку со звоном все же падает вилка – не моя, а его. Вслед за ее тонким дзиньканьем раздается оглушительный рев:

– Боцмана! Боцмана ко мне, вашу так...

Выскакиваем с Андреем из-за стола, выдавая этим, что и мы причастны к данному безобразию, и бежим на палубу. Здесь пытаются завалить шлюпбалки с криво висящим баркасом, нелицеприятно выражаясь по поводу командированных бестолочей, не предупредивших о том, что ящики тяжелые (хотя сами же их грузили). Корабль уже прошел створ мола, защищающего от волн Севастопольскую бухту. Помочь мы ничем не можем, так и стоим без вины виноватыми наблюдателями, пока боцману не удается с помощью многократно повторяющихся напоминаний матросам об их матерях и манипуляций с подъемными устройствами выровнять баркас и установить его на штатное место.

«ЗАБОТЛИВЫЙ» ШТУРМАН

Ближе к полуночи понимаем, что возвращаться в Севастополь эсминец не будет и нам надо бы где-то приклонить головы, желательно на подушки. Опекающий нас старлей, порядком утомившийся от затянувшегося общения, принимает наконец самостоятельное решение по нашему устройству на ночлег и ведет по пустынным коридорам в одну из кают.

Забираюсь на предложенную мне верхнюю койку, Андрей оккупирует нижнюю. Под мерное покачивание засыпаю сразу же.

– Вставай! – кто-то грубо теребит за плечо.

Открываю глаза и смотрю на часы: начало первого ночи.

– Что случилось? – спрашиваю.

Судно «Маршал Геловани» покидает воды, омывающие архипелаг Дахлак

– Поднимайся, это моя койка, – равнодушно говорит офицер, расстегивая на себе китель.

– А мне куда? – спрашиваю.

– А я почем знаю? – отвечает, подавляя зевоту. – Ну хорошо, сейчас отведу, – соглашается с таким видом, словно делает мне величайшее одолжение.

Вновь шагаю по каким-то коридорам. Тусклый свет корабельных светильников позволяет опознать в офицере штурмана. Другая каюта.

– Здесь, – указывает штурман на свободную койку.

Снимаю только ботинки и китель, понимая, что на корабле с такими представлениями о флотских традициях могут за ночь поднять не раз, и заваливаюсь поверх одеяла в брюках. Просыпаюсь, однако, сам, уже утром. Посреди каюты в кресле, вытянув ноги, дремлет незнакомый офицер, очевидно, хозяин койки. Встаю, надеваю китель. Офицер открывает глаза. Говорю ему:

– Ты извини! Меня ваш штурман сюда определил.

– Все ясно. Штурман у нас известный... – делает паузу, но так и не произносит, чем же известен у них штурман.

После возвращения в Севастополь по вопросам, связанным с пребыванием на корабле, общаемся со старпомом. Недолгий разговор оставляет ощущение вины уже только за то, что мы посмели здесь появиться. После представления командиру это ощущение усиливается...

Каюту нам выделили, восьмиместную. Делим ее с катерниками, которых эсминец должен доставить на архипелаг Дахлак в Красном море. Определили и помещение для работы – запасной штурманский пост размером полтора на полтора метра в одной из мачт-башен.

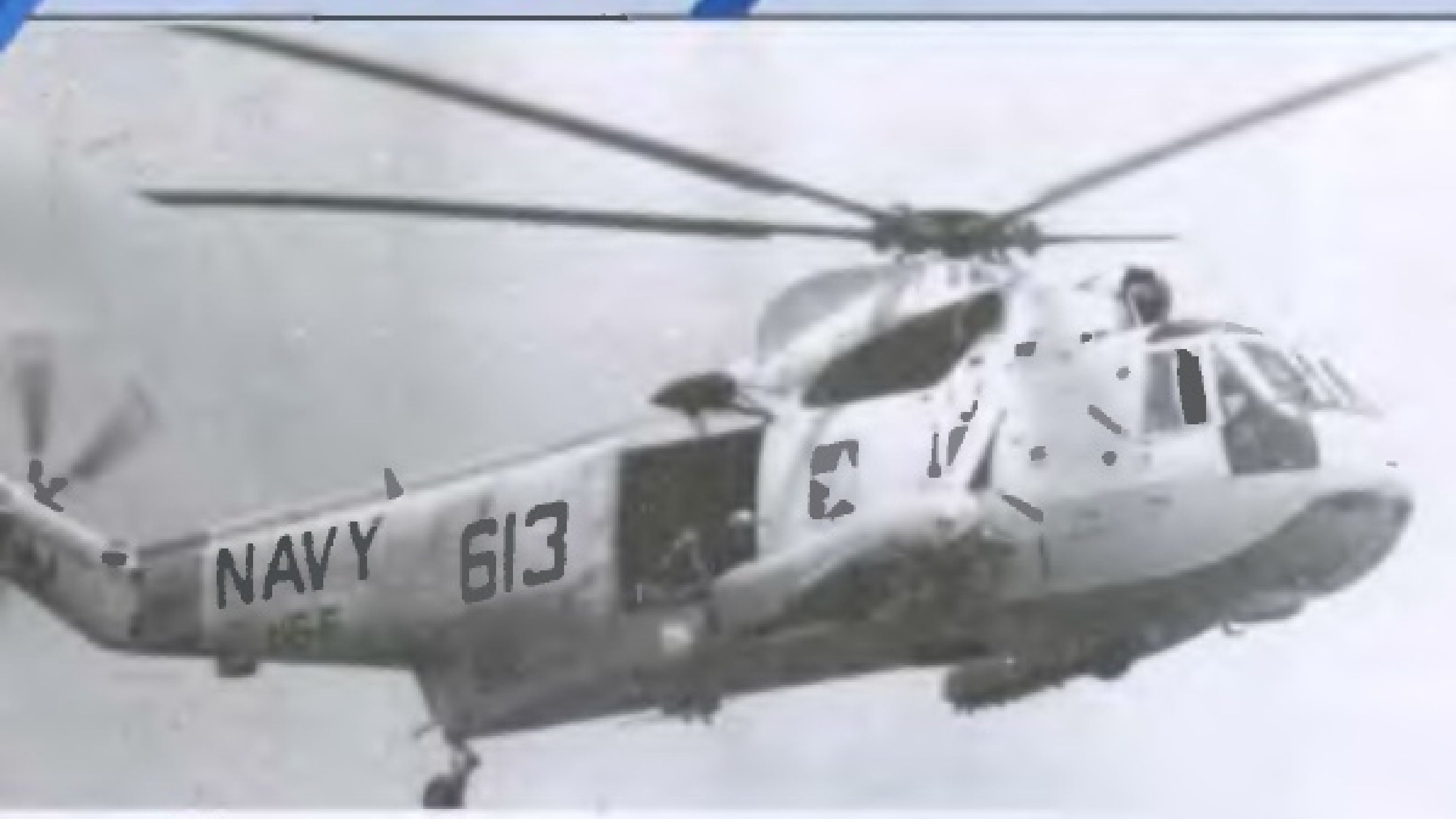
НАВИГАЦИОННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

В море убываем прозрачным мартовским утром. Менее чем через сутки мы уже у турецких берегов и с рассветом начинаем прохождение Черноморских проливов. С палубы всех гонят вниз. Оставляют только нескольких вооруженных табельным оружием офицеров: не отстреливаться от недругов, а не допустить, чтобы кто-то из своих сбежал к ним, сиганув с борта в холодную воду Босфора...

Когда втягиваемся в Дарданеллы, профессиональный интерес заставляет нас подняться в запасной штурманский пост: на азиатском берегу расположен один из пунктов базирования военно-морских сил Турции. Снимаем его, хотя воздух и недостаточно прозрачен для получения качественных снимков.

Прямо по курсу идет то ли танкер, то ли сухогруз. Вот он сместился немного влево, сейчас и мы довернем, ведь нам по пути – в Эгейское море, значит, следовать в проливе суждено друг за дружкой, караваном. Но почему-то никто не спешит перекладывать руль лево на борт. Нас, по большому счету, это не волнует: в ходовой рубке достаточно ответственных лиц, чья специальность – судовождение.

Из-за этой-то убежденности все, что происходит потом, скорее удивляет нас, чем пугает: несущий полный боезапас корабль вдруг начинает скакать как строптивая лошадка, взбрыкивая

Вертолет «Сикинг» с американского авианосца ведет фотосъемку советского корабля

кормой. Корпус трясет все ощутимее, и ход резко замедляется. Ухватившись, чтобы не упасть, за ограждение мостика, оборачиваемся с Андреем назад: за кормой кильватерный след не привычного белого цвета, а желто-бурый от перемолотого винтами грунта. Через несколько секунд тряска немного уменьшается, видимо, машины застопорили, корабль двигается вперед только по инерции, заметно отклоняя нос влево, в сторону центра пролива — это рулевой, похоже, все же переложил руль. Завороженно смотрим на догоняющую нас сопутную волну. Вот она приподнимает корму, в этот момент винты вновь начинают вращаться, и корабль медленно уходит с мелководья туда, где под килем есть желанные семь футов. Только сейчас замечаем, что с правого борта берег совсем близко, рукой подать, отчетливо различается даже жиденькая весенняя травка вперемешку с клочьями сухой, прошлогодней.

Молчим, ощущая только одно чувство — стыд. Как же так, при отличной видимости в проливе, где плавание в навигационном отношении не представляет опасностей, чуть не налетели на берег, пропахали винтами дно и выбрались с мелководья лишь случайно, благодаря сопутной волне.

Даже во внутренних помещениях чувствуется, что корабль двигается както странно — корму мерно подкидывает. В Эгейском море становимся на якорь. Спускают водолаза. После его доклада командиру на корабле перестают улыбаться: винты повреждены, надо возвращаться в Севастополь. Но стоять нам в этой точке до тех пор, пока с турецкими властями не будут согласованы формальности по обратному прохождению Черноморских проливов.

Маемся без дела. Ранней весной Эгейское море погодой не радует. Из серой мглы время от времени появляются не очень-то ладящие между собой союзники по НАТО: то подойдет убедиться в том, что мы все еще болтаемся на якоре, греческий фрегат под сине-белым полосатым флагом, то явятся поглядеть на нас турки на эсминце под красным с белым полумесяцем и звездой полотнищем.

Через две недели вынужденного стояния в северной части Эгейского моря начинаем прохождение проливов в обратном направлении. Чем ближе Севастополь, тем мрачнее становятся корабельные офицеры. То, что головы полетят, ясно всем, но по кому еще, кроме явных «фаворитов» — командира и штурмана, пройдется карающим мечом командование флота — это вопрос открытый.

Встречали эсминец, понятное дело, без оркестра...

НАКОНЕЦ МЫ НА «ПРАВИЛЬНОМ» КОРАБЛЕ...

4 мая, когда эсминец был отремонтирован, повторно выходим в море на нем же, но уже с новым командиром. Нет на борту и прежнего штурмана. Обстановка в кают-компании, да и на корабле в целом, совершенно иная. Шумят и выражаются временами только боцман, должность у него такая, да старпом, отношения с которым как не заладились с самого начала, так и продолжают оставаться весьма прохладными. Черноморские проливы пробегаем без происшествий, не говоря уже о практически лишенном навигационных опасностей Эгейском море.

В Средиземном море получаем указание пересесть на гидрографическое судно «Маршал Геловани» и на нем следовать в Индийский океан. Наученные горьким опытом, морально готовы к трудным переговорам по вопросам размещения. Но ничего подобного не происходит. Старпом вежливо предлагает места в каютах, а потом еще и интересуется, устраивают ли они нас. Конечно, устраивают, и главным образом не потому, что условия весьма приличные, все с иголочки, новое, а потому, что отношение к нам не как к варягам и нахлебникам, а как к своим, флотским, не из праздного любопытства следующим в Индийский океан.

Вечером, покуривая на юте, запросто общаемся со старпомом. Узнаем, что гидрограф, построенный на польской верфи, совершает переход к месту базирования на Дальний Восток. Пока нам по пути.

На следующий день за мной посылает командир. Иду к нему в каюту в сопровождении мичмана, гадая, за что такая честь. Все объясняется просто: старпому я сболтнул о том, что образование у меня филологическое, тот и предложил командиру кандидата для ведения переговоров со службами Порт-Саида и арабскими лоцманами при прохождении Суэцкого канала.

Командир интересуется, какими языками владею. Отвечаю:

— Персидским и дари.

— А как с английским?

— С этим у меня нелады, — признаюсь честно, чем озадачиваю командира, решившего было, что вопрос с переводчиком уже благополучно разрешился.

— Жаль... — Командир задумывается и, помедлив минуту, говорит: — Но, кроме вас, на корабле никто, даже мало-мальски, английского не знает. Что делать?

— Меня привлекать, — киваю утвердительно и загодя оговариваю свои права. — Только за огрехи не обессудьте, с этим языком никогда не работал.

— Да кто ж вас судить-то будет, — радостно соглашается командир, — не мы — точно, никто ни бельмеса в английском не смыслит, а арабы... арабы пусть лучше русский учат, а то подзабыли с тех пор, как Насера не стало!

Иду в каюту, лезу в чемодан. Чего только в нем нет. Книг, справочников и словарей я набрал с избытком, благо не самолетом летим, за лишний вес никто не спросит. Отыскиваю англо-русский военно-морской разговорник и начинаю штудировать самое необходимое для радиопереговоров с Порт-Саидом.

«ВОТ ТЕБЕ, КАМАРАДО, ФИР БОМБИНО!»

Прохождение Суэцкого канала началось вечером 9 мая. До этого некоторое время дожидались лоцмана на внешнем рейде, а потом с его помощью зашли в акваторию порта.

Бесцеремонность, с которой ведут себя египтяне, просто поразительная. Не просят, а требуют презенты — шоколад, сливочное масло, сыр, консервы, водку, вино и сигареты. Встретив непонимание, обижаются, проявляя при этом немалые актерские способности, и используют нехитрые приемы шантажа: угрожают покинуть судно, протестуют против «неудовлетворительных

условий размешения», «плохого питания» и цепляются за любой предлог для скандала. Объяснить все это только особенностями южного темперамента и крайней бедностью населения невозможно. Есть, видимо, и какая-то своя, корпоративная склонность к попрошайничеству у сотрудников компании Суэцкого канала.

Кроме тех, кто действительно должен присутствовать на судне для его подготовки к прохождению канала, на борт нагло лезут всякие темные личности, тоже за дармовщинкой, просят и готовы брать все – канаты, брезент и любое железо, не говоря уже о качественных советских продуктах и, надо признать, не столь уж хороших табачных изделиях. Боремся с ними как можем, отлавливаем и выдворяем на катера и лодки, на которых они подходят к борту. Но некоторые прорываются даже на мостик. Один из них, весьма упитанный и с виду отнюдь не бедствующий то ли полицейский, то ли охранник, с классическим армейским «Кольтом M1911» в открытой кобуре, вальяжно поднимается в ходовую рубку и, дергая командира за рукав, напоминает о презенте. Командир, беседующий в это время с одним из офицеров, оборачивается и, чтобы отвязаться от очередного назойливого просителя, достает из кармана заранее приготовленную шоколадку, подает ему и пытается продолжить прерванный разговор. Египтянин недоволен, надувается как пузырь и обиженно на немыслимой смеси английского, немецкого и итальянского объявляет, что он заботливый отец четверых детей:

– Кэп! Фир бомбино.

Лицо командира, прежде державшегося весьма выдержанно, багровеет, по-видимому, достали окончательно. Он медленно поворачивается и зловеще переспрашивает, не прибегая к услугам переводчика:

– Фир бомбино?!

– Ес, ес, – утвердительно кивает египтянин, одной рукой демонстрируя шоколадку и растопыривая при этом четыре пальца на другой руке.

Командир забирает шоколадку и, положив ее на ладонь левой руки, ребром правой энергично рубит сначала вдоль, потом поперек на четыре условные части и отдает многодетному просителю:

– Вот тебе, камарадо, фир бомбино!!!

Командира можно понять. До этого эпизода мы с ним битый час терпеливо объясняли какому-то чиновнику в гражданском костюме, державшемуся с военной выправкой и потому больше походившему на представителя какой-то из спецслужб, что корабль наш хотя и называется гидрографическим судном, но ходит-то под флагом вспомогательного флота ВМФ великой державы – СССР, а потому досмотру не подлежит. К нашему удивлению, он отказался даже от богатых презентов, предлагая которые, мы пытались отвязаться от него, косвенно подтвердив этим, что к попрошайкам компании Суэцкого канала он никакого отношения не имеет. Уж очень хотелось этому хлыщу добиться нашего согласия на досмотр. На его бесконечные и нудные экивоки на то, что судно окрашено в белый цвет, команда гражданская, на борту есть даже женщины, а вооружения нет, поэтому он имеет право осмотреть его, мы так же нудно объясняли, что командование корабля представлено военно-морскими офицерами, судно вспомогательное, а не боевое и потому не нуждается в шаровой окраске бортов и надстроек, а установочные места для корабельной артиллерии на военное время предусмотрены. Последнее его заинтересовало. Показали барбеты для орудий, наотрез отказав в возможности осматривать что-либо еще, и наконец-то отправили его восвояси.

Еще одна головная боль – прожектористы. Укрепили на носу судна свое ночное светило и, не поблагодарив даже за предложенную еду, ведут себя на борту как дома: достали кальян, набили его какой-то дрянью, явно не обычным фруктовым табаком, сделали по очереди несколько затяжек, после чего глаза у всех остекленели, и начали веселиться, похохатывая неизвестно над чем.

УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОГО

Наконец, занимаем свое место в караване и начинаем движение. Слава богу, непрошеные гости больше на судно не лезут. Лоцманы время от времени меняются, каждому из них отведен свой участок.

...Третий по счету лоцман поднимается на борт ночью. Пристально осматривает предназначенную ему каюту и для начала (подчеркивая «для начала») требует вареных яиц, сыру и кофе, а также водки или, на худой конец, шампанского. Разговаривая с ним, явственно ощущаю запах перегара. Говорю об этом командиру. Тот дает указание обеспечить лоцмана всем необходимым, исключив спиртное. Обнаружив отсутствие оного, лоцман тут же закатывает скандал по поводу предоставленной каюты, которая сначала ему даже очень понравилась. Кричит, что он командовал подводной лодкой, имеет звание капитана, а его отец – бывший командующий ВМС Египта, и потому он, лоцман то есть, должен размещаться в каюте офицерского состава!

Но не на того напал. Командир хорошо представляет, что будет с лоцманом, если он еще «добавит» и как после этого будет вести корабль... Уже обретенный опыт общения с сотрудниками канала научил командира тому, что жесткие решения воспринимаются ими в конце концов с пониманием, а любые сюсюканья ни к чему доброму не приводят. Он решает так: пусть лоцман отдыхает в первой предложенной каюте, офицерской, кстати, и только утром, при условии надлежащего выполнения своей миссии, получит стакан водки, закуску к ней и полкило высоко ценящегося у местного населения советского сливочного масла в качестве презента. Так оно все впоследствии и было.

Проходим Суэцкий канал

О ВОСТОК, НЕТ СЛОВ...

10 мая в 17.30 завершаем прохождение канала и выходим в Суэцкий залив. Он неожиданно встречает относительной прохладой. Но свежо только в тени. Сочетание не из приятных: то подсушиваешься, то обливаешься потом на солнце. Город Суэц, вытянувшийся вдоль побережья залива, издалека впечатления не производит – белые домишки в несколько этажей, набережная с игрушечными машинками, кое-где пальмы и минареты. Но на горизонте великолепные горы. Сожалею о том, что нет с собой

цветных фотопленок. В целом доминируют два цвета — ярко-голубой и насыщенно-желтый. Впрочем, сами горы коричневые с голубым отливом.

Ночью, покуривая на юте, наблюдаем для большинства невиданную прежде картину. Вокруг расстилаются совершенно черные воды под куполом такого же черного звездного неба, как будто взятого из иллюстрации к «Тысяче и одной ночи». Лишь мерцающий горизонт окрашен в теплые закатные тона разлившимися по нему красными и желтыми огнями — сжигают газ на нефтепромыслах, его запах временами тяжело наваливается на судно. Вот он, Ближний Восток, — древний и молодой...

Красное море прошли быстро, даже не успели в полной мере насладиться великолепными бытовыми условиями на судне — кондиционированный воздух во всех помещениях, ковровые покрытия в каютах, в любое время душ, сауна, свежие постельные принадлежности и пледы, не говоря уже о прекрасном питании. На стол с четырьмя столовыми приборами первое подается в фаянсовой супнице, второе разносят официантки. Еще бы недельку такого шика! Но «Маршалу Геловани» надо двигаться дальше, на Дальний Восток, наша цель тоже Восток, но Средний. Поэтому 14 мая в южной части Красного моря с сожалением покидаем это гостеприимное судно.

В «ПЛЕНУ» У ОСТРОВА ЦИКЛОПОВ

Пересадка прошла на редкость спокойно, без каких-либо осложнений, чему способствовала и погода — ни ветерка, море гладкое, как зеркало. На горизонте Африка. Остров архипелага Дахлак, к которому шли на буксире, тоже выглядит совершенно по-африкански: низкое каменное плато покрыто редкой растительностью, главным образом деревьями. Они напоминают грибы на тонкой коричневой ножке, у которых грязно-зеленые шляпки-кроны вытянуты по горизонтали. Береговая линия сильно изрезана, торчат камни. Море буквально кишит рыбой. Под невысокими каменными береговыми отвесами вода временами закипает от гуляющих косяков. Вдали от берега охотятся тунцы, высоко выпрыгивая из воды. А у пирса, к которому причалил наш буксир, стайками ходят полосатые рыбки величиной с ладонь.

Пересели на стоящую у причала плавбазу подводных лодок. Днем солнце поднимается высоко и стоит почти прямо над головой. Найти тень на палубе невозможно. Воздух влажен, тело постоянно липкое от пота, ветер не освежает. Температура воздуха не опускается ниже тридцати градусов даже ночью. А ведь это только май, самая жара еще впереди.

Вынужденное сидение на архипелаге Дахлак продолжается две недели. 31 мая наконец-то двинулись на восток. На четвертый день пути прошли Баб-эль-Мандебский пролив в обрамлении гористых островов, треугольники которых напоминают зубы акулы, и вышли в Аденский залив. Море спокойное, но даже в покатой волне чувствуется океанская мощь. Из-под форштевня корабля выпрыгивают поодиночке и стайками летучие рыбы, и летя над водой, преодолевают значительные расстояния. Не видя взлета и приводнения, вполне можно принять их за маленьких птичек.

В ночь на 4 июня закачало. К утру ветер еще более усилился, и боковая волна начала крепко валять плавбазу. В полдень волны гуляли и по палубе. Некоторым офицерам, собравшимся на обед раньше других, пришлось испытать все прелести неожиданного соленого душа из иллюминаторов кают-компании — кто-то забыл их вовремя задраить.

К вечеру качка пошла на убыль. Вышел на палубу и сразу же уяснил причину — подошли к острову Сокотра, укрывшись за ним от ветра и волн. Остров гористый, на склонах и вершинах торчат каменные «пальцы». У побережья бухты, в которой бросили якорь, приютилась деревушка, рядом с ней — пальмовая роща. Приглядевшись, обнаружил необычное для меня явление — песчаные дюны на каменных склонах. Пейзаж сказочный. Припоминаю, что согласно древним преданиям Сокотра — остров циклопов.

Снова возникает вопрос: сколько времени нам стоять здесь и когда будет «попутный» корабль, который доставит нас в район выполнения задачи? А пока — как в плену: сидение на месте, беспощадная жара и вынужденное безделье.

АВИАНОСЕЦ-«НЕВИДИМКА»

Наконец, 2 августа, на девяностый день пребывания в море, очередной раз пересели на другой корабль. Готовимся к переходу в северном направлении.

Каюта, в которой обитаю, завалена пачками простыней, наволочек и жестяными банками с сухарями. Волнует гора постельного белья под подволок, как бы не развалилась при качке. Но есть койка и стол — это главное, жить и работать можно.

7 августа в 20.00 снялись с якоря и потянулись на север. Прогноз погоды неутешительный — по району перехода волнение моря семь баллов. Кораблик наш имеет водоизмещение всего 1.200 тонн, но качает его пока плавно, хотя с достаточно большой амплитудой. Пока мы еще недалеко от острова, но чем дальше в океан, тем сильнее будет качка.

Временами слушаю местные новости. В Пакистане проливные дожди, уничтожены посевы, нарушен график полетов на международных авиалиниях через Карачи, самолеты садятся в Лахоре и Равалпинди. Сейчас эта непогода рядом, она и нам может доставить неприятности... На ирано-иракском фронте без перемен... В Красном море выставлено 152 мины, на которых подрываются торговые суда. Египетское руководство обратилось за помощью в разминировании к США, Великобритании и Франции. В район уже направлены американские вертолеты-тральщики, а у входа в акваторию Красного моря находятся три французских корабля. Правительство Египта призывает не преуменьшать опасность и обеспечить безопасность на маршрутах судоходства, пролегающих через Суэцкий канал. Постановка мин увязывается с ирано-иракской войной и особенно с нападениями на танкеры в Персидском заливе. Не это ли необходимый предлог и приглашение к вмешательству в ирано-иракский конфликт Соединенным Штатам? Американцы уже грозят расстреливать все суда, приближающиеся к их кораблям в северо-западной части Индийского океана ближе чем на пять миль.

Несколько раз облетали визитеры с американского авианосца, который болтается где-то вблизи основного маршрута судоходства в Аравийском море. Наш интерес к нему не праздный, однако мы его еще не обнаружили, а он о нас уже знает...

13 августа мы уже в Оманском заливе, жмемся к его южному побережью, поэтому работы все еще немного — нам бы лучше продвинуться северо-западнее. Успеваю даже читать. Погода кардинально изменилась. Море спокойное, ветра нет, жарко, влажность очень высокая. С заходом солнца корабль мокрый, как после дождя: на металле и даже на дереве конденсируется влага. Много летучих рыбок, за которыми охотятся кальмары. Стаями ходит макрель. Наши рыбаки забрасывают лесу, пытаясь добыть ее, но бесполезно. Появились морские змеи — пестрые ленты длиной более полуметра. Они, как поговаривают, в 8–10 раз ядовитее своих сухопутных сестер, но для человека якобы не опасны, так как пасть у них маленькая.

15 августа двинулись на северо-запад залива. Наконец-то есть возможность решать поставленные на поход задачи. Работаем.

БУТЫЛКА ОДИНОЧЕСТВА НА ДВОИХ

В субботу, 18 августа, собрались после бани. Есть такая традиция на этом корабле – в просторной каюте доктора выпить по рюмке и пообщаться офицерской компанией за сигареткой-другой на сон грядущий. Нежданно-негаданно заходит командир, наслышанный конечно же о субботних посиделках, но ранее никогда не тревоживший доктора и иже с ним в это время.

Встаем, приветствуя старшего. Командир жестом разрешает сесть, но сам остается стоять, обводит всех взглядом, останавливает его на мне и кивает: «Пойдем!» Пока поднимаемся к нему в каюту, гадаю, в чем причина приглашения на высочайшую аудиенцию. Скорее всего в том, что я в общем-то чужой на корабле, одним словом – прикомандированный, сегодня здесь, завтра там. А удел командира в автономном плавании – одиночество. Абсолютная полнота власти зачастую проводит некую грань между обладающим ею офицером – единоначальником и командой, что становится препятствием для общения, сводя все к простеньким схемам: приказал – исполнили, сказал – согласились.

В каюте командир указывает на диван, а сам молча лезет в рундук и выставляет на стол бутылку сухого венгерского вина. Достает два высоких стакана и разливает. Берет стакан, чокается со мной и выпивает его до дна. Следую примеру старшего. Командир предлагает сыграть в шахматы, и не дожидаясь моего согласия, кричит как будто бы в никуда:

– Шахматы!

Тут же появляется вестовой с шахматной доской под мышкой, раскладывает ее на столе и расставляет фигуры. Недальновидно выигрываю белыми первую партию. Вторую партию тактично свожу вничью, потом опять, поддавшись азарту, выигрываю. Играем с переменным успехом до тех пор, пока командир, честно выиграв три партии подряд, не предлагает:

– Выйдем на мостик!

Черная душная ночь сразу же влажно обволакивает тело, отдохнувшее от духоты в кондиционированном помещении. Невдалеке видны огни какого-то судна, лежащего в дрейфе. Командир подзывает вахтенного офицера:

– Идем на огни.

– Есть!

МЫ К НИМ СО ВСЕЙ ДУШОЙ, А ОНИ К НАМ – КОРМОЙ!

Подходим к судну. Это танкер с освещенной, словно новогодняя елка, кормой, и судя по выведенному на ней порту приписки – западногерманский.

– Ближе! – дает указание командир.

У вахтенного в глазах испуг – куда еще ближе, и так расстояние меньше кабельтова. И без бинокля хорошо видно, что на корме танкера выстроились вдоль лееров десятка полтора чистеньких немцев в шортах, светлых рубашечках и белых гольфиках. Все с удочками, видно, решили немного расслабиться после выхода из Персидского залива. Там было не до развлечений: в любой момент можно было либо напороться на мину, либо получить в борт ракету с иракского штурмовика или иранского катера.

– Шпрехен зе дойч? – пытается по громкой связи завязать разговор так и не утоливший жажды общения командир.

В ответ тишина.

– Чего это они не шпрехают, языки проглотили? – искренне удивляется вахтенный.

На корме танкера некоторые рыбаки предусмотрительно сматывают лесу, а на мостике включается прожектор и начинает лихорадочно шарить по нашему борту. Но выведенные на нем две заглавные буквы ГС с цифрой через дефис ничего не говорят любопытствующим немцам. Прожектор методично исследует мачты в поисках флага. Но его нет. Нет, конечно, только в понимании педантичных немцев. Вместо развевающегося на ветру полотнища, быстро приходящего в непригодное состояние и требующего частой замены, наш экономный боцман изобрел вечный флаг. На мачте болтается небольшой жестяной прямоугольничек с выведенным на обеих сторонах масляной краской флагом вспомогательного флота. Разобрать на фиолетовом поле маленький бело-голубой с красными звездой, серпом и молотом флаг ВМФ СССР и днем-то трудно – краски давно выцвели под тропическим солнцем.

Беспокоят немцев и наши загоревшие до черноты моряки, высыпавшие на палубу, сменившись с вахты. По причине жаркого климата им разрешено нести ее на постах, раздевшись до трусов и босиком. После того, как по толпе полуголых матросов, тела которых «украшают» выполненные в традиционном морском стиле татуировки, прохаживается луч прожектора, оказывается, что немцы все же шпрехают. С танкера доносятся какие-то команды, его корма пустеет, а из-под нее вырывается, постепенно увеличиваясь в размерах, белый бурун. Танкер набирает ход и трусливо уходит на юго-восток.

– Пижоны! – дает оценку такого поворота событий командир, разочарованно направляясь к трапу, и командует: – Отбой!

Спускаюсь к себе в каюту. Засыпаю сразу же, как только голова касается подушки...

Автор на палубе корабля

БОЛЬШОЙ «ШУХЕР»

Будит непрерывный сигнал звонком и команда: «Боевая тревога!» Открываю глаза. Мне казалось, что я только-только прилег, а в иллюминатор уже заглядывает солнце. Слышны беспорядочный топот по палубе и невнятные крики. Надо бежать на посты. Выскакиваю из каюты, карабкаюсь по трапу, из коридора выше доносится:

– Пулемет на мостик, раздать автоматы!

– Арсенал заварен, товарищ старший лейтенант!

– Какая сволочь это сделала?!

– Так вы же, как из Владика вышли, сами приказали!

– Сварочный аппарат сюда, быстро!

Чувствую, дело пахнет жареным. Выскакиваю на палубу, осматриваю горизонт: юго-западнее два белых буруна, отбрасываемых высоко поднятым форштевнем катера, на носу кото-

рого зловеще поворачивается из стороны в сторону орудийная башня. Андрей бежит на развернутые нами посты ставить задачи морякам, я – в каюту за фотоаппаратом, потом снова на палубу. Пытаюсь отыскать для съемки местечко повыше, все еще не до конца понимая, что же происходит и почему нас ранним утром атакует неопознанный катер. Подняв голову, вижу карабкающегося на мачту боцмана, из-под рубашки которого выглядывает фиолетовый краешек флага вспомогательного флота. Вот он закрепил флаг, полотнище развернулось по ветру. Перевожу взгляд на катер. Тот резко снижает ход и начинает циркуляцию, становясь к нам бортом. Снимаю. Сквозь визир фотоаппарата замечаю на мостике катера нескольких человек, взгляды которых устремлены на нас. Один из них высоко поднимает бинокуляр, рассматривая наш, трепещущий на ветру, теперь уже «правильный» флаг.

По бортовому номеру катера и справочнику уточняем с Андреем его принадлежность и название – «Аль-Мансур» ВМС Омана собственной персоной. Через несколько минут он мирно уходит восвояси. Отбой боевой тревоге. Однако через некоторое время над горизонтом появляется черная точка, постепенно увеличивается и с жужжанием делает круг над нами. Фотографирую оманский патрульный самолет «Скайвэн», прилетевший убедиться, что мы не морские разбойники с Пиратского берега, о которых еще жива память в этих местах...

На этом «дружеские» визиты не заканчиваются. Уже не с жужжанием, а с низким воем над мачтами несколько раз проносится четырехмоторный Р-3F «Орион» – самолет базовой патрульной авиации ВМС Ирана, прилетевший с северо-запада.

Значит, отметились оба гаранта безопасности Ормузского пролива – и Оман, и Иран. Непрерывно снуем с Андреем между нашими постами и мостиком. Как же, на ловца и зверь бежит, хотя для ранних визитеров конечно же зверь – это мы. Разуверить их в этом не стремимся. Под занавес на наш кораблик строем уступа выходят два огромных американских эсминца типа «Спрюенс». Издалека опознав в нас советских, красиво перестраиваются в кильватерную колонну и приветствуют, выбрасывая флаги. Отвечаем тем же: теперь уже ни у кого не возникает сомнений в необходимости строго следовать нормам морского этикета. Тем более в общении с американцами, всегда строго выполняющими

■ Самолет базовой патрульной авиации ВМС Омана «Скайвэн»

все положенные военно-морские ритуалы в отличие от своих союзников по НАТО, более слабых и потому, наверное, пытающихся порой откровенным хамством на море несколько повысить свой статус.

Вот так, попутал лукавый подойти к немецкому танкеру, а тот переполошил весь залив, сообщив кому надо и не надо о неопознанном судне с явно «бандитской» командой. И хотя мы, по-видимому, выглядим в глазах местных судоходных кругов либо идиотами, либо провокаторами, нас с Андреем это не особенно волнует. «Звери» сами побежали в сети, и наша «добыча» весомо приросла за счет их беспечности...

К 22 августа в основном завершаем нашу работу, точнее – ее основной этап, ради которого мы с марта этого года и болтались по морям. Обобщить результаты сможем, не торопясь, во время перехода домой. Двинулись на восток к выходу из Оманского залива.

С приходом в северо-западную часть Аравийского моря гоняемся за американским авианосцем. Как-то вечером вышел на палубу, а вокруг огни кораблей сопровождения – влезли прямо в ордер.

В Аден прибыли 21 сентября. С заходом в акваторию порта пришвартовались не к причальной стенке, а бортом к кораблю нашей эскадры, стоящему на бочке. Получили указание 26 сентября пересесть на противолодочный крейсер «Ленинград», который планируют возвращать в Севастополь.

Сходил на берег. Денег мы не получили: оказывается, прикомандированные черноморцы не обеспечиваются денежным довольствием на тихоокеанских кораблях эскадры. Может, врут финансисты? Но, как бы то ни было, посещение магазинов потеряло всякий смысл. Однако в той части Адена, в которой нам разрешено бывать, кроме магазинов, смотреть нечего.

В ТРУСАХ И БЕЗ ПРЕТЕНЗИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ УБЕЖИЩЕ...

Неожиданное происшествие – ранним утром 24 сентября сбежал на берег один из корабельных матросов. Непосредственное участие в поисках пришлось принимать и мне. Сначала вместе с группой офицеров ходил по городу в надежде встретить беглеца. Вернулся на корабль только к двенадцати дня.

После обеда ко мне в каюту неожиданно является особист с эскадры в звании капитана 3 ранга и спрашивает:

– Переводчик?

– Нет, – отвечаю и поясняю, что состою в совершенно иной должности, но также требующей знания иностранных языков.

– Собирайся, поедем в местную полицию, будешь переводить.

– Это невозможно, я арабского языка не знаю.

– А у тебя какой?

– Персидский.

– Так это разве не одно и то же?

Пытаюсь объяснить, что языки абсолютно разные. Персидский относится к индоевропейской семье, а арабский – к хамито-семитской... Не понимает:

– Ты мне мозги не пудри, переводчик, прикажут, будешь переводить.

– Хорошо, – соглашаюсь, стараясь при этом не выдать улыбкой, что ситуация «переводчик – так переводи!» мне давно знакома. Не в первый раз встречаюсь с отношением ряда лиц начальствующего состава к представителям этой профессии как к универсальной машине, способной обеспечить общение с кем угодно, даже с марсианами.

– То-то же, – удовлетворенно хмыкает особист, думая, наверное, что таких, как он, на мякине не проведешь.

Переодеваюсь. Беру, как и прежде, когда действительно работал переводчиком, блокнот и ручку и сажусь в ожидающий у борта катер. Подходим к причалу, над которым возвышается здание портовой полиции. В кабинете начальника говорю с порога:

— Салам алейкум!

— Ваалейкум ас-салам, — приподнимается с кресла высокий и дородный полицейский, совсем не похожий на йеменских арабов, низкорослых и сухощавых.

— Do you speak English? — интересуюсь.

— Yes, of course, — отвечает на таком же плохоньком английском, как и у меня.

Выяснив, что друг друга мы понимаем, перехожу к изложению проблемы, которая заставила нас просить помощи у полиции. Офицер удивленно и даже немного обиженно спрашивает, почему мы сразу не обратились к нему, и, обнадеживая нас, заявляет:

— Мы найдем кого угодно в течение нескольких часов, лишь бы были его приметы, а лучше — фотография.

Возвращаемся на корабль за фотографией. Особист искоса сверлит меня взглядом, потом все же высказывает мучающие его сомнения вслух:

— Что ж ты врал-то, что их языка не знаешь?

— Так мы же не на арабском, а на английском разговаривали.

Задумчиво так отводит взгляд в сторону, соображая что-то, потом решительно поворачивается ко мне и пытается припереть к стенке:

— А «салам алейкум»?

— Так «салам алейкум», что у нас в Средней Азии, что здесь, означает «здравствуйте».

Особист успокаивается, дело не сошьешь. Да и главная забота у него нынче другая. Вся команда по его указанию ищет фотопортрет провинившегося, но не находит: беглец парень замкнутый, ни с кем не дружил, даже из своего призыва, а земляков на корабле не имел. В наличии лишь его комсомольский билет, маленькую фотографию с которого тут же переснимают хорошим фотоаппаратом, благо такие положено иметь на кораблях подобного предназначения. Тут же относим не очень четкую фотографию в полицию.

Спустя несколько часов, как и было обещано, беглеца в трусах, грязного, с затравленными глазами, привозят на корабль. Да, чтобы найти человека по таким «особым приметам», и фото не требуется... Проникшийся ко мне доверием особист после допроса рассказывает о мотивах побега: моряка за какие-то провинности лишили увольнения на берег, тот обиделся и решил самостоятельно посмотреть на заграничную жизнь. В пять утра в одних трусах он спустился с низкого борта на кранец, с него — в воду, доплыл до берега и шлялся полуголым целый день по городу...

«...И СНОВА НЕ ЗНАЕМ, КОГДА ВОЗВРАТИМСЯ К РОДНЫМ»

После случившегося увольнение на берег для всех военнослужащих кораблей эскадры, стоящих в Адене, приостановлено. А моряки нашей группы так в городе и не побывали. Лишь я дважды сходил на берег. Жаль, конечно, что удалось посмотреть только портовый район под названием «Стимер пойнт», обойти который можно за два часа. Его главной достопримечательностью является маленькая копия Биг-Бена — память о колониальном прошлом и столице метрополии Лондоне. Много торговых точек, зеленых насаждений нет. На улицах грязновато, многие из них напоминают колодцы: при ширине всего в 8–10 метров их обрамляют высокие, до шести-семи этажей, дома...

Перебрались на «Ленинград» 25 сентября — раньше, чем ожидали. В коридорах крейсера иногда явственно попахивает ромом «Гавана-клаб», а временами доносится запах хорошего сигарного табака. Весной «Ленинград» в составе отряда кораблей посетил Кубу. Встречали советских моряков радушно, а на прощание Фидель Кастро подарил им грузовик (!) рома. В Севастополь крейсер вернулся в начале лета, а уже 10 августа вновь убыл на боевую службу. По просьбе правительств Йеменской Арабской Республики, Народной Демократической Республики Йемен и Сомали советское руководство направило в Красное море корабельную группировку для проведения тральных работ, которые были успешно завершены 15 сентября.

На корабле поговаривали, что прибытие в Севастополь запланировано на 16 октября. Но 26 сентября почему-то вновь уходим на восток, к острову Сокотра, видимо, играть мускулами. Наш вояж продолжался, и об этом еще долго можно было бы рассказывать...

Тральщик «Адмирал Хорошкин»

ПОСТСКРИПТУМ

...В Севастополь мы вернулись 6 ноября 1984 года. То есть через полгода. Мой севастопольский начальник узнал меня только тогда, когда я пришел к нему в кабинет и доложил по полной форме о своем возвращении. До этого, при встрече возле штаба, он лишь машинально козырнул мне в ответ, не узнав в упор. Оно и немудрено. Когда уходил в море, весил восемьдесят шесть, по приходу — чуть более шестидесяти семи... Только глаза и усы, как шутили мои товарищи, остались прежними. Радовало то, что материалы, которые удалось добыть во время похода, оказались достаточно интересными. Начальник настоял на том, чтобы я окончательно завершил их обработку здесь же, под его личным контролем, а потом отправил меня в очередной отпуск, приплюсовав к нему положенные дни за длительное пребывание в море.

В свою часть на Кавказ я вернулся лишь в середине февраля. Несмотря на то, что прошел без малого год, в «бамутском треугольнике» все оставалось как прежде: неторопливое течение гарнизонной жизни, ежедневная служебная рутина, прерываемая воскресной охотой или рыбалкой, редкие светские новости о чьей-то женитьбе или рождении ребенка, шумные и помпезные юбилеи, переходящие в массовые гулянья, как и дни рождения... Но это уже совсем другая история.

ПОД КРЫЛОМ «БЕРКУТА»

С созданием первого отечественного зенитного ракетного комплекса С-25 небо столицы оказалось на замке

История развития любого вооружения – это непрерывный диалектический процесс вечного соперничества между средствами нападения и средствами защиты, между мечом и щитом, между снарядом и броней. Применительно к средствам ПВО это соперничество имеет определенную специфику. Она заключается в том, что по мере освоения воздушным противником новых высот и скоростей полета, применения более дальнобойных средств поражения и различных средств противодействия разрабатывались соответствующие зенитные комплексы, обеспечивающие борьбу со средствами воздушного нападения на этих дальностях и высотах, в различных условиях противодействия (огневого, радиоэлектронного, тактического).

Евгений КЛИМОВИЧ

Особенностью развития отечественного зенитного ракетного вооружения является наличие двух достаточно обособленных направлений, обусловленных существованием двух самостоятельных видов Вооруженных Сил – заказчиков этого вооружения: Войск ПВО страны и Сухопутных войск. Исторически сложилось так, что первыми в нашей стране были разработаны зенитные ракетные комплексы для Войск ПВО страны: ЗРС С-25 (на вооружении с 1955 г.), ЗРС С-75 (на вооружении с 1957 г.), ЗРК С-125 (на вооружении с 1961 г.), ЗРС С-200 (на вооружении с 1967 г.).

В 1950 году постановлением Правительства СССР была задана разработка системы ПВО г. Москвы, получившая обозначение «Беркут», позже названная С-25. Создание московской системы ПВО наряду с созданием атомного оружия и средств его доставки – баллистических ракет стало одной из важнейших государственных оборонных задач. Для ее решения были приняты особые меры. При Совете министров СССР было образовано Третье главное управление, которое курировало все вопросы, связанные с разработкой, испытаниями и серийным производством этого нового сложного вооружения. Начальником Третьего главного управления (ТГУ) был назначен В.М. Рябиков (с 1939 г. – первый заместитель наркома, затем министра вооружения). Научно-техническую часть ТГУ возглавлял известный советский ученый в области радиотехники член-корреспондент АН СССР А.Н. Щукин.

Для разработки системы в обстановке глубочайшей секретности в составе Министерства вооружений СССР была создана головная организация – мощное Конструкторское бюро № 1 (КБ-1). Его начальником был назначен заместитель министра вооружений К.М. Герасимов. Главными конструкторами разрабатываемой системы ПВО стали известный специалист в области радиотехники П.Н. Куксенко и окончивший в 1947 году Военную академию связи С.Л. Берия. Заместителем главного конструктора «Беркута» был назначен А.А. Расплетин, которого перевели в КБ-1 из ЦНИИ-108 – головного радиолокационного научно-исследовательского института, которым в то время руководил член-корреспондент АН СССР А.И. Берг. В этом институте А.А. Расплетин возглавлял ведущую лабораторию по разработке радиолокационных систем. За создание в ЦНИИ-108 радиолокатора разведки наземных целей А.А. Расплетин в 1951 году в числе группы сотрудников этого института был удостоен звания лауреата Сталинской премии. Расплетин разработал свой подход к построению радиолокатора наведения зенитных управляемых ракет на воздушные цели, определивший технический облик ЗРК С-25.

Конструкторскому бюро № 1 были отведены помещения НИИ-20

Министерства вооружений СССР, которые размешались в Москве на развилке Ленинградского и Волоколамского шоссе недалеко от станции метро «Сокол». (НИИ-20 был переведен в Кунцево.) В то время на территории НИИ-20 было также размещено специальное конструкторское бюро (СБ-1). Оно было образовано в Министерстве вооружений СССР в сентябре 1947 года для разработки системы управляемого оружия «воздух—море» (начальник и главный конструктор — П.Н. Куксенко, бывший преподаватель ленинградской Военной академии связи и руководитель дипломного проекта С.Л. Берии. Заместителем начальника СБ-1 был определен С.Л. Берия). Это конструкторское бюро было полностью включено во вновь образованное КБ-1 (впоследствии дата образования СБ-1 — 8 сентября 1947 года была принята за официальный день основания КБ-1 и его преемников — ЦКБ «Стрела» и ЦКБ «Алмаз»). В сентябре 1950 года постановлением Правительства СССР был назначен разработчик зенитной ракеты — ОКБ-301, известное самолетное конструкторское бюро С.А. Лавочкина.

Здесь нельзя не сказать о кадровой политике при создании КБ-1. Это была жестко централизованная схема подбора и расстановки кадров. Руководству КБ-1 было дано право отбирать для себя необходимых специалистов из любых организаций страны. Направление всех специалистов на работы по теме «Беркут» не согласовывалось ни с самими переводимыми специалистами, ни с их начальниками. Специалистам не сообщалось, на какую работу, для решения каких задач их направляют на новое место. Основную массу сотрудников в КБ-1 составляла молодежь: многие выпускники гражданских и военных учебных заведений 1950—1951 годов после соответствующих проверок направлялись на работу в КБ-1. Здесь также трудились вывезенные из Германии специалисты по созданию ракетной техники и отбывавшие сроки заключения советские специалисты. КБ-1 строилось во многом подобно тому, как формировались закрытые КБ в 1930-е годы, так называемые «шарашки», в которых, находясь в заключении, работали видные советские ученые А.Н. Туполев, С.П. Королев и другие.

Как уже упоминалось, в сентябре 1950 года, через месяц после подписания приказа об образовании КБ-1, постановлением правительства был определен разработчик зенитной управляемой ракеты комплекса — известное самолетное конструкторское бюро, руководимое С.А. Лавочкиным. В это КБ была переведена часть сотрудников НИИ-88 из подмосковных Подлипок, занимавшихся зенитной тематикой на базе разрабатывавшихся еще во время войны немецких зенитных ракет «Вассерфаль» и «Шметтерлинк».

Надо подчеркнуть, что к концу Второй мировой войны наибольшее развитие работы по созданию зенитного управляемого оружия получили именно в Германии. Там были созданы опытные образцы зенитных управляемых ракет «Вассерфаль», «Шметтерлинк HS-117», «Рейнтохтер-1», «Рейнтохтер-2», «Энциан Е-4». Эти ракеты были рассчитаны на дальность стрельбы от 16 до 50 км на высотах от 9 до 17 км, управлялись по радиокомандам с земли. Корпус ракеты «Вассерфаль» был фактически уменьшенной копией баллистической ракеты «Фау-2». В носовой части ракеты был установлен неконтактный взрыватель. Ракета оснащалась боевой частью осколочного типа массой 250 кг, из которых 145 кг приходилось на взрывчатое вещество. Она имела жидкостный ракетный двигатель. Испытания ЗУР «Вассерфаль» были проведены в марте 1944 года. Весьма интересную ретроспективную оценку этой ЗУР дал в своих воспоминаниях Альфред Шпеер — министр вооружений Германии в 1942—1945 годах. Анализируя свою деятельность на посту министра, он писал о том, что в свое время горячо поддержал решение Гитлера о концентрации производственных мощностей для выпуска баллистических ракет «Фау-2» длиной 14 метров и весом свыше 13 тонн: «*...Тем самым я совершил одну из своих самых серьезных ошибок за время деятельности на посту министра вооружений. Нам следовало бы бросить все силы и средства на производство ракеты класса «земля—воздух». Ведь если бы мы сосредоточили усилия талантливых специалистов и технического персонала руководимого Вернером фон Брауном научно-исследовательского центра в Пенемюнде на доработке этой получившей кодовое название «Вассерфаль» зенитной ракеты, то уже в 1942 году могли бы приступить к ее крупносерийному выпуску.*

От самонаводящейся ракеты (длина восемь метров, вес боевого заряда около трехсот килограммов, потолок высоты 15 тысяч метров) не мог уйти практически ни один бомбардировщик. Запуск ее можно было производить как днем, так и ночью, невзирая на облачность, мороз или туман. И уж если мы могли позднее ежемесячно выпускать девятьсот «Фау-2», то наверняка бы сумели производить в месяц несколько тысяч требующих гораздо меньших затрат зенитных ракет. Я до сих пор убежден, что с помощью этих ракет и реактивных истребителей уже весной 1944 года можно было надежно оградить наши промышленные объекты от воздушных налетов. Гитлер же предпочел израсходовать огромные средства на создание баллистических ракет. Осенью 1944 года окончательно выяснилось, что наш самый дорогостоящий проект оказался одновременно и самым бессмысленным. К сожалению, честолюбие и желание поскорее добиться результата побудили меня оказать содействие осуществлению этой программы. За время пребывания на министерском посту это была, пожалуй, моя единственная кардинальная ошибка. Не в последнюю очередь именно по этой причине

мы так и не смогли добиться коренного перелома в воздушной войне».

Разработчиками ракеты ЗРК «Беркут» был взят очень высокий темп работ — уже к середине марта 1951 года в КБ-1 был предъявлен эскизный проект зенитной ракеты В-300 (заводское обозначение «изделие 205»).

В апреле 1951 года новым начальником Конструкторского бюро № 1 — заместителем министра вооружений СССР был назначен А.С. Елян, работавший ранее директором Горьковского машиностроительного завода — одного из основных производителей артиллерийского вооружения в годы Великой Отечественной войны.

Необходимо отметить еще одну особенность разработки ЗРК С-25. Вопреки издавна установившемуся порядку создания образцов вооружения и военной техники, военное ведомство не выступало здесь заказчиком. Правительство страны поставило задачу создать систему ПВО Москвы и само являлось заказчиком этой системы. В роли головного исполнителя выступало КБ-1.

Основу системы ПВО Москвы должны были составить стационарные многоканальные зенитные ракетные комплексы, которые одновременно обеспечивали бы обстрел до 20 воздушных целей, летящих со скоростями 1.100–1.250 км/ч, на дальности до 35 км и на высоте от 3 до 25 км в секторе 50–60 градусов. Всю необходимую информацию от обнаружения воздушной цели до наведения ЗУР в соответствующем секторе ответственности обеспечивал радиолокатор секторного обзора (всего их для организации равнопрочной ПВО столицы понадобилось 56).

Секторный радиолокатор московской системы ПВО осуществлял обзор

своего сектора ответственности двумя лучами: по азимуту и по углу места. Каждый радиолокатор, производя такое сканирование пространства, должен был обеспечивать в своем секторе ответственности (около 60 градусов по азимуту) одновременное наблюдение за всеми находящимися в этом секторе воздушными целями, непрерывное сопровождение в нем до 20 целей и наведение на них до 20 ракет.

Так определился окончательный облик будущей системы ПВО Москвы: радиолокаторы кругового обзора А-100 (в том числе выдвинутые на дальние рубежи) — для своевременного обнаружения средств воздушного нападения и два кольца секторных многоканальных зенитных ракетных комплексов, состоящих из радиолокаторов наведения Б-200 с зенитными управляемыми ракетами В-300.

Работы по созданию ЗРК «Беркут» и зенитной управляемой ракеты велись в крайне сжатые сроки. Как вспоминают участники создания этого комплекса, их рабочий день составлял не менее 12 часов. Выходных, как правило, не давали, как и отпусков. В любое время суток они должны были находиться на месте. На предприятие, которое действовало под контролем Комитета госбезопасности, могли вызвать и ночью, и в выходные. Всем работам по системе «Беркут» присваивался особый статус. Для разработки отдельных устройств наземных средств комплекса и бортового оборудования зенитной ракеты подключались необходимые проектные организации. Были созданы новые предприятия, при них организованы специальные конструкторские бюро. Для стрельбовых испытаний зенитного ракетного комплекса в Капустином Яру (Астраханская область) был построен специальный полигон.

В марте 1951 года в Третье главное управление при Совете министров СССР была представлена документация по проекту зенитного ракетного комплекса, и в том же году начались испытательные работы на полигоне. Следует отметить, что параллельно, еще до получения результатов испытаний, разворачивалось серийное производство отдельных блоков и узлов. Более 50 заводов работали над подготовкой к серийному производству двигательных установок ракеты,

элементов и агрегатов конструкции, блоков системы управления. Такое важное значение придавалось разработке этого оружия руководством страны. Программа его создания была сравнима с советским атомным проектом.

Первый пуск зенитной ракеты был произведен в 8 часов 14 минут 25 июля 1951 года. В основу конструкции ЗУР В-300 были положены идеи, реализованные при создании немецкой ЗУР «Вассерфаль». Ракета В-300 имела массу около 3.500 кг, была выполнена по одноступенчатой схеме, ее старт должен был производиться вертикально со специального пускового стола. Ракета была оснащена жидкостной двигательной установкой.

В октябре под Москвой начались испытания опытного образца радиолокационной станции наведения ракет Б-200. Ко времени начала проведения стрельб по реальным воздушным целям еще не было отечественных беспилотных самолетов-мишеней. Летчики поднимали в воздух пилотируемые самолеты-мишени, выводили их на заданную трассу, переводили управление на автопилот, после чего покидали самолет с парашютом. За самолетом-мишенью следовали два истребителя сопровождения. Если мишень не удавалось сбить зенитной ракетой, ее уничтожали истребители.

25 мая 1953 года отечественной зенитной управляемой ракетой В-300 зенитного ракетного комплекса С-25 впервые был сбит самолет-мишень (бомбардировщик Ту-4), летевший на высоте 7 км. Этот день и считается днем рождения в нашей стране нового вида оружия – зенитного ракетного, способного вести эффективную борьбу с самолетами и другими аэродинамическими средствами воздушного нападения в любых погодных условиях, днем и ночью. С-25 стал первым отечественным ЗРК, поступившим на вооружение Войск ПВО страны (комплекс был принят на вооружение 7 мая 1955 года).

ЗРК С-25 постоянно совершенствовался: нижняя граница зоны поражения была уменьшена до 1.5 км, появилась возможность поражения целей, летящих со скоростью до 2.000 км/ч. Были разработаны ракеты с боевыми частями разных типов, что позволяло вести борьбу с перспективными средствами воздушного нападения. Претерпев ряд модификаций, этот комплекс состоял на вооружении около 30 лет.

Ракета комплекса С-25 была выполнена по аэродинамической схеме «утка». Ее масса составляла 3.400 кг, длина – 11,6 м. Ракета стартовала вертикально с пускового стола, что существенно упрощало стартовое оборудование. В качестве двигательной установки была использована связка из четырех жидкостных ракетных двигателей конструкции А.М. Исаева. После отделения от стартового стола ракета по команде от системы управления склонялась в сторону воздушной цели с помощью газовых рулей и далее после их сброса управлялась аэродинамическими рулями по радиокомандам, получаемым от наземной станции наведения. На ракете использовалась осколочно-фугасная боевая часть массой 320 кг с готовыми осколками в виде стальных цилиндров, что обеспечивало поражение аэродинамических воздушных целей, находящихся на удалении до 50 м.

Следует отметить, что одновременно с разработкой этой ЗУР в ОКБ-301 под руководством С.А. Лавочкина в КБ-1 под руководством Д.Л. Томашевича велось проектирование своей зенитной ракеты с наклонным стартом (она получила индекс 32-Б). Было проведено несколько пусков этой ракеты, однако на вооружение был принят комплекс С-25 с ракетой, разработанной в ОКБ-301. Научно-технический задел, полученный при разработке ЗУР 32-Б, был использован в дальнейших разработках КБ-1. В конце 1953 года на базе подразделения КБ-1, проектировавшего ЗУР 32-Б, было создано Особое конструкторское бюро – ОКБ-2 (ныне Машиностроительное конструкторское бюро «Факел»), основу которого составили специалисты КБ-1. Возглавил новую организацию один из заместителей С.А. Лавочкина – П.Д. Грушин. Это КБ впоследствии разработало зенитные ракеты для всех последующих зенитных ракетных комплексов, создаваемых КБ-1: С-75, С-125, С-200, семейство С-300П.

На основе ЗРК С-25 к середине 50-х годов прошлого века была создана система ПВО Москвы, имевшая два рубежа обороны, включавшая радиолокационные станции дальнего и ближнего обнаружения и 56 зенитных ракетных полков. Каждому полку отводился отдельный сектор, в пределах которого он осуществлял прикрытие объекта. Вокруг Москвы было проложено два бетонных кольца: первое – на удалении 50, второе – на удалении 90 километров от центра города. Сегодня эти кольца хорошо видны на автомобильной карте. Воинские части, вооруженные ЗРК С-25, образовали первую группировку зенитных ракетных войск в стране в составе Московского округа противовоздушной обороны. Столица была ограждена «ракетным частоколом» от ударов воздушного противника. Для защиты других городов и военных объектов еще до принятия на вооружение ЗРК С-25 «Беркут» руководством страны было принято решение о разработке передвижного зенитного ракетного комплекса С-75.

На основе зенитных ракет комплекса С-25 был разработан мишенный ракетный комплекс (МРК) «Лиса», который использовался для проведения испытаний нового вооружения и обучения зенитчиков. Основу МРК «Лиса» составили ракеты ЗРК С-25 с пусковым столом, смонтированным на гусеничном шасси оперативно-тактического комплекса 8К11. Мобильный мишенный комплекс «Лиса» использовался при проведении испытаний ЗРК С-75 «Двина» (первый пуск ракеты-мишени был выполнен 1 июня 1960 года).

Ракеты ЗРК С-25 используются также в передвижном МРК «Звезда» со штатных пусковых столов. С мишенных комплексов «Звезда» и «Лиса» пуск ракет осуществлялся вертикально – подобно космическим кораблям. Впоследствии на основе этой же ракеты были разработаны мишенные ракетные комплексы «Звезда-3» и «Звезда-5», отличавшиеся высотой полета мишени – до 24 км.

Сергей ДМИТРИЕВ

МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ СТРАНЫ

В летопись истории частей специального назначения нашей страны разведка Военно-морского флота вписала немало достойных страниц. Однако даже не каждый военнослужащий России знает о существовании одной из самых засекреченных военных профессий – водолаза-разведчика, а о проведении ими успешных операций во время Великой Отечественной войны и в последующие годы не знают наверняка. В наше время подразделения специального назначения ВМС имеются у каждой крупной державы и являются грозной силой, составляющей элиту сил специального назначения и гордость ВМС. Наша страна не является исключением и давно развивает такую боевую составляющую Вооруженных Сил.

ВЫПОЛНЯТЬ ЗАДАЧИ В ИНТЕРЕСАХ РОССИИ...

Официально части спецназа ВМФ СССР были созданы в 1953 году. В настоящее время, пережив страшные годы развала СССР, спецназ ВМФ остается одной из самых боеспособных составляющих разведки. Современными задачами морских спецназовцев являются: ведение различных видов разведки, проведение специальных мероприятий, обеспечение эффективного применения сил и средств ВМФ, Сухопутных войск и Военно-воздушных сил по противнику, выполнение задач в интересах России, которые требуют специальной подготовки, и многое другое. В качестве важных элементов современного предназначения спецназа ВМФ можно отметить: обеспечение морских десантных операций; минирование кораблей, объектов военно-морских баз и пунктов базирования, гидротехнических сооружений; поиск и уничтожение мобильных оперативно-тактических средств ядерного нападения, объектов оперативного управления, других важных целей и выявление сосредоточения войск в прибрежной зоне; наведение и корректировка ударов авиации и корабельной артиллерии на эти цели. В мирное время к этим задачам добавляется обмен опытом и взаимодействие со специальными силовыми структурами России.

Организационно спецназ ВМФ состоит из четырех морских разведывательных пунктов (МРП) на флотах, состоящих из нескольких рот различной специализации. МРП в свою очередь подчиняются разведке флота, но оперативно замыкаются на ГРУ ГШ ВС России. Для выполнения сложнейших боевых задач спецназ ВМФ имеет на вооружении: специальные и бесшумные пистолеты, автоматы и ножи для боевых действий на суше и под водой (ПСС, ПБ, АПБ; АКС-74м с ГП-3 и НСПУ-3, АКМС с ПБС, СПП-1М, АПС, НРС-2 и др.), специальные морские и сухопутные мины различной мощности и разнообразных способов доставки (СПМ, УПМ и др.), индивидуальные и групповые подводные носители водолазов («Протон», «Сирена-УМ» и др.) с грузовыми контейнерами (КТ-2, МКТ и др.), парашюты (Д-6, ПО-9, СВП-1 с ПВ-3 и др.), дыхательные аппараты замкнутого цикла и открытого типа (ИДА-71у, ИДА-75п, АВМ-5 и др.), мощные и чувствительные носимые (наземные) радиостанции и подводные гидроакустические станции звукоподводной связи (МГВ-6в и др.), разведывательную аппаратуру и другое современное вооружение и военную технику специального назначения.

Подразделения боевых пловцов могут доставляться к месту ведения боевых действий тремя различными способами (или их сочетанием): наземным вариантом, десантироваться воздушным (с помощью парашютов из самолетов ВТА и по-штурмовому из вертолетов) и морским способом (с подводных лодок, надводных кораблей и катеров ВМФ России).

ПЕРВЫЙ ОПЫТ

Фактически прообраз спецназа ВМФ появился в 1938 году на Тихоокеанском флоте в ходе успешно проведенного экспериментального учения с высадкой разведчиков в легководолазном снаряжении из торпедных аппаратов (ТА) подводной лодки (ПЛ) 22–24 октября 1938 г. в бухте Улисс. План учения был подписан командующим ТОФ Н. Кузнецовым, а разработан военврачами И. Савичевым, Н. Кривошеенко и военинженером Г. Кролем. Называлось учение «Выход бойцов из ТА ПЛ в индивидуальном снаряжении подводника (ИСП) с глубин 15–20 м с целью подрезания противолодочных сетей для форсирования ПЛ противолодочных заграждений, замены экипажей в подводном положении, высадки десанта для разведки и совершения диверсионного акта на берегу с реальным применением оружия и взрывных средств». Документация и отчеты по этому успешно проведенному учению были сохранены и даже использованы в период восстановления частей спецназа ВМФ в начале 1950-х годов. Аналогичное учение было проведено перед войной и в 1938 году на Черноморском флоте, причем инициативно и совершенно независимо от ТОФ.

Уже во время Великой Отечественной войны разведывательные группы высаживались и эвакуировались на разных флотах с помощью подводных лодок у побережья противника около пятидесяти раз, однако большинство этих высадок было в надводном положении, после всплытия ПЛ и на надувных лодках. Окончательно формирование самой структуры разведки ВМФ как самостоятельной и целостной системы было закончено в 1939 г. с образованием Наркомата ВМФ.

Наркомат ВМФ в начале Великой Отечественной войны включал три разведывательных отдела: стратегической, агентурной и радиоразведки. Однако в войну ВМФ все-таки вступил, не имея в своем составе подготовленных частей и подразделений, способных решать задачи разведывательно-диверсионного характера на

приморских направлениях. Официально первое боевое подразделение – рота особого назначения (РОН) была сформирована в Ленинграде 11 августа 1941 г. С первых же дней войны складывающаяся тяжелая обстановка на фронтах потребовала от флотской разведки активных действий на побережьях и захваченных фашистами территориях.

ВОДОЛАЗЫ-РАЗВЕДЧИКИ ВСТУПАЮТ В БОЙ

С июля 1941 г. на флотах стали формироваться разведотряды (РО) для действий на побережье и в самом тылу противника. На Северном флоте в 1941 г. был сформирован 181-й разведотряд разведотдела штаба флота, в 1942 г. – разведотряд Северного оборонительного района. На Балтийском флоте – 13 подразделений (5 разведотрядов, 7 разведрот и рота водолазов-разведчиков). На Черноморском флоте – разведотряд Одесского оборонительного района и разведотряд штаба флота, затем РО на базе Новороссийской ВМБ, оборонительных районов и флотилий.

Первым применением разведывательных подразделений ЧФ можно считать разведывательно-диверсионную операцию у Григорьевки (эта операция, кстати, официально считается первым боевым советским парашютным десантом в Великой Отечественной войне). Пункт 7 плана той операции, утвержденного 20 сентября 1941 г. Военным советом Одесского оборонительного района, гласил: «В тыл противника выбрасывается группа парашютистов, которая нарушает связь и боевое управление противника, создает панику в его тылу».

В соответствии с планом в 1 час 30 мин. 22 сентября в районе 4–5 км севернее Шицли самолетом ТБ-3 под командованием старшего лейтенанта С. Гаврилова был сброшен десант в количестве 23 человек (командир – старшина А. Кузнецов). Под покровом темноты десантники перерезали проводную связь, нападали на штабы, уничтожали фашистских офицеров и солдат. Действуя смело и решительно, десантники выполнили свою боевую задачу и утром присоединились к основному морскому десанту. Непосредственно отряд водолазов-разведчиков на ЧФ был создан по опыту балтийцев лишь в апреле 1944 г. во главе с офицером Осиповым из РОН Балтфлота. Он успел провести одну боевую операцию, в ходе которой в районе пос. Любимовка отряд был высажен в разведку, где успешно с 5 апреля по 10 мая 1944 г. вел наблюдение и сообщал по радио обо всех перемещениях кораблей и сил противника. После освобождения г. Севастополя водолазы-разведчики ЧФ осматривали потопленные корабли противника, поднимали из-под воды важные документы и оружие, обезвреживали боеприпасы, и так вплоть до расформирования отряда в конце 1945 г.

На Северном флоте отличился отряд разведчиков В. Леонова, которые постоянно участвовали в разведывательных операциях и поддерживали высадки десантов. За время войны этот отряд высадил более 50 разведывательных групп (в том числе с подводных лодок) для наблюдения за конвоями из Северной Норвегии, диверсий и разведки. В ходе одного из рейдов разведчики Леонова неожиданно высадились на мыс Крестовый, захватили вражескую батарею, а при подходе фашистского катера разбили спешившее на помощь подкрепление. Во время этого рейда было захвачено в плен 60 гитлеровцев и обеспечен успех основного десанта в Лиинахамари для освобождения от фашистов Печенги.

На Тихоокеанском флоте и Амурской флотилии в ходе боевых действий с Японией с 1945 г. действовали два разведотряда. При этом для усиления этих отрядов во Владивосток с Северного флота был переведен отряд легендарного Героя Советского Союза В. Леонова, который успешно использовал свой опыт боевых действий на СФ. Этот 140-й отряд провел ряд блестящих операций в корейских портах Юки, Расин, Сейсин, Гензан и других, но в этих операциях водолазное снаряжение не использовалось. В состав Амурского РО вошли подразделения черноморцев и балтийцев. На этом фронте было проведено несколько блестящих операций, но также без использования водолазного снаряжения. Например, тогда спецназовцы форсировали на катерах реки Амур и Уссури, сумели захватить пост в устье реки Сунгари, обеспечив подход и высадку сил основного десанта. Следующим их успехом стал захват парохода с картами водного района, которые были размножены и предоставлены командирам Амурской военной флотилии для дальнейших боевых действий.

На ТОФе В. Леонов провел множество блестящих операций. Например, в ходе нападения на корейский город Вонсан его отряд захватил 3,5 тысячи японских военнослужащих, в ходе боя за Гензон пленил 2.200 японцев, а также захватил там три артиллерийские батареи, пять самолетов и склады с боеприпасами.

РАЗВЕДЧИК БОРИСОВ ПРОТИВ «ФАУ-2»

Особо следует остановиться на боевой деятельности разведчиков РОН Балтийского флота, которые провели за время войны около 200 операций с использованием водолазного снаряжения и являлись лидерами в этом направлении. Рота особого назначения БФ была сформирована 11 августа 1941 г. и укомплектована водолазами Выборгской школы водолазов и моряками 1-й Особой бригады морской пехоты. Уже с осени 1941 г. водолазы роты особого назначения высаживались на занятые финнами острова в районе Выборга и Финского залива, откуда по радиосвязи докладывали о передвижении кораблей и сил противника. В течение Великой Отечественной войны роновцы обеспечивали высад-

ку наших десантов, сами принимали активное участие в шлиссельбургском десанте, разведке и форсировании реки Невы в районе Невской Дубровки, вели доразведку Дороги жизни на Ладожском озере, поднимали затонувшие грузы, провели успешный рейд в Стрельну и многое другое. С лета 1942 г. кроме разведывательно-диверсионных задач разведчики РОН использовались для поиска и разоружения донных мин фашистов на наших фарватерах. В зимнее время водолазное снаряжение тогда практически использовалось мало, а проводились разведка на лыжах и рейды в тыл противника в интересах флота.

Так, например, в ходе одного из рейдов водолаз-разведчик РОН В. Борисов в водолазном снаряжении дерзко вышел в тыл противника с Финского залива в районе Стрельны, где, переодевшись в фашистскую форму, проник на территорию бывшего завода «Пишмаш». По его ценной информации были получены подтверждения и точные привязки целей: позиций «Фау-2» (под Лугой) и самой радиолокационной станции, которую разворачивали под Стрельной для корректировки будущего ракетного обстрела Ленинграда. Благодаря вовремя полученной важной информации Ленинград избежал ударов, подобных тем, что наносились фашистами по Лондону, а вскрытые объекты были уничтожены огнем тяжелой корабельной артиллерии Балтийского флота.

ПРОГУЛКА ПО МОРСКОМУ ДНУ. С МИНАМИ...

Большую часть снаряжения роновцы изготавливали сами в своих мастерских: шили гидрокомбинезоны и надувные лодки, совершенствовали и переделывали дыхательные аппараты, изобрели и изготовили герметичные контейнеры для оружия и вооружения, а также мешок-устройство для длительного и скрытного наблюдения (длительного нахождения в одном месте) в разведке и многое другое. В то время рота особого назначения не имела и специальных мин, поэтому для подрыва объектов использовались даже переоборудованные якорные морские (гальваноударные) мины образца 1908 г. с массой взрывчатки типа «морская смесь» 300 кг. Такой операцией с подводным минированием под коровым названием «Бурлаки» в ноябре 1942 г. стало уничтожение военной техники, батареи и работающих саперов противника на пирсе г. Петергофа. Скопление техники и ведущиеся работы были обнаружены нашей морской и воздушной разведкой, после чего была спланирована операция. К месту ее проведения на дистанцию 2 км до объекта минирования противника разведгруппу доставил катер-буксир (шлюпку и мины). Далее разведчики осуществили переход на шлюпке на дистанцию 300 м до пирса противника, где произошел спуск трех легководолазов, их подход к пирсу и само минирование (работа шла на глубинах до 8 м). Водолазы в подводном положении «пешком» доставили к пирсу две мины. Командир группы А. Корольков прокладывал путеводную нить и позже проверил мины и перевел их в боевое положение (часовые взрыватели), а водолазы-разведчики А. Спиридонов и М. Звенцов доставляли мины. После возвращения к шлюпке отход группы разведчиков и обеспечивавших их моряков был осуществлен за два часа под самодельным парусом на другую сторону Финского залива в район поселка Ольгино. Подрыв мин был успешным и абсолютно неожиданным для противника. Немецкое командование долго вообще не могло понять, каким образом был нанесен удар.

Сложной операцией был и рейд в г. Стрельну. После предварительной доразведки в ночь с 4 на 5 октября 1943 г. водолазы-разведчики роты особого назначения И. Прохватилова проникли на катерах-шлюпках с залива на побережье Стрельнинской дамбы и взорвали там скрытно размещенные перед применением быстроходные радиоуправляемые (взрывающиеся) катера итальянских морских диверсантов, а также здание поста связи и наблюдения. К сожалению, во время этой операции погибла одна из подгрупп, возглавляемая старшим лейтенантом Пермитиным.

ТАЙНА ПОДЛОДКИ U-250

30 июля 1944 г. в Выборгском заливе наш катер МО-103 потопил глубинными бомбами немецкую подводную лодку. Это стало началом еще одной специальной операции РОН БФ, которая также вошла в историю военно-морского искусства.

Уже в августе 1944 г. водолазами-разведчиками РОН были осуществлены поиск, обследование и обеспечение подъема этой потопленной фашистской подводной лодки U-250 с глубины около 30 м. Водолазные работы были сложными, несколько разведчиков получили кислородные отравления, так как имеющееся снаряжение было задействовано на предельной для него глубине. Операция была изначально рискованной, так как немцами конструктивно был предусмотрен подрыв своей лодки при попытке ее судоподъема противником. Разведку флота сразу заинтересовал тот факт, что фашисты несколько раз безуспешно пытались разбомбить место гибели подлодки авиацией и с катеров, вели наблюдение и обстреливали артиллерией этот район. Тогда чудом спаслись шестеро фашистских подводников, а взятый в плен командир подлодки корветен-капитан В. Шмидт давал весьма противоречивые показания (командир

РОН И. Прохватилов лично участвовал в его допросах, в ходе которых даже сумел в оперативной игре выяснить точное место затопления лодки).

Сначала водолазы РОН нашли внутри лодки шифромашинку, карты с местами минирования секретного фарватера от Свинемюнде до Ленинграда и даже кортик командира подлодки, который подарили командиру РОН. По полученной информации через несколько дней проходы были заминированы силами нашего флота, и 17 августа 1944 г. на минах подряд подорвались несколько немецких эсминцев (Т-22, Т-30 и Т-32). Затем после подъема лодки и помещения ее в сухой док г. Кронштадта в ее торпедных аппаратах были обнаружены новейшие акустические (самонаводящиеся) торпеды Т-5, ранее неизвестные нашим и союзным военным специалистам. Эти электрические торпеды могли наводиться на атакуемый корабль даже при выключенном гребном винте цели на шум ее вспомогательного оборудования. Кроме того, торпеды могли совершать поисковые (зигзагообразные) маневры при выходе на цель и представляли грозное оружие. Данные модели торпед получили прозвище от самих немецких подводников «крапивник» и «королевский забор» (за реальную угрозу полной морской блокады Англии). В связи с большими потерями британского военно-морского флота от действий фашистских подлодок премьер-министр Англии Уинстон Черчилль был вынужден лично обратиться с письмом к Иосифу Сталину с просьбой дать возможность осмотреть лодку и передать одну из обнаруженных на U-250 торпед для изучения и разработки способов противодействия. На тот момент за короткий промежуток времени этими торпедами было уничтожено 24 английских корабля и несколько наших. Надо сказать, что эта просьба нашим командованием была удовлетворена, и англичане были допущены к изучению торпед на нашей территории...

Несмотря на накопленный бесценный боевой опыт, части спецназа ВМФ СССР в конце 1945 г. попали под необдуманное сокращение.

РЕНЕССАНС МОРСКОГО СПЕЦНАЗА

Только в 1952 г. начался новый этап в истории морского спецназа нашей страны. Во всем мире активно использовались подобные подразделения, и оставаться в стороне от этих событий нашему командованию было уже невозможно. В начале 1952 г. начальник разведки флота и бывший офицер разведки БФ (куратор РОН в ходе Великой Отечественной войны) контр-адмирал Л. Бекренев обратился к военно-морскому министру СССР адмиралу Н. Кузнецову с докладной запиской-обоснованием такой необходимости и обзором разведывательных данных по развитию и применению таких подразделений в иностранных флотах противника. По итоговым решениям уже 24.01.1953 г. был принят «План мероприятий по организации разведки ВМФ».

Первым разведчикам из подразделений спецназа ВМФ по руководящим документам вменялись следующие виды боевой подготовки: общая тактическая, разведывательно-диверсионная, водолазная, парашютно-десантная, автомобильная, огневая, физическая, военная топография, радиодело. Сразу стало понятно, что к военнослужащим в таких подразделениях должны предъявляться особые требования. Это прежде всего: хорошее здоровье и память, нормальное восприятие изменений давления внешней среды (в частности, хорошая проходимость евстахиевых труб и др.), отсутствие боязни замкнутого пространства (клаустрофобии) и высоты, знания и умения в различных дисциплинах военного дела, безупречная предыдущая служба, а также многое другое. Параллельно начались научная разработка и производство новой военно-морской и водолазной техники по задачам спецназа ВМФ. Прежде всего средств доставки боевых пловцов — носителей водолазов (НВ), а также новых дыхательных аппаратов скрытного типа (замкнутого цикла с регенерацией и обогашением кислородом выдыхаемой водолазом газовой смеси) с большой автономностью и мобильностью при использовании.

В дальнейшем правильность решения о создании спецназа ВМФ подтвердили сразу несколько чрезвычайных эпизодов в ВМФ СССР только за 1955 г. Один такой эпизод произошел в ходе визита нашей эскадры в Англию и стоянки корабля-флагмана с главой СССР Никитой Хрущевым у пирса г. Портсмут. Тогда под флагманским крейсером «Орджоникидзе» винтами самого корабля был уничтожен боевой пловец. Им оказался один из родоначальников этих подразделений в Англии капитан-лейтенант Лионелл Бастер по прозвищу Крабб. Ранее Крабб всю Вторую мировую войну небезуспешно охранял английскую ВМБ в Гибралтаре и боролся с итальянскими диверсантами, а в этот раз он выполнял задачу по изучению конструкции и материала винтов нашего крейсера. Англичан тогда весьма интересовало, почему этот наш 210-метровый тяжелый крейсер может развивать такую высокую скорость в 35 узлов (свыше 65 км/час). По другой малоизвестной версии все-таки готовилось реальное подводное минирование (с применением взрывателей замедленного действия для подрыва нашего крейсера при возвращении уже в

чужих водах), так как на корабле находилось не только руководство страны, но и большая делегация ученых – весь цвет науки СССР. Вахта по охране кораблей стоявшего рядом эсминца «Смотрящий» заметила в воде что-то подозрительное (предположительно голову-маску водолаза), и была выполнена срочная команда на быстрое проворачивание гребных винтов крейсера – единственное защитное действие экипажа без применения оружия, на которое не требовалось разрешение английских властей. Фрагменты водолазного снаряжения и тела английского боевого пловца были найдены через несколько дней на побережье. Английские власти и разведка МИ-5 заявили, что этот офицер находился в запасе и якобы предпринял разведывательную акцию самостоятельно и по своей личной инициативе.

Во время другого печального эпизода был подорван на неизвестной мине советский линкор «Новороссийск» в бухте Севастополя. Правительственная комиссия официально признала выводы по катастрофе, унесшей жизни 600 наших моряков, следствием подрыва на старой донной мине времен Великой Отечественной войны, но и не исключила теоретической возможности спланированных действий подводных диверсантов. Независимо от официальных выводов после расследования было снято руководство командования охраны водного района (ОВР) базы, так как в тот момент были открыты боновые (противолодочные) заграждения, а также по халатности отсутствовал дежурный корабль ОВР на рейде. Нелишне заметить, что уже тогда у итальянских диверсантов ВМС имелись все технические возможности для такой диверсии (новая сверхмалая подлодка, носители водолазов, мощные мины, хорошее знание этого района действий еще со времен Великой Отечественной войны и пр.) и большое желание отомстить СССР за использование в качестве действующего боевого трофея своего бывшего флагманского линкора «Джулио Чезаре», переименованного нами в «Новороссийск».

Здесь надо отметить, что к истории создания спецназа ВМФ СССР оба вышеперечисленных эпизода прямого отношения не имеют. Они приводятся для понимания важности развития и формирования таких специальных подразделений на флоте.

Образованные в послевоенный период новые морские разведывательные пункты (МРП) впоследствии получили название частей спецназа ВМФ.

К началу 1990-х годов наша страна имела на флотах несколько таких боеспособных и подготовленных частей разведки Военно-морского флота, которые имели практическую привязку к определенным театрам возможных военных действий и вероятному противнику. В 1968 г. образована 17-я ОБр спецназа Черноморского флота (г. Очаков, остров Березань), которая в свою очередь была сформирована на базе МРП, созданного еще в конце 1953 г. (ныне 17-я ОБр находится в составе ВМС Украины). В 1969 г. из 50 военнослужащих образован 431-й МРП спецназа Каспийской флотилии (г. Баку), которая в период развала СССР была переброшена в г. Приозерск (Ленинградская область), а затем в 1997 г. переведена к постоянному месту базирования в г. Туапсе (Краснодарский край). Также ранее были сформированы: 160-й МРП Черноморского флота (г. Одесса) (далее реорганизован); в 1983 г. – 420-й МРП спецназа Северного флота (г. Североморск, п. Кола); в 1954 г. – 457-й МРП спецназа Балтийского флота (п. Парусное, Калининградская область); в 1955 г. – 42-й МРП спецназа Тихоокеанского флота (ныне в г. Владивосток, остров Русский). В 1967 г. на Черноморском флоте был сформирован Учебно-тренировочный отряд, который долгое время занимался испытаниями и освоением новой техники для спецназа ВМФ. Функции по подготовке водолазов-разведчиков для частей спецназа и ПДСС ВМФ выполняли отдельные учебные роты в частях спецназа и до 1992 г. учебная рота при Севастопольской школе водолазов ВМФ (г. Севастополь, бухта Стрелецкая). Сейчас в составе разведки флота ВМФ остались четыре МРП: по одному на каждом из флотов.

О деятельности этих частей в мирное время можно судить на примерах новейшей истории двух из них.

Начнем рассказ с 457-го МРП спецназа Балтфлота.

С момента образования части в ней шли постоянные испытания новейших типов оружия и техники, в частности носителей водолазов «Сирена-УМ», «Тритон-1», «Тритон-2», «Протон», а также отработка в 1992 г. применения сверхмалой подводной лодки проекта № 825 (СМПЛ «Пиранья»), испытание новых десантных систем для водолазов-разведчиков. Спецназовцы принимали участие в минно-взрывных работах в Суэцком канале во время арабо-израильского конфликта 1974–1975 годов; участвовали в разработке нормативных документов по действиям и боевой подготовке водолазов-разведчиков; постоянно проводили учения по проникновению и учебному минированию всевозможных объектов на территории Калининградского региона, а также в Лиепае, Таллине, Балтийске; обеспечивали безопасность руководства страны во время встреч и переговоров глав США и СССР в Рейкьявике в 1986 г. и на Мальте в 1989 г. (корабли «Георг Отс» и «Балтия»); проводили огромное количество других мероприятий.

Здесь нельзя не упомянуть учение 1988 г. по проникновению и минированию Ленинградской АЭС в Сосновом Бору. Тогда, несмотря на учебное противодействие органов КГБ и МВД, задача по проникновению и условному уничтожению объекта была успешно выполнена с одновременным использованием двух групп, высадившихся с моря и суши. Забавное решение пришлось принять командиру одной из этих групп водолазов-разведчиков во

время перехода и доразведки объекта. Разведгруппа была неожиданно обнаружена пожилым грибником, проявившим чрезмерное любопытство. В военное время на территории противника любой человек, обнаруживший группу, подлежит немедленному уничтожению на месте, для чего головной дозор снабжается оружием бесшумного действия, например пистолетом АПБ или ПБ с глушителем. В данном случае шло учение на своей территории и в мирное время, но командир нашел выход из создавшегося положения. Грибник был «проинструктирован» и принудительно включен в состав группы, с которой ему пришлось провести несколько дней до успешного окончания разведчиками своей миссии. Он носил часть экипировки спецназовцев, готовил еду, заготавливал дрова, уточнял маршруты и выполнял другие поручения. Отпущенный на свободу только в конце выполнения боевой задачи грибник был в восторге от проведенного совместно с разведчиками времени, однако его просьба выдать справку для его пожилой супруги по факту долгого отсутствия дома не была удовлетворена и очень повеселила разведчиков. Ну а если серьезно, то по выводам и разбору данного учения охрана ЛАЭС была принципиально пересмотрена и усилена и теперь соответствует всем необходимым требованиям.

Любопытны факты учебно-боевой биографии 17-й бригады спецназа Черноморского флота до 1992 года.

Спецназовцы ЧФ первыми в СССР провели учение и отработали задачу по освобождению захваченного террористами корабля (судна на подводных крыльях) в 1988 г. с передачей полученного опыта подразделению антитеррора «Альфа». Черноморский спецназ первым стал проводить учения и решать различные практические задачи с применением боевых дельфинов и других морских животных. Один из офицеров части впоследствии даже стал командиром вновь образованной военной части — «дельфинария» в Казачьей бухте г. Севастополя. Разведчики постоянно участвовали в испытаниях и доводке новой специальной техники, подводных средств движения, оружия и контейнеров, выполняли специальные задания в Средиземном море в 1967—1990 гг., на Кубе в 1975 г., в Арабской Республике Египет в 1975 г., минно-взрывные и спасательные работы на трагически затонувшем 31 августа 1986 г. лайнере «Адмирал Нахимов» на рейде г. Новороссийска, а также решали ряд других сложнейших задач, в том числе и в «горячих точках».

Необходимо отметить, что практическое становление спецназа ВМФ было бы невозможно без активного участия отечественной науки и производственной кооперации. К сожалению, данная небольшая статья не дает возможности рассказать обо всех инженерах, испытателях, офицерах, которые являлись пионерами и энтузиастами разработки и внедрения новых систем оружия и техники для спецназовцев.

В январе 1945 г. был создан Научно-исследовательский институт ВМС, затем в 1949 г. на его научно-технической базе сформировали 49-й институт ВМС, в котором имелся отдел, занимавшийся водолазным делом и разработкой водолазного снаряжения. Но дело шло туго. В 1951 г. Генштаб и начальник разведки ВМФ контр-адмирал Б. Бобков неоднократно обращались к промышленникам с предложениями разработать и предоставить необходимую технику, прежде всего новое водолазное снаряжение и подводные средства движения. На все просьбы был получен отказ в связи с отсутствием специалистов и разработок данного профиля в отечественной промышленности и науке. После этого в 1953 г. в институте ВМС была создана лаборатория из шести научных сотрудников, которая занялась решением данной проблемы.

До конца 1960-х годов лабораторией было создано большое число дыхательных аппаратов и стационарных дыхательных систем. С 1957 года пошла активная разработка подводных средств движения (ПСД), самоходных подводных аппаратов, герметичных контейнеров, приборов навигации и связи, устройств и приспособлений для применения носителей водолазов и ПСД. Весь комплекс работ — исследования, обоснования, разработка чертежей, испытания и доводка — проводился силами научных сотрудников лаборатории. Данная работа была пионерской, и многие ее элементы выполнялись на уровне научных изобретений. Налаживалась научная и производственная кооперация, к производству и созданию техники и снаряжения привлекались многие заводы и организации.

В результате наши водолазы-разведчики получили первоклассное оружие и технику для выполнения специальных задач. И сейчас после трудного периода возобновляются изыскания и разработки. В частности, разрабатывается новый образец дыхательного аппарата серии ИДА, создается новый носитель водолазов — погружающийся и глиссирующий катер «Тритон-НН» с современными средствами космической навигации и другими техническими новинками, созданы лаборатория по испытанию подводного оружия и многое другое.

